

ИГОРЬ ЕВТИШЕНКОВ

РИМСКАЯ САГА

В ПАРФЯНСКОМ ПЛЕНУ

Игорь Евтищенко

Римская сага. В парфянском плену

«Издательские решения»

Евтишенков И.

Римская сага. В парфянском плену / И. Евтишенков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745061-8

После сокрушительного разгрома армии Марка Красса под Каррами легат Лаций попадает в плен. Его жизнь, как и жизнь его товарищей, превращается в сплошную муку, пока тех, кто выжил после издевательств парфян, не отправляют на север страны строить дворец местному правителю. Однако невольное участие в дворцовых интригах жены правителя и его сестры приводит к гибели друзей Лация. После этого опасность нависает над ним самим, и он даже не подозревает, как судьба распорядится его жизнью на этот раз.

ISBN 978-5-44-745061-8

© Евтишенков И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава Трофеи и пленные	8
Глава Недолгая осада города Карры	11
Глава Кровавая расправа	14
Глава На пути в Армению	17
Глава Встреча в Тигранакерте	21
Глава Неожиданное представление	24
Глава Подслушанная новость	29
Глава Первые дни в плену	31
Глава Жестокая благодарность сатрапа	33
Глава Верблюды с пустыми мешками	36
Глава Настойчивое любопытство Заиры	39
Глава Святая наивность	41
Глава Навстречу манящей неизвестности	42
Глава Встреча под звёздами	45
Глава Забота о ближнем	48
Глава Возвращение в шатёр	49
Глава Родник в пустыне	50
Глава Известие о смерти римлян	53
Глава Разговор с отцом	54
Глава Гай Пакциан в роли Марка Красса	57
Глава Помощь загадочной Лейлы	59
Глава Нелепая ошибка	61
Глава Мечь Варгонта	63
Глава Скорпион в носилках и Лейла в воде	66
Глава Неприятное решение	70
Глава Старейшины и визирь	72
Глава Накануне расправы	75
Глава Кровавое развлечение на городской площади	77
Глава Последний бой Варгонта	81
Глава Сражение Лация	84
Глава Один на один со смертью	89
Глава Нелёгкий бой с начальником стражи	91
Глава Один против двоих	93
Глава Неожиданное спасение	96
Глава Предательство Квинта Лабиена	98
Глава Опасная игра Заиры	102
Глава Рим узнаёт о разгроме армии Красса	106
Глава Раб и госпожа	109
Глава Трудное решение Эмилии	111
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Римская сага. В парфянском плену

Игорь Евтишенков

Дизайнер обложки Сергей Борисович Гусев

Корректор Ирина Юрьевна Бралкова

© Игорь Евтишенков, 2023

© Сергей Борисович Гусев, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-4474-5061-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Идея этой книги основывается на реальных исторических событиях, а также ряде исследований Дэвида Харриса и Х. Дабса, которые установили, что в I веке до н.э. на территории провинции Гуаньсу был построен город Лицзянь, что соответствует китайскому названию Рима. Такое же название встречается в списке городов, датированном 5 г. н. э. Этот город, предположительно, построили римские легионеры, которые попали в Китай после поражения армии Красса в 53 г. до н. э.

Также сведения о пленных легионерах содержатся у Плутарха в биографии Красса, где он пишет, что парфяне отправили их в город Маргиану или Мерв. Из Мерва те попали к хунну, которые проживали на территории современного Казахстана и Туркменистана. Там легионеры принимали участие в строительстве столицы хунну на реке Талас, в 15 км от современного города Джамбул. В 36 г. до н. э. этот город был разрушен китайским генералом Таном, и римляне оказались в плену в Китае.

Упоминание об этих людях есть и в «Истории ранней Хань» китайского историка Бая. В 1989 г. профессор Гуань Ицюань с исторического факультета Института национальностей, г. Ланьчжоу, представил новые карты, на которые нанёс ещё четыре города, основанных жителями Лицзяня. Согласно его топонимическим исследованиям, город Лицзянь был впоследствии переименован в Цзелу, что означает – «пленники, захваченные при штурме города».

***

Римская сага. В парфянском плену. Том III

Что может быть страшнее, чем попасть в водоворот интриг и вражды между людьми, желающими захватить власть любым способом? А если всё это происходит на фоне ревности и сильной любви, то учёт потерям никто не ведёт. Тем более, среди слуг, рабов и пленных. Мелкие правители и их жёны жертвуют ими по своей прихоти, и пленным римлянам, оказавшимся в далёком городе Мерв, древней родине парфян, приходится проявлять чудеса изобретательности и всё время быть настороже, чтобы не пропустить удар с той стороны, с которой его совсем не ждёшь. Главный герой оказывается вовлечённый в любовные интриги сильных мира сего, которые искренне верят в предзнаменования богов и священнослужителей. Медальон и знак на плече снова становятся причиной его страданий, однако на этот раз никто не говорит о золоте. Теперь в трёх кругах все видят только неизвестную тайну и скрытую угрозу. В итоге Лация собираются принести в жертву. Однако он не догадывается об этом до самого последнего момента. И только его умение общаться с простыми людьми, искренность и честность помогают ему чудом избежать смерти, к которой именно эти качества и вели его раньше. Он выживает, и это ставит в тупик тех, кто собирался его убить, потому что пророчество всё равно сбывается, даже без столь ужасной жертвы. Не в силах разрешить эту загадку, от него решают избавиться раз и навсегда, но уже более простым способом. И для Лация такой поворот судьбы действительно становится ужасным.

Глава Трофеи и пленные

Солнце уже давно прошло половину небосклона, но жара не спадала. Ветра не было, и горячий воздух растекался по холмам и возвышенностям. Над большими валунами он нависал мягкими шапками дрожащего марева, как будто хотел вдавить в землю ещё глубже. На вершине самого высокого холма высился скромный походный шатёр без боковых стенок и полога – только крыша и опоры. Он защищал от беспощадных лучей солнца, однако его тень не давала ощущение прохлады. Со всех сторон доносились радостные крики всадников. По сравнению с пешими римлянами их было очень мало. Они напоминали пастухов среди огромного стада баранов. Визирь неподвижно сидел на стуле Марка Красса и смотрел на них, думая совсем о другом. Его не радовала эта картина. Быстрая победа оказалась не такой, как он мечтал. Долгое ожидание сменилось пустотой, как будто земля под ногами исчезла, и какая-то неведомая сила подняла его в небо, откуда он безучастно наблюдал теперь за всем происходящим, как будто парил в облаках. Однако вместо облаков рядом находились только глупые слуги

Воины постепенно сгоняли связанных римлян к подножию холма.

– Силлак! – позвал он помощника.

– Я здесь, визирь, – поспешил ответить тот.

– Знаю, что здесь. Поедешь к нашему великому царю Ороду и отвезёшь ему этот подарок, – он небрежно кивнул на лежавшие у его ног голову и правую руку Красса. – Возьми с собой двух братьев. Что смотришь? – круглое, спокойное лицо визиря было раскрашено чёрной и синей красками. Это делало его похожим на маску. Узкие щелочки глаз не позволяли понять, какое у него было настроение, и Силлак не спешил задавать вопросы. – Бери этих двух глупых баранов и сотню всадников. Понял? – он презрительно усмехнулся, и у Силлака отлегло от сердца.

– Да, визирь, – со вздохом облегчения сказал он и поклонился. Его жидкая, клинообразная борода вздрогнула и упёрлась в грудь. В душе он ожидал наказания для Тарся и Эксатра, потому что они в очередной раз нарушили приказ Сурены. Но он даже не вспомнил об этом. Силлаку хватило ума, чтобы понять, зачем визирю нужен был письменный договор с Крассом, однако он не мог даже представить себе, какие мысли были в этот момент в голове Сурены, который понимал, что победа над римлянами ничего не изменила. Скорее, наоборот, только усугубило положение Парфии. Но над этим он сейчас не в силах был думать, чувствуя, что в произошедших событиях было что-то новое и страшное, непонятное даже ему. Поэтому нужно было время, чтобы чувства остыли и всё успокоилось, как пыль на дороге, поднятая копытами тысяч всадников.

Впереди показались какие-то фигуры, и к навесу приблизился кочевник с перекинутым поперёк лошади телом римского офицера. За ним ехал вождь его племени – Абгар из Осроены.

– Визирь, я поймал дикого зверя, который стоит много денег! – радостно выкрикнул всадник, ощерив рот в хищной улыбке. Его глаза сияли от счастья и надежды, в них даже была видна гордость. Соскочив с лошади, он поклонился. Стоявшие вокруг придворные и воины переглянулись. Сурена устало кивнул помощнику, чтобы тот поговорил с ним.

– Что ты хочешь? – спросил слуга, подойдя к воину.

– Продать его. Смотри, какой большой! Он дорого стоит. Я видел, как он сражается. Он убил много воинов, – кряхтя от напряжения, произнёс кочевник. Опуская пленного, он не удержался и завалился с ним на землю.

К ним поспешил ещё один слуга, и все вместе они наконец смогли приподнять бесчувственное тело с земли. Затем подхватили под руки и потащили визирю. Сурена посмотрел в перепачканное грязью и кровью лицо и усмехнулся.

– Кажется, я знаю его, – сказал он, повернувшись к Абгару. – Помнишь его? – спросил он араба.

– Это – легат Лаций Корнелий, о, великий победитель Красса, – почтительно ответил Абгар и протянул ему большой шлем. Когда он нашёл его на поле боя, то сразу приказал одному из своих воинов отвезти к визирю, чтобы получить хорошую награду. Пока тот пытался вытащить из-под лошади бесчувственное тело и положить его на лошадь, Абгар заметил необычный длинный меч чёрного цвета, который лежал неподалёку в пыли. Спешившись, он взял его в руки и с удивлением увидел, что на лезвии почти нет царапин и насечек. И это после боя с закованными в железо катафрактариями! Когда его кочевник всё-таки закинул плечи римлянина на лошадь, у того из руки выпал второй меч, больше похожий на длинный нож. Он тоже был чёрного цвета. Абгар подошёл к лошади и осмотрел пояс и плащ Лация. Его соплеменник нахмурил брови, но ничего не сказал. Добыча принадлежала ему.

– Бери золото себе! – успокоил его Абгар. – Мне ничего не надо. Он стащил с Лация плащ, потом срезал ремни нагрудника и шлема, дойдя до пояса. Ножны от меча он тоже отбросил в сторону, но три чёрных ножа без рукоятки оставил себе. Абгар долго смотрел, не понимая, зачем они нужны, и, в конце концов, решил, что легат использовал их для жертвоприношений. Засунув ножи за пазуху, он спрятал два меча под накидку лошади и подождал, пока воин не привязал пленного к своему коню.

Теперь, стоя перед визирем, он не знал, вспомнит ли его соплеменник об этих мечах или нет. Сурена тем временем прекратил крутить шлем в руках, покачал головой и сказал:

– Да, хороший шлем, но большой. Надо его оставить. Отнеси под навес! – он кивнул слуге и только теперь обратил внимание на ждущего вознаграждения араба. Взяв один из кинжалов с камнями, он бросил его кочевнику. – Иди! И радуйся.

– Но этого мало, – с обидой протянул тот, оценив быстрым взглядом камни. Абгар не успел вмешаться, чтобы остановить жадного воина. Сурена удивлённо поднял брови и что-то сказал начальнику стражи.

– Тебе мало кинжала из рук самого визиря? – спросил тот с натянутой улыбкой, медленно приближаясь к обиженному кочевнику.

– Нет, не мало, но этот римлянин стоит дороже. Эти камни не стоят... – ответил тот и хотел ещё что-то добавить, но не успел. Начальник охраны резким движением вытащил меч и ударил бедолагу в живот. Тот охнул, согнулся пополам и с дикой тоской в глазах завалился на бок, держась за рану.

– Ты ещё тут? – спросил Сурена, заметив, что начальник лучников с сочувствием смотрит на убитого воина. Силлак вздрогнул, сделал шаг в сторону, но потом всё-таки спросил:

– Прости за настойчивость, но, может, мне надо передать нашему царю от тебя какие-то слова?

– Хитрый лис. Учишься у Абгара? – усмехнулся Сурена. – Да... Будешь хорошим придворным! Ладно, передай, что все наши победы мы совершаем во славу его имени и склоняем головы перед его величием! – Сурена поднял руки ладонями вверх и на мгновение замер. Силлак низко поклонился и стал пятиться назад. В это время прискакали железные всадники Афрата. Они тащили на длинной верёвке тело ещё одного пленного.

– Визирь, – почтительно обратился один из них, судя по шлему и ремню, начальник сотни. – Мы схватили того римлянина, которого ты отпустил в Карры. Он убил тогда много наших воинов у реки. С ним было двадцать человек.

– А-а, – протянул Сурена и покачал головой. – Помню. Как его звали? – он снова повернул голову к Абгару. Тот нахмурился и поджал губы.

– Позволь мне взглянуть на него, повелитель, – попросил араб. Сурена кивнул. Абгар подошёл к телу и сразу вернулся. – Это – легат Варгонт. Невероятно сильный воин.

– Да, да, помню, Красс наказал его, – лицо визиря расплылось в довольной улыбке. – Римляне уважают дисциплину. Поэтому они так часто побеждают. Но не сегодня.

– Как всеильно твоё знание. Воистину так! – согласился Абгар.

– Пусть оставят здесь, – приказал Сурена слуге. Тот быстро засеменил к воинам Афрата и стал что-то им объяснять, кивая то на Варгонта, то на тело предыдущего незадачливого просителя, чья кровь широкой лужей растекалась вокруг тела, приближаясь к коленям. Сотник тупо посмотрел на чёрное пятно, которое уже стало покрываться тонким слоем мелкой пыли, и нахмурил брови. Когда слуга визиря замолчал, всадник вздохнул и опустил голову на грудь. Ему вручили всё тот же кинжал, и он предпочёл остаться в живых, хотя его лицо выражало явное недовольство.

– Да будет славен Сурена, победитель римлян, – с трудом выдавил из себя катафрактарий и наклонил плечи вперёд. Это должно было означать поклон. Остальные всадники поклонились гораздо ниже и поспешили ускакать.

– Абгар, сегодня вечером жду тебя здесь. Гарема нет, поэтому веселиться не с кем. Кое-что надо обсудить. Завтра утром собирай своих людей. Времени на ловлю римских скорпионов нет. Сами придут, когда захотят пить. Нам ещё надо взять Карры, – Сурена, кажется, начал постепенно смиряться с потерей Красса, а вместе с ним и мирного договора с Римом. На его лице впервые появилась улыбка. – Сафар! – позвал он слугу. – Скачи к Афрату, Табибу и Хазрату. Пусть придут после заката!

– Да, господин, – низко поклонился маленький худенький всадник и сразу побежал к лошади.

– Сохр! – окликнул визирь другого слугу. – Скачи к Кхабжу. Пусть везёт гарем в Карры. Там и повеселимся от души.

Раздав приказания, он откинулся спиной на шкуру и попытался закрыть глаза. Однако мысли о будущем не отпускали его. Сурене хотелось немного отвлечься от мыслей о прошлом и будущем, но глаза упрямо не закрывались. Перед ним снова и снова проплывали события последних дней, так и не дав расслабиться до самого вечера.

Глава Недолгая осада города Карры

Комендант Капоний Метелл приказал закрыть ворота, но жители города стали возмущаться.

– Мы здесь давно живём, – кричали они, – а ты – всего год!

– Сурена придёт и всех нас убьёт. Лучше сдаться ему на милость, – слышалось со всех сторон.

– Это – глупость! Милости никому не будет, – пытался возразить комендант.

– Мы не хотим воевать с Суреной!

– Уходите из города и оставьте нас! Мы торгуем, а не воюем!

Он вытер лоб и поправил шлем. А ведь ещё утром ничто не предвещало беды! Всё было спокойно до тех пор, пока в северные ворота на парфянской лошади не влетел центурион Марк Октавий, которому чудом удалось спастись в битве под Синнаками. Новость о смерти Красса и разгроме римлян мгновенно облетела город, и теперь он гудел, как растревоженный улей.

– Усилить караулы! – приказал Капоний Метелл и ушёл на стену. Парфяне могли появиться в любой момент. Римляне ждали почти до самого вечера. Все нервничали. И только когда солнце коснулось горизонта, на дороге показались первые парфянские всадники. Подъехав к запертым воротам, они развернулись и поскакали обратно.

– Что будем делать? – спрашивали центурионы.

– Защищаться. Что ещё?

– Но они могут осадить город, и тогда мы умрём через неделю. Воды нет, да и еды – тоже.

– Не смогут, – уверенно ответил Капоний Метелл. – У них много пленных. Им надо возвращаться к себе.

Однако простые воины не были такими проникательными и осторожными, как он, поэтому они думали по-другому.

– Надо уходить ночью. Или сразу сдаваться, – говорили они.

– Куда уходить?

– К Евфрату, как Кассий Лонгин.

– Не дойдём. Догонят.

– Да, это точно.

– Сколько их?

– Да тысяч десять было. Но какая разница. Здесь все против нас. Они сами ворота откроют.

– Да, это точно...

Римляне качали головами, но никаких действий пока не предпринимали. Ночь прошла спокойно. А когда наступило утро, перед ними открылась ужасная и пугающая картина. Перед воротами города сидел всего один человек, и от его неподвижного, спокойного ожидания веяло безысходностью и обречённостью.

– Комендант, там – грек... который был с Крассом, – влетел в палатку начальник смены.

– Какой грек? Купец, что ли?! – подскочил Капоний.

– Наверное.

– Сейчас, иду, – он быстро застегнул ремень, проверил меч и надел шлем. Поднявшись на стену, Капоний увидел внизу Андромаха. Тот сидел рядом с лошастью и время от времени поправлял на голове повязку, которая прикрывала голову от палящего солнца.

– Вон он! – показал караульный.

– Что тебе надо, сын гиены?! – крикнул Капоний. Андромах медленно поднял голову, приложил ладонь ко лбу и прищурился.

– Комендант, это ты? – сильным голосом спросил он.

– Да!

– У меня есть предложение, – со вздохом продолжил грек.

– Римляне не слушают никаких предложений от врагов и предателей! – всё так же яростно прокричал Капоний.

– Да, да, я знаю, – отмахнулся рукой Андромах, как будто эти слова были для него назойливой мухой. – Но ты всё-таки послушай! Может, кто-нибудь поумней, там, рядом, тебе посоветует, – этот купец был неожиданно смел и спокоен. Капоний видел, что на стенах уже собралось много горожан, которые хорошо знали грека, и это ему не нравилось. Андромах вытер лоб и продолжил: – Я здесь один. Пока один. Потому что я не хочу смерти моих друзей. Я не хочу, чтобы этот город, в котором я прожил столько лет, разрушили из-за твоей глупости, – он снова поправил сползающую повязку. – Сурена предложил мне стать комендантом города, – от этих слов Капоний чуть не рванулся вниз, чтобы убить его на месте, но вовремя сдержался. – У тебя есть два пути. Первый, ты уходишь со своими легионерами куда хочешь, и люди продолжают жить, как раньше. И второй – вас убьют, город разграбят, а всех жителей продадут в рабство. Так что, выбирай, – закончил грек и замолчал. Все, кто стоял в этот момент рядом с комендантом, слышали эти слова, и в воздухе повисла напряжённая тишина. Андромах улыбнулся.

– Римляне не сдаются! – крикнул Капоний Метелл, но кто-то настойчиво потянул его за локоть назад.

– Комендант, – это был начальник утренней смены, – люди в городе вышли на улицы. Идут открывать ворота. Может, нам всё-таки принять предложение?

– Ты что, забыл Красса?! – заорал Капоний. – Он тоже послушался этих сладких речей, и его сразу убили.

– Но у Красса было шесть легионов, почти тридцать тысяч человек, а у нас всего одна когорта и обоз. Это – пятьсот человек. Что мы сможем сделать? Помощи ждать неоткуда. Красса больше нет, – офицер замолчал. Капоний понимал его, но он был старый воин и знал, что спокойно уйти из города им не дадут.

– Прости, Фабриций, но уходить надо было раньше. С Гаем Кассием. Я отказался. Теперь остаётся только подороже продать свою жизнь. Я не могу сдаться. Будем сражаться до последнего гастата, – он посмотрел в глаза начальнику смены и понял, что тот не нарушит приказ.

– Хорошо, – наконец, ответил центурион. – Я передам приказ остальным, – он опустил голову и быстрым шагом направился вниз по лестнице.

Андромах, так и не получив ответа от римлян, вернулся к Сурене. Тот печально покачал головой и сказал:

– Подождём до полудня. Сами откроют.

Обстановка в городе тем временем накалялась. Дойдя до северных ворот, толпа взбунтовавшихся горожан стала закидывать легионеров камнями. То же самое через какое-то время произошло и у других ворот.

– Мы не сможем сражаться на стенах и внизу, – доложил ему начальник очередной смены.

– Ну и что ты предлагаешь? Сдаться?! Как галлам? Бренна¹ тогда сказал: «Горе побеждённым!» Только здесь откупаться нечем. Нас убьют, как жертвенных баранов. Понял? Так что будем драться.

– Комендант! – к ним подскакал всадник. – Северные ворота открыты! Скоро парфяне будут здесь!

---

¹ Галлы напали на римлян 16 июля 390 года до н. э. и наголову разбили римскую армию. После семимесячной осады Рима они предложили римлянам заплатить выкуп в тысячу фунтов золота в обмен на мир. Римляне согласились, принесли весы и стали взвешивать золото. Один предмет, по мнению римлян, весил на весах меньше, чем должен был. Они возмутились, заявив, что галлы используют неправильные весы. Тогда Бренна, вождь галлов, холодным голосом произнёс: «Горе побеждённым!» и бросил свой меч на весы, чтобы показать римлянам, сколько золота они ещё должны добавить, чтобы выровнять чаши.

– Отходим к западным воротам. В лагерь! – приказал Капоний и вскочил на коня. С этого момента начался ад. Парфяне ворвались в город и стали убивать всех подряд. В основном это были обезумевшие от ужаса мирные жители. К вечеру всё было кончено.

Глава Кровавая расправа

Город грабили два дня. К середине третьего почти всё, что можно было вывезти на лошадях и верблюдах, было вывезено, а большая часть населения убита. После обильной добычи в виде пленных римлян, парфяне не горели желанием возиться с простыми жителями, которые стоили на рынке рабов намного дешевле, чем крепкие легионеры. А ремесленников в этом торговом городе было мало.

Андромах бегал по улицам вместе с двумя помощниками, стараясь найти Зульфию. Однако её нигде не было. Он плакал и кричал, но это не помогало. Служанка как сквозь землю провалилась. И в этот момент его внезапно осенила страшная догадка! Андромах, тяжело дыша, кинулся к амбару. Откинув настил и спустившись вниз, он увидел, что кувшин пуст и мешочки с золотыми монетами пропали.

– А-а! – застонал он ещё сильнее от мысли, что потерял не только любовницу и служанку, но ещё и все деньги. – Быстрее! – он схватил двух новых слуг за руки. – Быстрее в лагерь парфян! Она может быть там. Она точно там! Они её схватили. Бегите! – и сам заковылял в сторону восточных ворот, куда в это время сгоняли немногочисленных пленных. Но Зульфий там не было.

– Сурена уходит! – крикнул запыхавшемуся купцу один из слуг визиря. – Ждёт тебя. Иди к нему. Быстрее!

Когда Андромах добрался до навеса, под которым сидел визирь, он уже с трудом передвигал ноги.

– Благодарю тебя... – смог выдавить он из себя и рухнул на колени.

– Мы уходим в Ашшур, – сказал Сурена, – а этот город оставляем тебе. Я держу своё слово.

– Благодарю тебя, – повторил Андромах и покачал головой, стараясь проглотить слюну. Сурена сделал знак, чтобы тому дали воду. Грек с жадностью сделал несколько глотков, но подавился и закашлялся. Визирь презрительно скривил губы.

– Никогда не торопись пить. Водой надо наслаждаться! – поучительно произнёс он. – Теперь этот город принадлежит царю Ороду. Будешь платить десять талантов золота и двадцать серебра² в год. Для такого купца, как ты, это – немного. Позаботься о том, чтобы здесь как можно быстрее поселились другие люди.

– Я сделаю всё. Благодарю тебя, великий Сурена, пролепетал Андромах. – Я уже послал людей в Ихны, Зевгму и Наттинах.

– Быстрый ты, однако. Помощники не нужны? – с коварным прищуром спросил он, кивнув в сторону римлян, которых в этот момент проводили мимо. – Вон, комендант есть. Нужен тебе? Будет воду носить, лошадей чистить, – Сурена громко расхохотался, и вместе с ним захихикали стоявшие вокруг приближённые.

– Это – слишком большой дар для такого маленького человека, как я, – с жалкой улыбкой попытался отказаться Андромах. – Я благодарю тебя за твою милость.

– Эй, Сатх, – позвал Сурена слугу. – Веди сюда этого павлина! – он ткнул рукой в сторону Капония, в кровоподтёках и синяках, оборванной тунике и без обуви.

– Нет, нет. Ты меня не так понял, – засуетился Андромах. – Я, я, не... не то хотел сказать.

– Что? – удивился Сурена. – Тебе не нужен римский раб?

– Такой раб никогда не будет работать хорошо, – осмелев, ответил Андромах.

– Тогда его надо убить! – расхохотался Сурена.

---

² 1 талант серебра – около 26—28 кг.

– Нет, он мне вообще не нужен. Благодарю тебя, – снова взмолился Андромах, однако тот его не услышал. И несчастный купец понял, что совершил ошибку. Однако было уже поздно.

– Значит, ты отказываешься от моего подарка? – со скрытой угрозой в голосе спросил визирь.

– Нет, не отказываюсь, – опомнился он, поняв, что лучше будет избавиться от римлянина в будущем без свидетелей, чем нажать себе неприятностей сейчас.

– Отказываешься, я же вижу, – покачал головой Сурена.

– Нет, не отказываюсь, но лучше убить такого раба, чем кормить зря, – опять, не подумав, сказал Андромах и сразу поплатился за это.

– Ну так вот и убей! – в глазах у визиря загорелись огоньки радости в предвкушения забавы. Он сделал знак.

– Я... я... не воин, – пролепетал ломающимся голосом грек, а слуга тем временем достал кинжал и вложил его в дрожащую руку. Перепуганный грек поднял клинок перед глазами, и на его лице застыл ужас. Капоний Метелл стоял в двух шагах со связанными руками и тупо смотрел в пустоту одним глазом. Второго видно не было – он скрылся под разрубленной бровью, которая нависла над щекой и прилипла к ней вместе с запёкшейся кровью.

– Наверное, лучше дать меч римлянину. А? Как ты думаешь? Может, он захочет убить такого малодушного хозяина, как ты, и стать свободным? – зло усмехнулся визирь и кивнул воину, который стоял рядом с Капонием Метеллом. Тот молча вложил меч в связанные руки коменданта и сделал два шага назад. Андромах взвизгнул, увидев оружие в руках своего врага, и отскочил в сторону. Слуги визиря со смехом схватили его и вернули назад.

– Нет, нет, не надо, о, великий Сурена! – завизжал диким голосом грек. Все вокруг рассмеялись. Визирь поморщился.

– Ну что, теперь сможешь убить его? – спросил он.

– Да, да! – выдал из себя Андромах. Капоний Метелл поднял голову и плюнул в сторону Сурены. Потом бросил меч под ноги и плюнул уже на него.

– Ну? – визирь поднял брови вверх и протянул руку вперёд. Лёгким движением пальцев он показал Андромаху, что тот может приступать к делу. Одержимый ужасом и животным страхом купец с неожиданной для его тучного тела прытью кинулся вперёд и стал тыкать мечом в грудь и живот римлянина. Удары были неточными и неглубокими и только причиняли боль Капонию, который продолжал стоять, истекая кровью. Сурена брезгливо поморщился. Андромах нанёс не меньше двадцати ударов, после чего без сил опустил руки и остановился, задыхаясь от напряжения. В глазах у него потемнело, и всё вокруг поплыло. Комендант города продолжал стоять, с ненавистью и презрением глядя на него единственным глазом. Андромах услышал, как Сурена что-то сказал стражнику у него за спиной. Бедняге показалось, что это был приказ убить его. Раздался короткий свист меча, и Андромах отчаянно заморгал глазами, не понимая, что происходит. Лицо римлянина, которое находилось от него на расстоянии вытянутой руки, стало медленно меняться: глаз дёрнулся и застыл под бровью, как косточка оливы, губы опустились вниз, ухо коснулось плеча, и голова, неуклюже завалившись набок, с глухим звуком упала прямо в пыль. Андромах стоял так близко, что кровь из шеи хлынула ему в лицо. Он сначала даже подумал, что это была его собственная кровь – горячая и до тошноты липкая. Но когда на него вдруг навалилось обезглавленное тело Капония, он вдруг пришёл в себя и заорал нечеловеческим голосом:

– А-а-а!!!

– Хорошо кричит! Если доживёт до утра, выкрутится, – Сурена расхохотался. Страх грека был настоящим, и это было приятно. Один из воинов взял голову коменданта за волосы и поднял над землёй, вопросительно посмотрев на визиря.

– Вот, купец, – сказал Сурена, – видишь, что значит воевать, а не торговать. Оставь ему, – сказал он кочевнику. – Насадишь на кол и поставишь у ворот. Чтобы все помнили, что стало

с римлянами. Через два лунных месяца сюда придёт тысяча всадников. Они будут охранять город. Жди их и учись торговать пеплом! – закончил визирь.

К вечеру парфян уже не было. Андромах в одной рубашке лежал на глиняной лавке, поливая голову тёплой водой из корыта для верблюдов. Это было всё, что осталось у него в этом городе. Он никак не мог смириться с потерей золота, но теперь у него была власть. И Андромах уже знал, как воспользоваться ею, чтобы вернуть всё, что потерял.

Глава На пути в Армению

Парфянский сатрап Ород спешил доехать до границ Армении как можно быстрее. В дороге он радовался молодости, задору и храбрости своего старшего сына, Пакора, который везде хотел быть первым, пусть, порой, это выглядело смешно и безрассудно. Зато он не сидел месяцами в городах и не слушал глупые рассказы мудрецов и стариков о былом величии уже давно исчезнувших народов. Пакор сам хотел добиться славы и уважения.

– Кажется, впереди армяне, – сообщил начальник дозора, высланного вперёд к реке ещё утром. Он был весь в пыли, но выглядел бодрым. Ород одобрительно кивнул.

– Где? – коротко спросил он.

– На той стороне. Но ещё далеко. Едут по дороге. Очень медленно. Мы увидели их с нашего берега. У нас тут выше.

– Молодец, – похвалил его царь, продолжая есть вкусное, только что снятое с огня мясо.

– Отец, позволь мне напасть на них! – с жаром выпалил Пакор.

– На кого? – с улыбкой спросил Ород, который давно перенял у Сурены манеру задавать вопросы, чтобы поставить собеседника в тупик перед собственной глупостью. Хотя, если бы его сейчас спросили, откуда у него такая привычка, он бы, не задумываясь, ответил, что она досталась ему по наследству от отца.

– На армян. На предателей! – с жаром ответил Пакор.

– Так на армян или на предателей? – в голосе царя прозвучала ирония.

– Как это? – опешил Пакор. – Разве армяне не предатели? – он явно был сбит с толку своим открытием, к которому подтолкнул его отец.

– Не все армяне – предатели, сын мой, – дожевывая вкусный жирный кусок, заключил царь. – Как и не все парфяне – друзья. Помни об этом.

– Отец, я тебя не понимаю. Тогда давай накажем тех армян, которые нас предали, – не сдавался он.

– Давай, – с улыбкой согласился Ород. – Только сначала скажи мне, где они.

– Как где? – снова был обескуражен Пакор. – Вон там, за рекой.

– Ты уверен?

– Да. А где же им быть? – для него всё было ясно.

– Ты сейчас находишься на их земле. Так?

– Так, – согласился Пакор, не понимая, куда тот клонит.

– Они знают эти горы и дороги лучше тебя. Так?

– Так, – опять согласился сын.

– Как ты думаешь, если бы ты был на их месте и хотел напасть на нас, стал бы ты открыто двигаться вдоль небольшой равнины, да ещё так, чтобы тебя было видно со всех сторон даже муравьям?

– Хм, – Пакор был озадачен. – Наверное, нет. Я бы напал сверху, с горы или из засады.

– Молодец. Тогда здесь уже стоял бы Рахмет, которого ты послал в горы. Он первым бы увидел врага. Правильно?

– Правильно, – в очередной раз вынужден был согласиться Пакор.

– А Рахмета нет, и вряд ли он скоро появится, – Ород вытер руки о край халата и взял чашу с водой.

– Тогда, получается, мы не собираемся воевать с Артавазом?.. – нахмурил густые брови Пакор, и Ород заметил, как поразительно он в этот момент был похож на свою мать, красавицу Лаодику.

– А кто тебе сказал, что мы собираемся с ним воевать? – с наигранным удивлением, как будто сам слышал это в первый раз, спросил он.

– Ты! – прозвучал мгновенный ответ. – Ты же сам говорил, что Артаваз заслуживает наказания за то, что хочет заключить мир с римлянами.

– Да, но это не означает, что мы идём с ним воевать, – прозвучал уклончивый ответ.

– А что же ещё это означает? – не унимался Пакор. – Если мы берём десять тысяч человек и мчимся на север, то зачем, скажи?!

– Ну допустим, – Ород поднял глаза на сына и, предвкушая его эмоции, сделал большой глоток воды, – мы спешили сюда, чтобы провести вместе время на охоте, а потом – на пиру, – он хитро улыбнулся и сделал паузу. – Может быть, царь Артаваз только подумал о том, чтобы заключить мир с римлянами, но ничего не сделал... а потом передумал и захотел заключить мир уже с Парфией. Такое может быть?

– Может. Но тогда его надо предупредить, чтобы он больше никогда не смотрел в сторону Рима.

– Пакор, Пакор... – со вздохом покачал головой Ород. – Не горячись. Царь Артаваз – неглупый человек, и он сам предложил мне отдать за тебя свою юную дочь Таланик. Чтобы скрепить узы братства между нашими народами и больше не смотреть в сторону Рима, как ты сейчас сказал.

– Ты не шутишь? – с недоверием спросил Пакор.

– Нет. А разве ты не видишь, что другого быть не может?

– Нет, – ответил растерянно сын. Он действительно не понимал сути всех хитросплетений, которые объяснял ему отец. Ему нравилось нападать и побеждать, а зачем и на кого, было неважно.

– Мы уже давно обсуждали с Артавазом твою свадьбу. Но приход римлян всё испортил. Артаваз занервничал, они отрезали его на севере, поэтому он долгое время молчал. Но не всегда молчание надо расценивать как предательство. Ты согласен? – с улыбкой посмотрел на него Ород.

– Согласен, – кивнул Пакор.

– Лучше поезжай к реке вместе с ним, – он показал на дозорного, – и последи за армянами там, на месте. Больше пользы будет. И никаких атак и угроз, понял?! – Ород нахмурил брови и посмотрел на сына, ожидая ответа. Но тот был так расстроен своей недалёковидностью, что ответил без злости и скрытого недовольства, как это бывало в таких случаях:

– Понял, понял. Действительно, лучше освежиться у реки.

– Давай, поезжай, – кивнул царь и довольно откинулся на шкуры.

Армяне добрались до берега только к вечеру и сразу выслали послов. Вскоре те предстали перед Ородом.

– Царь Артаваз приветствует тебя, о, великий владыка Парфии, – низко поклонившись, сказали они.

– Хорошо, – кивнул Ород и самодовольно посмотрел на Пакора. Тот опустил взгляд.

– Царь Артаваз просит завтра утром пожаловать на землю Армении, чтобы щедро угостить тебя и всех твоих воинов. Для него большая честь лично встретить великого царя Парфии на своей земле.

– А что ж вы так долго шли?

– Много еды и воды везли, – широко улыбаясь, ответил посол. В его голосе не было ни напряжения, ни осторожности, он говорил искренне и открыто. – Войско твоё велико, поэтому мы долго готовились, – добавил с поклоном он.

– Узнаю Артаваза! – воскликнул Ород и хлопнул себя по коленям. – Ну хитрый тигр! Ладно, передайте ему, что завтра будем. Пусть готовит пир. Так и быть!

– Да пребудет над тобой ясное небо, владыка Парфии, всегда и везде, и вода никогда не иссякнет в твоих колодцах! – поклонились довольные послы. Им было приятно, что сатрап не стал придирается к их словам и воспринял все ответы с радостью. Артаваз приказал им быть

муравьями в траве, журчащим ручейком между скал, приветливой и покорной виноградной лозой. Поэтому они старались изо всех сил.

– Возьмите от меня по золотой монете. Пусть они радуют ваши сердца по пути к вашему царю, – милостиво произнёс Ород, и все придворные заметили, что это было с ним впервые. Обычно сатрап никогда не проявлял знаки внимания по отношению к простым воинам и послам. Но в этот день Ород действительно был очень рад. Ему не хотелось воевать с Артавазом, да ещё в горах, где сверху могли неожиданно свалиться огромные камни, перегородив дорогу с двух сторон. А высокие стены Тигранакерта требовали длительной осады и специальных стенобитных орудий, которых у него с собой сейчас не было. К тому же, Артаваз сам принял решение выступить на стороне Парфии, а не Рима, хотя войско Красса была в три раза больше армии парфян. Теперь оставалось дожидаться известий от Сурены. Ород не сомневался, что Красс будет преследовать его визиря до последнего и, скорей всего, победит. Но Сурена был не так прост, чтобы дать загнать себя в ловушку. Ород боялся, что римляне всё-таки доберутся до столицы, но тешил себя надеждой, что туда их дойдёт намного меньше. Сурена должен был об этом позаботиться. Где-то там, неподалёку от столицы, он, видимо, вынужден будет принять бой и погибнет, потому что дальше идти будет некуда. Если римляне возьмут столицу, то Сурена предпочтёт погибнуть в бою, но в живых не останется. Тогда в армии Красса будет ещё меньше людей. Поэтому мирное предложение Артаваза очень обрадовало Орода. Армянский царь сохранил ему армию и теперь наверняка ещё предложит своих воинов, чтобы добить Красса на юге – уже обессилевшего и потерявшего большую часть легионеров.

Так думал сатрап Парфии Ород. А царь Армении Артаваз думал совсем по-другому, но их цели в этот момент совпадали. Он понимал, что если Красс победит Сурену, то не останется в столице Парфии. И если на пути римлян к Индии не произойдёт ничего непредвиденного, то после победы Марк Красс устремится дальше на юг, к сказочным богатствам другой страны. И никто уже не сможет удержать его от этого похода. Даже умный Гай Кассий и преданный Лаций Корнелий. В таком случае, у Армении будет время. Много времени. Два-три года, а, может, и больше. Вполне хватит на то, чтобы укрепиться на западе и подумать о мирном договоре с Римом. Когда Красс вернётся из Индии, то сразу захочет наказать Орода и тогда Армении останется только ждать, кто победит. Ждать, только ждать – вот позиция мудрого правителя, и Артаваз старался не спешить со сложными решениями. С другой стороны, если Красс не вернётся из Индии, то ещё неизвестно, когда у Рима хватит сил послать в Сирию новую армию. Даже римский полководец Лукулл, разрушивший Тигранакерт шестнадцать лет назад, хотел после этого уйти на юг, где было теплее и больше свободного пространства. Но ему помешали недоброжелатели в Сенате. Они вернули его в Рим. Пришедший вслед за ним Гней Помпей тоже не любил воевать в холодных горах и постарался как можно быстрее завершить войну с Арменией и вернуться обратно, в Рим. Поэтому на сегодняшний день мир с Парфией был для Артаваза выгоднее. А завтра... завтра всё могло измениться, лишь бы только под стенами Тигранакерта не стояли десять тысяч всадников Орода. На этот раз Артаваз оказался прав, и будущее это полностью подтвердило.

Утром два десятка армянских всадников прибыли в лагерь и стали ждать, когда им сообщат о готовности сатрапа и его свиты. Их легко было отличить от парфян по остроконечным длинным шапкам из козьей шкуры, которые хорошо защищали от холода во время долгих переходов в горах и были удобной подушкой ночью. Рубахи они заправляли в штаны, которые подпоясывали верёвками или ремнями, а на плечах носили длинные накидки из валяной шерсти или сшитых козлиных шкур. Армяне закутывались в них, как в одеяла, и могли часами сидеть на одном месте, сохраняя внутри тепло.

– Царь готов! – гордо, с вальяжностью и плохо скрываемым превосходством сообщил ближе к полудню начальник стражи Керим. Армяне направились к быстрой и опасной реке, чтобы показать брод.

– Сначала – лучники и половина всадников, – сказал Ород сыну. – А мы – за ними. Торопиться нужно медленно.

– Ты же говорил, что Артаваз не собирается на нас нападать! – удивился Пакор.

– Не собирается. Ты – прав. Но вдруг лошади поскользнутся, или берег осыплется. Знаешь, всякое бывает. А отсюда, согласишься, всё видно как на ладони. Пока они будут переправляться, мы успеем осмотреться. Красивое место, да?

Окинув взглядом серые, каменистые склоны гор и тёмную воду у подножья, Пакор задумался. Пожалуй, только небо было невероятно красивым и радовало глаз. Но отец говорил не об этом.

– Ты – сатрап, и мудрость твоя безгранична. Думаю, даже Сурена не смог бы поступить лучше! – добавил Пакор, поняв его мысль. Но лучше бы он этого не говорил. Улыбка Орода сменилась кислой гримасой, и он отвернулся, чтобы не выдать своего разочарования. Даже сын ценил Сурену выше, чем его. С возрастом это задевало самолюбие всё больше. И мириться с этим становилось всё тяжелее и тяжелее.

Через некоторое время первая часть парфянской армии без проблем переправилась через бурлящие воды холодной горной реки, и Ород дал команду следовать за ними. Артаваз уже ждал их на другом берегу со своими придворными.

– Приветствую тебя, сатрап Ород! – громко воскликнул он. – Да будет плодоносна земля твоего царства и благополучна твоя жизнь!

– Благодарю тебя, Артаваз, – кряхтя, ответил Ород. – Ты один? – постарался как можно беззаботней спросить он, изобразив на лице удивление.

– Все мои воины готовят пир для тебя, царь, – ответил тот.

– Да я не о воинах, старый ты лис, – хитро усмехнулся Ород.

– Если ты говоришь о моей дочери Таланик, то она с нетерпением ждёт приезда твоего красавца-сына, о котором ей уже все уши прожужжали во дворце. Она готовится. Хочет выглядеть красивой. Сам знаешь, эти женщины... вечно им всё не то – не те ткани, не то золото, не те украшения.

– Да, они не знают, что преданность и дружба дороже золота, правда?

– Ты прав, мудрый сатрап. Тут мне добавить нечего.

– Льстишь, хитрый ты человек, – покачал головой Ород. – Ну что ж, поехали к тебе. Поговорим о свадьбе сына.

Глава Встреча в Тигранакерте

До Тигранакерта они добирались целую неделю. И когда впереди замаячили толстые, каменные стены армянской столицы, многие с радостью вздохнули. Ород не показал этого, но в душе тоже испытал облегчение. Штурм такого города даже с хорошо подготовленной армией мог бы длиться многие месяцы. И всё потому, что вода в столицу поступала с другой стороны, и жители не боялись умереть от жажды. При осаде это было очень важно. И хорошо, что всё решилось миром.

Недалеко от ворот Артаваз остановился и поднял руку вверх. Решётка была уже давно поднята, на высоких стенах толпились тысячи жителей, а у входа выстроились всадники. Увидев своего царя, люди радостно закричали. Артаваз подъехал к самому краю переброшенного через ров моста, который одновременно служил подъёмными воротами, и спешился.

– Дорогому гостю всегда почёт и уважение в нашей стране! – проговорил он как можно доброжелательней, прижав руку к груди. Ород поднял голову и увидел, что весь путь, от того места, где стоял Артаваз, до поднятой решётки был устлан коврами. По обеим сторонам стояли девушки с цветами и фруктами. Его лицо окаменело. Артаваз заметил эту перемену и быстро оглянулся. Они долго готовились, всё выглядело нормально, люди улыбались, и дорога была свободна. – Что-то не так, великий сатрап? – тихо спросил он.

– Иди первым, – одними губами произнёс тот. – Мои люди пойдут за тобой.

– Да, но я не могу ехать впереди тебя... Сатрап Парфии – мой гость, а гости всегда идут первыми, – попытался было возразить он, но увидев лицо Орода, осёкся и замолчал. Несколько мгновений Артаваз неподвижно стоял, о чём-то думая. Но потом морщины на его лице разгладились, он выпрямился, и уже совсем другим голосом произнёс: – Конечно, конечно. Я так и сделаю. Я и все мои люди проедут по мосту. Смотри, великий сатрап, как надёжно он держит наших лошадей! – с этими словами Артаваз вскочил на коня и отдал приказ своим воинам. Полсотни всадников медленно последовали за ним к воротам. Он приветствовал людей, махал им рукой и широко улыбался. Девушки кидали под копыта коней цветы и фрукты, и, казалось, все были счастливы.

Но Ород ничего этого не видел. У него перед глазами стояла другая картина. Несколько лет назад сатрап Кармании, глава большого и знатного рода на юге Парфии, отказался платить налог в царскую казну. Ород и Сурена с войском выступили к его столице. Но к бунтарю присоединились несколько других городов и воевать с ними не было смысла. Сурена долго вёл переговоры с этим заносчивым человеком, хотя Ород предлагал начать осаду столицы и не уповать на разум глупца. Однако визирь использовал хитрость: он вёл переговоры не только с сатрапом, но и его приближёнными. Втайне от него. В результате однажды ночью, когда сатрап-бунтарь купался в бассейне с наложницами, туда из сада случайно заползли несколько ядовитых змей, и одна ужалила его прямо в шею. Он даже не успел выбраться из бассейна. После этого ни о каком сопротивлении речь уже не шла. Восставшие города поспешили прислать послов с просьбой о помиловании. Ород назначил двойную плату в казну, и они с радостью согласились. А отец умершего сатрапа попросил подождать неделю, пока он похоронит сына по обычаям своего народа и тогда будет готов открыть ворота города. Ород и Сурена, ничего не подозревая, согласились. Они не знали, что за эту неделю все придворные, которые хотели сдать город, были тихо умерщвлены и тайно похоронены в саду внутреннего дворца.

Через семь дней городские ворота открылись, и из них вышел отец бунтаря – старый, седой старик со сморщенным лицом и дрожащими руками. Они были открыты так же широко, как сейчас ворота Тигранакерта, и точно так же была устлана коврами дорога от городских стен до копыт первого парфянского коня. По обе стороны стояли огромные слоны, накрытые яркими, блестящими тканями, и это был знак высочайшего уважения к гостям. Чуть дальше

виднелись многочисленные слуги с факелами, которые показались тогда Ороду похожими на заклинателей змей.

Когда склонившиеся в поклоне послы пригласили парфян войти в город, он с пренебрежительной улыбкой тронул своего коня, но Сурена остановил его и попросил отправить вперёд одного из рабов, которого заранее передел в царскую одежду. В глазах визиря было столько напора и уверенности, что Ород согласился скорее из удивления, чем из здравого смысла. Раньше ему никогда не приходилось видеть Сурену таким озабоченным и встревоженным. Юноша в роскошных одеждах, расшитых золотом и серебром, тронул коня и направился к городским стенам. Проехав большую часть пути, он гордо поднял вверх правую руку и приблизился к старику.

Оказавшись у стен Тигранакерта, Ород прекрасно помнил, как внезапно замолчали тогда все жители города и в воздухе повисла полная тишина. Все слуги стояли, не шевелясь и почти-тельно согнув спины. Старый правитель и молодой переодетый парфянин остановились, чтобы поприветствовать друг друга. В этот момент ковры под ними стали медленно проседать вниз, и через несколько мгновений оба оказались на дне глубокой ямы. Старик что-то крикнул, и слуги стали тыкать факелами в ноги стоявших по краям слонов. Обезумевшие животные заревели от боли и ужаса, подняв в небо свои длинные хоботы и пытаясь отойти в сторону, но спасения не было – и скоро все они оказались на дне той же самой ямы, где заранее было разлито масло. Вот зачем позади старика стояли слуги с факелами! Они стали бросать их вниз, крики животных переросли в дикий рёв, и в небо поднялся столб чёрного дыма. Ород хорошо помнил оцепенение, в котором он находился всё это время, и ещё дикую улыбку старика, который перед тем, как упасть вниз, что-то назидательно сказал сидевшему на коне переодетому юноше. Наверное, он говорил о мести...

Тогда Ород долго не мог произнести ни слова. Он даже не поблагодарил Сурену – настолько сильным было впечатление от произошедшего.

Поэтому сейчас, оказавшись у стен столицы Армении и увидев устланный коврами мост, он сразу вспомнил дикий ужас, который охватил его в тот страшный день. Убедившись, что Артаваз спокойно проехал по мосту, он отослал вперёд первую сотню охраны и только потом тронулся сам. Спешившись у дворца армянского царя, Ород впервые сделал глубокий вдох и попытался улыбнуться.

– Прости, – тихо проговорил Артаваз, спрыгнув с коня, – я совсем позабыл о той истории в Кармании, – примирительно сказал он. – Глупый я и старый. Спешил. Очень хотел, чтобы тебе понравилось.

– Откуда ты знаешь о Кармании?

– В горах такие истории не забывают и рассказывают поколениями! – многозначительно улыбнулся Артаваз. – Целый год потом оттуда приходили люди и пересказывали её каждый на свой лад, прямо как Еврипидовы комедии, – он покачал головой, видимо, вспоминая те времена. – Сурена – молодец, конечно. Вовремя спас тебя, – Артаваз хотел ещё добавить, что мудрость визиря заключалась в том, что он всегда видел проблемы намного раньше, чем они возникали. Но такие слова могли обидеть Орода, поэтому он промолчал. Если бы армянский царь знал, что происходило в этот момент в душе его собеседника, то вырвал бы себе язык, но он даже не догадывался. А Ород, услышав имя Сурены даже здесь, в Армении, снова почувствовал в груди боль, как будто ядовитая змея ужалила его прямо в сердце. Чтобы Артаваз ничего не заметил, он решил перевести разговор на другую тему.

– Кстати, ты приготовил мне что-нибудь? Говорят, ты снова занялся театром и переводами Еврипида?

– Да, ты прав, – смущённо опустил взгляд Артаваз. – Нравится мне это. Я даже подготовил для тебя «Вакханок». Правда, пока на греческом. Никак не закончу перевод на армянский. Надеюсь, ты оценишь. Очень трудно. Много времени надо.

– Не терпится посмотреть. Давно уже не видел ничего подобного. Когда закончишь переводить на армянский, сделай и для моего двора на парфянском! Ты умеешь ставить спектакли, я знаю. Ничего страшного, что на греческом! Мы ведь с тобой поймём! – усмехнулся Ород, намекая на то, что остальные его не волнуют. – Пусть твои придворные лучше учат греческий! – добавил он и расхохотался. Артаваз тоже несколько раз хихикнул.

Празднества по поводу свадьбы Пакора и Таланик продолжались целую неделю. Пакор был очарован необычной красотой девушки, а Таланик никак не проявляла свои чувства, всё время пряча лицо и отделяясь короткими словами благодарности. Матери она говорила, что боится парфянского царевича. Умудрённая опытом царица понимала, что её дочь ещё скорее ребёнок, чем женщина, и ей надо привыкнуть к мужчине, чтобы полюбить его. Поэтому она не упрекала её, а просто успокаивала и терпеливо ждала. Она, как никто другой, понимала, что эту сторону жизни нельзя было описать никакими советами.

Глава Неожиданное представление

Через несколько дней Артаваз пригласил парфянского сатрапа и его свиту посмотреть новую постановку в театре.

– Что будет на этот раз? – спросил Ород. – Ты обещал «Вакханок».

– Да, «Вакханки» Еврипида³, – ответил тот.

– О, это интересно. С огромным удовольствием принимаю твоё предложение. Все с радостью послушают «Вакханок» на греческом, не так ли? – с иронией спросил парфянский царь своих приближённых. По кислому выражению их лиц он понял, что те предпочли бы охоту или скачки в поле, но сказать об этом никто не посмел.

Представление проходило в знаменитом театре, описанном ещё Лукуллом. Шестнадцать лет назад, сразу после победы над армянами, тот устроил здесь своё представление. Ород, пройдя вдоль рядов, обратил внимание на красоту некоторых женщин, которые сопровождали своих мужей, и решил поговорить об этом с Артавазом после спектакля. Представление его действительно захватило. Главная героиня Агава, которая оскорбила бога Диониса⁴ и участвовала в женских вакхических празднествах, пребывая в опьянённом состоянии, не различила в пробравшемся на гору юноше своего сына Пенфея и убила его вместе со своими подругами вакханками. И вот она возвращается домой, неся с собой его голову. Подходила к концу двенадцатая часть, и актёры хора на сцене самозабвенно пели греческий текст:

*«Мы будем смеяться и петь до рассвета,
И Вакху хвалу возносить в небеса,
Пусть страшная смерть будет в песне воспета,
Смерть зверя-Пенфея – зловонного пса!*

*Он в женской одежде пытался прокрасться,
Надеясь, что жало змеи утаит,
И шёл за быком, чтоб до места добраться,
Но бык этот вёл его прямо в Аид.*

*Менады из Фив, ваша песня пустынна,
В ней горе хоронит остатки любви,
Там мать убивает любимого сына
И руки свои обагрят в крови!*

*Пенфея дворец мать-Агава обходит,
Но взором безумным его не находит.*

Твой пир подготовлен, о, Эвий, Эвоэ!»

На сцене появилась толпа актёров, изображающих фиванских вакханок. Среди них был и главный актёр, играющий Агаву.

³ Еврипид (также Эврипид) – 480—406 г. до н. э., древнегреческий драматург, представитель новой аттической трагедии, в которой преобладает психология над идеей божественного рока.

⁴ Вакх (Дионис) – бог растительности, покровитель виноградарства, вина и виноделия, сын Зевса и Семелы, дочери Кадма. Культ Диониса, сначала имевший весёлый характер, мало-помалу становился всё более невоздержанным и переходил в неистовые оргии или вакханалии. Отсюда прозвище Диониса – Вакх, т. е. «шумный». Особенную роль в этих празднествах играли жрицы – Диониса исступлённые женщины, известные под названием менад, вакханок и т. д.

– А это кто? Не вижу под маской. Новый актёр? – тихо спросил Ород.

– Да, грек из Афин. Зовут Ясон Траллиец. Хорошо играет, – прошептал Артаваз и замолчал, так как началось тринадцатое действие. Ород одобрительно кивнул.

Агава остановилась посреди сцены и стала ждать, когда народ бросится её приветствовать. Но при виде окровавленных одежд хор замолчал, танцоры остановились в разных позах, не успев закончить танец, и обратили удивлённые взоры на главную героиню. Ороду очень нравилось, как они играли свои роли, и он наслаждался представлением.

Агаву тем временем встретила другая героиня по имени Корифейка. Она протянула руки к окружающим её людям и сказала:

*«Я вижу, Агава идёт по дороге,
Она уже близко подходит к дворцу,
Они там, в горах пели песни о боге
И вам почитать её тоже к лицу!»*

Полуголая Агава, дико озираясь, приблизилась к лидийским вакханкам:

«Вакханки из Азии, вас призываю!»

Но вместо приветствия из толпы прозвучал полный отвращения голос:

«Зачем ты зовёшь нас? Уж лучше уйди!»

Агава показала им голову своего сына Пенфея и запела:

*«Цветок этот, срезав в горах, посылаю,
Добычу счастливую вам впереди!»*

Корифейка:

«Ликующь ты, вижу! Трофей очень свежий».

Агава:

*«Его я поймала без всяких сетей.
Смотрите, ведь это же львёнок...»*

Корифейка:

*«И что же?
В какой же глуши ты нашла свой трофей?»*

Агава:

«То был Киферон!»

Корифейка:

*«Киферон, ты сказала?
Какой Киферон?»*

Агава:
«Он его и убил!»

Корифейка:

*«Так чья же добыча, скажи мне сначала?
Кто первый ударил, а кто лишь добил?»*

Агава:

*«В горах совершила я подвиг для славы
Где только лишь боги да птицы живут!
Вы видите подвиг «счастливой Агавы» —
Так все меня здесь меж собою зовут».*

В этот момент справа от сцены раздался громкий шум, послышались невнятные голоса, актёры занервничали, певцы хора невольно повернули головы в ту сторону. На сцене неожиданно появился грязный и взлохмаченный человек. Судя по одежде, это был парфянский воин. Ород не сразу узнал его. Тот был в потрёпанной накидке, на складках темнели следы глубокой пыли, к тому же, на голове у него был странный шлем, не похожий на защиту парфян или кочевников. Это был шлем римского легата! И на сцене сейчас стоял Эксатр. Ород с трудом узнал его. Воин поднял над головой что-то странное. Зрители ахнули. Это были отрубленная голова и рука человека. Эксатр сделал страшное лицо и крикнул, грубо коверкая греческие слова:

– Мой это подвиг! Я это сделал!

– Эксатр, что это такое? – не повышая голос, требовательно спросил Ород в полной тишине. Артаваз сидел рядом, открыв рот и хлопал глазами. Никто ничего не понимал. В зале повисла неловкая тишина. Ород повернул голову в сторону и заметил приближавшегося к нему Силлака. – Это что?! – грозно повторил он.

– О, великий сатрап! – помощник визиря упал на колени и коснулся лбом холодных каменных плит. – Это – голова твоего злейшего врага, Марка Красса. Все присутствующие сразу же притихли. Силлак испугался и вжался в пол, стараясь не дышать.

– Марка Красса? – тихо прошептал Артаваз. Его мысли лихорадочно закрутились вокруг тех событий, которые могли теперь произойти, но ничего угрожающего пока в них не было. Он рассчитал всё правильно.

– Красса? – повторил за ним Ород и расхохотался. – Красса? Ну и ну! – он повернулся к сцене и сказал Эксатру: – Мне нравится твоя роль. Очень нравится. Артаваз, а тебе как? – спросил он съёжившегося рядом армянского царя. Тот с улыбкой закивал головой и захлопал в ладоши. Зрители одобрительно загудели, а Эксатр, бросив голову на сцену, спустился вниз.

– Дарю тебе талант серебра! – сказал Ород. Эксатр, не отличавшийся красноречием, стал на колени и коснулся лбом пола. – Идите, от вас слишком воняет, – махнул Ород. Силлак и Эксатр отошли назад. – Пусть продолжают, – сказал он Артавазу. Армянский царь сделал знак, и молодой актёр Ясон сразу же вошёл в роль. Натянув маску, он, не брезгуя, схватил зловонную, почерневшую от гнили голову за волосы и поднял её высоко вверх.

*«Да, мой это подвиг! «Счастливой Агавы» —
Так все меня здесь меж собою зовут».*

Корифейка продолжила:

*«Точно одна ты была или всё же
Кто-то ещё был с тобою вдвоём?»*

Агава:

*«Нет, я не помню... Кадмовы, похоже,
Были там тоже. Не помню потом...»*

Корифейка:

«Ясно, Кадмовы. А дальше что было?»

Агава:

*«Помню, мы с дочками были одни,
Я его сразу на землю свалила,
После меня добивали они.*

*Славной охота на зверя была
Счастья нам много она принесла!»*

Кроме Орода и Артаваза уже никто не слушал, что происходит на сцене. И не только потому, что большая часть придворных не знали греческого, а потому, что известие о смерти Красса взволновало их сильнее, чем переживания актёров на сцене. Каждый хотел поделиться с соседом своим мнением по этому поводу, и в театре до самого конца представления не прекращались перешёптывания и тихие вздохи.

Когда прозвучали последние слова хора, Ород встал и сказал:

– Благодарю тебя за прекрасный спектакль. Твои актёры великолепны. Дарю твоему Ясону талант серебра! Хорошо сыграл! Очень хорошо, – парфянский царь одобрительно покачал головой.

– Думаю, сегодня их роли были важнее всех остальных, – польстил Артаваз.

– Хитрый ты человек! – покачал головой Ород. – Прикажи принести сюда золото и огонь. Пусть этому жадному римскому шакалу зальют в горло столько золота, сколько влезет!

– Хм, как красиво ты говоришь, – улынулся Артаваз, до конца продолжая играть вторую роль. Он махнул рукой, и начальник стражи сразу же отправил несколько человек выполнять приказ.

Когда раскалённый металл полился в обезображенный маской смерти рот, повсюду стал разноситься страшный смрад мертвечины, и придворные поспешили заткнуть носы.

– Смотрите все! – гневно произнёс Ород. – Лучше вдыхать эту вонь, чем враги будут заливать вам в рот раскалённое золото.

Придворные стали испуганно кивать головами и кланяться. Ород отошёл с Артавазом в сторону, чтобы спросить его об одной красивой женщине, сидевшей в первом ряду слева. Её нежный пушок вокруг верхней губы и густые чёрные брови вскружили ему голову.

– Это – жена коменданта города, – тихо произнёс Артаваз и замолчал, ожидая ответа парфянского царя.

– Но ведь комендант должен нести службу, не так ли? – настойчиво спросил тот. – Иногда даже очень далеко.

– Да, – протянул Артаваз, не зная, как выйти из этой ситуации и понимая, что если сатрап будет настаивать, то для коменданта этот ночной караул будет последним.

– А ты мог бы попросить эту женщину представить мне красавиц твоего гарема? Ну так, как бы невзначай? Чтобы она тоже не скучала, когда её муж будет охранять город.

– Это – большая честь для неё, – согласился Артаваз, и Ород довольно усмехнулся, порадовавшись, что ему не потребовалось долго убеждать армянского царя в правильности такого поступка.

– Мне надо немного времени. Я присоединюсь к тебе внизу, в римских термах, – озабоченно сказал Артаваз. – Надо отправить коменданта подальше от города. И сказать его жене, чтобы успела подготовиться к почётной встрече с тобой.

– Правильно! – со слащавой улыбкой ответил Ород. – Я всегда мечтал иметь такого умного и проницательного союзника, как ты.

Артаваз наклонил голову в знак почтения и предпочёл промолчать. Ему снова приходилось из двух зол выбирать меньшее. И это в его жизни происходило постоянно.

Глава Подслушанная новость

Парфянский сатрап с сыном и свитой отправились вниз, в большие тёплые бассейны, которые были построены по римскому образцу, а Артаваз, заложив руки за спину, думал о том, кого будет лучше назначить новым комендантом города после того как нынешний случайно упадёт со стены этой ночью. Его жену, Наиру, можно будет потом выдать замуж за нового начальника стражи. Главное, чтобы у неё хватило ума согласиться с Ородом. Иначе утром придётся хоронить её вместе с мужем. Спорить с победителем римлян было теперь опасно. Если Рим ради собственного тщеславия пожертвовал сорока тысячами человек, то ему ради безопасности всей Армении не страшно будет потерять одного начальника стражи, даже вместе с его женой. Артаваз хотел подойти к Ороду, но тот был занят. Он разговаривал с сыном, и, судя по лицу Пакора, разговор был непростой. Артаваз почувствовал, что они обсуждают смерть Красса и связанные с нею события. Ему надо во что бы то ни стало услышать этот разговор. Зайдя с другой стороны, он, затаив дыхание, прильнул к перегородке, которая отделяла артистов от сцены и где они обычно ждали свой выход. До него донесся голос Пакора:

– ...точно поддержат? – с сомнением спросил он.

– Да, – спокойно ответил Ород. – У них много врагов на севере. С ними всё время надо воевать. Там много проблем. Мурмилак и Антара не смогут никого прислать. У них и так сейчас мало людей!

– А его род? Они могут возмутиться. У них много людей. И ещё Силлак. Он теперь тоже победитель.

– Ты слишком умён для своих лет. Правильно думаешь. Но Силлак глуп и всего боится. Его, наоборот, надо приблизить, – задумчиво ответил царь.

– Я слышал, ему нравится Газира. Дочь глупого Мохука, – с насмешкой произнёс Пакор.

– Ну что ж, неплохая пара. Придётся ему выдать её за Силлака.

– А Афрат и его катафрактарии?

– Афрат строптив... Но он ненавидит Сурену. Тот убил его двоюродного брата Фархата.

– Да, помню. Страшная смерть. Сломал спину.

– У Сурены сейчас десять тысяч человек. Думаю, он пойдёт в Ктесифон. Все старейшины будут там. Пусть соберутся и послушают его. Не будем спешить. Надо посмотреть, кто на его стороне, а кто – нет. Наши люди расскажут, – рассуждал вслух Ород.

– Ты прав, туда идти нельзя. Но как ты его встретишь?

– Как друга. Только как друга... Но не там. После свадьбы ты поедешь в столицу и передашь ему, чтобы приехал в Экбатану. Там – хороший дворец, семь стен, узкая дорога. Даже если захочет приехать с войском, им придётся растянуться по всей долине.

– Да, точно. А что потом? Это – опасно.

– Керим сумеет подготовить ему приём, – задумчиво произнёс Ород, и Артаваз за перегородкой напрягся. Он знал Керима, начальника личной стражи Орода и догадывался, какие «приёмы» тот оказывал «ненужным гостям» по приказу сатрапа.

– Только бы он приехал один, – пробормотал Пакор.

– Не волнуйся. В Экбатане расставим людей вдоль дороги. Так что будем готовы. Ну хватит, пойдём. Я голоден, как Красс, – рассмеялся хриплым голосом Ород. – Вечером Артаваз должен подарить мне драгоценный камень, с которым я проведу всю ночь. Очень надеюсь, что он не оставит меня в одиночестве. Идём! Посмотрим, что они тут едят в горах. В прошлый раз было очень вкусно...

Когда их тени растаяли в полумраке коридора, Артаваз рванулся к другому выходу. Надо было спешить. В своих покоях он какое-то время стоял, прислонившись спиной к двери, и тяжело дышал. Все мысли были о том, что в армии Орода теперь грядут большие перемены.

Он подошёл к узкому окну и посмотрел на стены города. Внешне всё казалось тихо и спокойно. Артаваз повернулся и позвал слугу. Пора было отправлять начальника стражи в его последний караул.

Глава Первые дни в плену

Свет. Две узких полоски света. Чуть шире. Кажется, видно небо. Да, небо. Боль в голове. Почему? Шея ноет... и горит огнём А руки? Распухли и не слушаются. Ноги шевелятся. Надо повернуться и встать. Память вернулась, и сразу стало страшно. В глазах потемнело. Только стук в голове и хрип в груди. Кажется, слышны голоса... чьи-то стоны, даже слова. Только непонятные. Значит, это – поле боя. Значит, жив!

Небо заслонила огромная тень. До ушей донеслись странные слова. Непонятные. Совсем чужая речь. Парфяне! От этой мысли боль ещё сильнее сковала голову. Вылили воду на лицо. Немного попало в рот. Потом подёргали верёвки и ушли. Всё стало ясно – плен...

Лаций попытался перевернуться на бок, но боль в рёбрах перехватила дыхание, и он снова откинулся на спину, стараясь не давить связанными руками на больные места. Затем медленно повернул голову в сторону и увидел ещё одно неподвижное тело. Это был Варгонт. Он не подавал признаков жизни. На нём не было живого места: голова, лицо, плечи, руки и ноги – всё было покрыто запёкшейся кровью, как будто живьём содрали кожу. Потом пришли кочевники и вылили на него несколько мешков воды. Варгонт застонал. Его перевернули на спину и стали мазать маслом. Значит, он был нужен. Наверное, хотят продать за большие деньги. Лаций почувствовал резкую боль в рёбрах и глухо застонал. К нему подошёл один из слуг и осмотрел тело.

– Воды, – попросил он пересохшими губами. Кочевник наклонился и потянул за чёрный амулет. Затем несколько раз дёрнул, стараясь порвать кожаный ремешок, но тот не поддавался. Тогда парфянин схватил его за волосы и стащил амулет, больно зацепив за ухо. Он отпустил волосы, и голова Лация упала на землю. В затылке заныло, и в глазах снова поплыли тёмные пятна. Но теперь он не мог даже пошевелиться. Парфянин покрутил амулет в руках, потёр его пальцем, попробовал на зуб, и постучал ножом. По его разочарованному лицу было видно, что он надеялся на золото, но этот чёрный круг был сделан из чего-то другого. Он даже не обратил внимания, что нож не оставил на поверхности ни одной царапины. Потеряв интерес к амулету, кочевник бросил его на землю и ушёл. Лацию стоило больших трудов дотянуться до него и снова натянуть на шею. Хорошо, что руки были связаны спереди, а не сзади. Так обычно делали перед тем, как вести пленных в другое место.

Стражник ушёл. Воду пришлось просить у других слуг, которые приводили в чувство Варгонта. Но они не отвечали. В конце концов, Лацию удалось доползти до них. Он протянул руки и коснулся кожаного мешка. Парфяне покосились на него и продолжили собирать масло и тряпки. Его почему-то не трогали. Лаций вытащил зубами деревянную пробку и допил остатки тёплой воды. В других мешках уже ничего не было. Кочевники вернулись с водой ближе к вечеру, дали немного попить и тоже смазали раны маслом. Однако водой больше не поливали.

Раз в день им давали лепёшки и остатки варева из котлов. Лаций глотал всё это, не пережёвывая. Варгонта приходилось кормить. Ему ещё было очень плохо, хотя он уже мог переворачиваться со спины на бок. Вместо кожи у него по всему телу образовалась сплошная короста. При малейшем движении она трескалась и кровоточила. Лаций знал, что если в раны попадёт грязь и они опухнут, то его друг умрёт. Если нет, то встанет через пять-шесть дней. Варгонту повезло – раны не загноились и уже через пару дней он начал чесаться, стараясь избавиться от кровяной корки и грязи. Это был хороший признак. Они почти не разговаривали. Просто не было сил. Наконец, парфяне собрали всю добычу и решили тронуться в обратный путь. Всё произошло на рассвете.

– Вставай! – раздался громкий крик, и, застав, Лаций поднялся на ноги. Перед ним стоял кочевник невысокого роста. В руках у него была длинная верёвка, которой он связывал пленных по десять человек в ряд.

Парфянских всадников было совсем мало. Они куда-то торопились и даже не связали им ноги. У города Карры к армии Сурены присоединились несколько десятков верблюдов и два десятка повозок с высоким верхом. Кто-то сказал, что это был гарем парфянского визиря. Под Каррами они три дня праздновали свою победу. Стало ясно, что Капоний Метелл и весь гарнизон погибли. Парфяне веселились, ели, пили, куда-то уезжали огромными толпами и потом возвращались, радостно шумя. Похоже, они ездили на охоту. Все ждали, когда визирь, наконец, насладится своими многочисленными наложницами, чтобы снова двинуться в путь.

Сурена праздновал победу больше недели. За римлянами никто не следил. Варгонт и Лацию это дало возможность немного прийти в себя и оправиться от ран. ЕСТЬ давали мало, но всё равно больше, чем остальным пленным, которые сгрызали даже выброшенные кости. Но хуже всего было с водой. Её просто забывали приносить. Без воды умирали не только раненые, но и те, у кого не было на теле ни единой царапины.

Из лагеря под Каррами они стали выдвигаться не все вместе, а отдельными группами. Лаций с болью в душе наблюдал за поведением парфян. Они часто ссорились между собой и даже дрались. Никто никого не слушался, дисциплина отсутствовала. В лагере все делились по племенам и разводили костры вокруг своих палаток и шатров. Часовых каждое племя выставляло тоже только для себя. К утру незадачливые стражники обычно засыпали. Лаций вспомнил свою ночную вылазку из Карр с восьмёркой легионеров. Если бы тогда у него был хотя бы один легион! Хотя бы один...

Дорога на юг оказалась очень долгой. Ходили слухи, что их ведут в столицу Парфии. Ведут, как скот, не обращая внимания на раненых. Тех, кто не мог идти, убивали на месте, не жалея. Когда впереди показалась широкая полоса воды, парфяне заверещали, как дикие звери, и вскоре стало ясно, что они вышли к Евфрату. Теперь пить давали много, но вода была не такой чистой, как раньше. От недостатка еды, гнилой пищи и болей в желудке пленные болели и еле передвигались. Варгонт падал на землю на каждой остановке. Римлян было так много, что тем, кто не мог идти, сразу же отрезали верёвки и, ткнув несколько раз копьём или мечом, оставляли умирать под неподвижными взглядами терпеливых стервятников. Так они прошли мимо города Дура-Европос на другом берегу реки и через несколько дней свернули в сторону. Парфяне говорили, что дорога приведёт их к другой реке под названием Тигр, на берегу которой располагалась столица Ктесифон. Грязные, косматые, с небритыми лицами, римляне теперь отличались от них только одеждой. У пленных её практически не было. Многие шли почти голыми и сильно мёрзли по ночам. На каждом привале они оставляли по несколько десятков трупов. Казалось, что этим мукам не будет конца.

Глава Жестокая благодарность сатрапа

Армянский царь Артаваз хотел проводить Орода до самого Тигра, но тот отказался. На юге Армении было неспокойно, и там часто встречались небольшие группы кочевников, которые занимались разбоем. Однако Ород, услышав об этом, только усмехнулся и показал на свою армию:

– Десять тысяч всадников, чего мне бояться?

Артавазу нечего было ответить, но, по крайней мере, теперь он мог быть спокоен, потому что предложил свою помощь и, тем самым, проявил необходимую вежливость. На этом они расстались, и парфяне отправились дальше одни.

Пакор постоянно выезжал со своими друзьями охотиться. Иногда к ним присоединялся и Ород. В горах охота была совсем другой. Но сатрапа она не радовала. Он был зол сам на себя: красивая жена начальника гарнизона оказалась глупой и строптивой. В первую ночь она вообще пролежала, как бревно, не сопротивляясь и смотря на балдахин выпученными от страха глазами. Да, телом она была похожа на Лаодику в молодости, но это выражение лица! Оно всё портило. В первую ночь она молчала и воротила нос. А во вторую эта глупая трепетная лань уже знала о судьбе своего мужа и от ужаса постоянно потела. Её тело было противно скользким.

Ород плюнул в пыль, и к нему сразу подъехал слуга с вопросом в глазах. Он плюнул ещё раз, и тот понял, что лучше вернуться назад. Сатрапу было досадно, что он не смог насладиться армянской красавицей, которая через месяц, обнаружив, что беременна, бросилась с обрыва в реку и утонула. Но он пока этого не знал.

В дороге всё раздражало его и о чём бы он ни думал, мысли постоянно возвращались к Сурене. Ему казалось, что после этой победы тот больше не захочет быть визирем. По крайней мере, он на его месте точно не захотел бы. Ороду вспомнился двоюродный брат Ахрет, который посмел возмутиться казнью Митридата несколько лет назад. Когда все главы родов провозгласили Орода царём Парфии, Ахрет не поддержал их.

Тогда Ород послал ему письмо с предложением встретиться, но двоюродный брат ответил, что болен и просит оставить его одного. Ород понимал, что тот не доверяет ему и не хочет встречаться лицом к лицу. Но для войны повода не было. Тут нужен был посредник. Причём такой, которому они оба могли доверять. Им оказался Сурена. После долгих размышлений и разговоров он, наконец, согласился и тайно направился в Нису. Никто так и не узнал, как ему удалось попасть во дворец и встретиться с двоюродным братом сатрапа. Льстивые придворные донесли позже, что они проговорили вдвоём всю ночь, а утром Ахрет вышел перед своим двором и сказал:

– Я еду к своему брату Ороду. Если это суждено Ахурой Маздой, то пусть так и будет. Я принял решение. Выезжаем завтра, – повторил он и повернулся к Сурене: – Да будет так, как ты сказал.

Сурене надо было отправить к Ороду гонца, но он этого не сделал. Вместо этого он приехал с Ахретом в город Экбатана, когда сатрап уже собирался отбыть в Селевкию, где обычно проводил зиму. По лицу Орода было видно, что эта встреча была ему неприятна. Увидев своего двоюродного брата Ахрета живым и невредимым, он понял, что Сурена сделал это специально, надеясь на его милосердие.

– Я не просил тебя привозить сюда его тело, – раздражённо сказал он.

– Но я привёз вместе с телом и душу, – впервые за много лет посмел возразить ему визирь.

– Она мне тоже не нужна, – зло бросил Ород и сделал знак начальнику стражи Кериму.

Тот подошёл к коню Ахрета и взял его под уздцы.

– Так мне и надо, – горько произнёс Ахрет и отпустил поводья. Больше его никто не видел. Ород больше ни разу не вспоминал об этом случае. Но именно с тех пор дружеские отношения между ним и Суреной стали постепенно остывать.

Дорога медленно поворачивала вокруг невысокого холма. По всему склону виднелись многочисленные валуны, которые, наверное, лежали здесь с тех времён, когда на месте холмов ещё высились горы. Царь, задумавшись и опустив голову на грудь, ехал впереди. Внезапно его воспоминания нарушил резкий стук копыт. Он не успел понять, что произошло, как мимо него пронёсся какой-то всадник. Вот он резко осадил коня в нескольких шагах впереди, и Ород увидел высоко поднятый щит. После этого раздался глухой стук, как будто кто-то рассыпал сухие бобы на деревянном полу. Сзади послышались крики, и вперёд унеслись несколько десятков всадников. Ород остановился и только теперь понял, что произошло: молодой Фарух повернулся к нему со щитом, в котором торчали несколько стрел. Все они предназначались царю. Но у Орода было плохое настроение, потому что он думал о Сурене. Он ничего не сказал, только нахмурил брови. Как назло, сзади выехал отец Фаруха, уважаемый многими Мирам Карат из рода Михран... из рода Сурены.

– Молодец, сынок! – радостно воскликнул он. – Ты, как визирь Сурена, не побоялся подставить свой щит, чтобы спасти нашего великого царя!

Но лучше бы он этого не говорил. Глаза Орода налились кровью, и он еле сдержался, чтобы не ударить спешившегося рядом с ним придворного.

– Мирам Карат, – прорычал он, стараясь не перейти на крик, – скажи мне, кто может ехать впереди царя?

– Прости, мой господин, я не понимаю тебя, – растерянно пробормотал пожилой Мирам, ощутив в этих словах угрозу.

– Ты не понимаешь?! – не сдержавшись, заорал Ород. – Я – царь Парфии и я еду по своей земле, а твой сын смеет выскакивать вперёд и останавливать мою лошадь!

– Но он же спас тебе жизнь, – в отчаянии пролепетал несчастный старик, чувствуя, как на лбу начинает проступать испарина. – Он, как Сурена, хотел показать тебе... – но закончить старый придворный уже не успел, потому что, услышав ненавистное имя визиря, Ород так сильно сжал бока лошади, что та заржала и встала на дыбы.

– Замолчи! – крикнул он на Мирама. – Сурена победил римлян, а кого победил твой сын? – после этих слов воцарилось грозное молчание, и было слышно только, как лошади переступают с ноги на ногу и на ветру громко хлопают накидки повозок.

– Керим! – прорычал царь.

– Да, мой господин, – сразу же откликнулся тот.

– Скажи, ты можешь ехать впереди меня?

– Нет, мой царь, – еле слышно ответил тот.

– Нет, не можешь, – подтвердил его слова Ород. – Возьмите его! – кивнул он в сторону Фаруха.

– Мой господин, – дрожащим от волнения голосом произнёс отец юноши, став на колени прямо перед лошадью. Его сына уже стащили на землю и держали за руки, чтобы не убежал. Но тот и не думал об этом. Полными отчаяния глазами он смотрел то на отца, то на царя, не понимая, в чём его вина. – Мой сын хотел доказать тебе свою преданность и любовь, – протянул в мольбе руки Мирам Карат. – Он юн и ищет славы, а не позора. Он не прячется за спинами других при виде опасности. Ему чужды страх и предательство. Как и я, он верно служит тебе, мой господин.

– Тогда виноват ты! Потому что это ты должен был научить своего сына! Он не может выезжать впереди царя. Никогда! – Ород внезапно замер и прищурился. В его глазах мелькнул недобрый огонёк. Сердце несчастного придворного сжалось и перестало биться. – Но ты

можешь доказать свою верность, как ты говоришь, – процедил сквозь зубы царь. – Возьми меч и накажи своего сына так, как должен наказывать любой отец за такой поступок!

– Я... я... не могу, – пролепетал старый придворный, но ему уже вложили меч в руку и подвели к сыну. Тот стоял на коленях, глядя широко раскрытыми глазами на отца. Марим Карат упал рядом с ним и разрыдался.

– Твоя преданность – это твои слёзы? – со злостью спросил Ород. – Так ты верен своему сатрапу?

– Я верен тебе, мой господин, но я не могу убить своего сына, – ответил Мирам.

– Сделай это! – приказал Ород начальнику стражи и тронул лошадь. Фыркнув, животное медленно прошло мимо двух несчастных, а спустя десять шагов позади раздался свист меча и сначала голова сына, а потом и отца покатались в пыль. Керим подскакал к сатрапу и низким голосом произнёс:

– Всё сделано, – одной рукой он сжимал поводья, следя за тем, чтобы его лошадь случайно не поравнялась с лошадью царя, а в другой держал головы казнённых. Но Ород ничего не ответил, только махнул в сторону камней и поехал дальше. Начальник охраны посмотрел на него, потом – в сторону холма и, отстав, забросил отрубленные головы в кусты.

Через некоторое время вернулись всадники охраны. Они не смогли взять разбойников живьём. Им удалось настигнуть их за холмом, но те не захотели сдаваться и погибли. Судя по одеждам и оружию, это были не армяне. Но Орода эти новости уже не интересовали. Он снова задумался о Сурене, который тоже принадлежал к роду Михран, как Мирам и его сын. Теперь им овладели мысли о том, как незаметно подготовиться к встрече со своим визирем в Экбатане, чтобы об этом никто не догадался.

Глава Верблюды с пустыми мешками

Римляне напоминали умирающих муравьёв. Ветер дул со всех сторон, принося кучи пыли и песка, земля трескалась от жары, и сухие кустарники отрывались от холмов, устремляясь вслед за обречённо плетущимися толпами измученных пленников. Те, кто выжил в первые дни, постепенно превратились в животных, готовых драться за кусок кости или лепёшки, которые им бросали после захода солнца прямо на землю. Другой еды не было. Они старались держаться вместе, человек десять из старого легиона ветеранов, и это помогало им выживать. Лаций тоже ел отбросы и делился с Варгонтом. Тот чувствовал себя лучше, но передвигался с трудом. Они почти не разговаривали и больше молчали, слушая то звук шуршащего по песку ветра, то изредка приходящего в себя Павла Домициана. Во время нападения парфян под Синнаками он потерял своего брата Мария и был схвачен далеко от обоза. Судьбу остальных ветеранов он не знал. Помнил только их имена. Слепого певца даже не связали. Он шёл, держась за последнюю верёвку в связке и иногда тихо пел – худой и высокий, как тонкий кипарис, отчаянно тянувшийся к солнцу в окружении отбрасывающих тень высоких сосен и вечно хмурых, серых скал. Непонятно где, но жизнь ещё теплилась в его исстрадавшемся теле, и даже самые стойкие поразились спокойствию Павла и его вере в милосердие богов.

Днём трудно было держаться вместе, но вечером Лаций и Варгонт старались найти Икадиона и изрядно похудевшего Атиллу Крония, чтобы вместе бороться за отбросы еды, воду и защищать друг друга. Павел Домициан обычно до них не доходил. Его часто перехватывали иллирийцы, заставляя рассказывать истории и петь песни, чтобы хоть как-то отвлечься от страха и ужаса дневных переходов. Бывало, что те, кто слушал его ночью, к следующему вечеру уже были мертвы, и он повторял свои рассказы другим пленным с самого начала.

Больше всего неприятностей доставляли верёвки. Как Лаций ни старался растянуть их, но у него ничего не получалось – конский волос не тянулся. Он даже подкладывал куски ткани, смягчал водой и плевал до изнеможения, но ничего не помогало – они всё равно растирали кожу до кровавых ран. Оставалось только подтягивать их повыше и идти так полдня, а потом опускать вниз и ждать привала. Это немного помогало – так кожа растиралась, но не лопалась.

Однажды парфяне остановились на невысоких холмах задолго до наступления заката. Песка здесь было меньше, чем в пустыне. Вокруг росли кустарники и лежало много камней. Римлян, как всегда, согнали в кучу. Лаций заметил несколько больших валунов и потащил к ним Варгонта, Икадиона и Атиллу.

– Зачем? – одними губами прошептал Варгонт.

– Утром прохладно. Снизу будут капли, – устало ответил Лаций. – Можно будет слизать.

Они без сил повалились рядом с валунами. Остальные пленные расположились чуть дальше, шагах в двадцати-тридцати. Обычно на стоянке все спешили оказаться в середине, потому что крайних всегда убивали первыми. Иногда это происходило из-за того, что там оказывались самые слабые, которые не могли больше двигаться, а иногда парфяне хватили их просто так, для развлечения.

Лаций опёрся спиной о большой камень и стал растирать ноги и руки. Рядом проходили бродяги, проезжали телеги и плелись верблюды с пустыми мешками. Несколько раз он замечал знакомые лица нищих и гетер, которые были в римском лагере около Александрии и Антиохии. Теперь они с такой же радостью следовали за парфянами, развлекаая и ублажая их, как полгода назад делали это рядом с лагерем римлян.

Жара ещё не спала. Спрятаться от солнца было практически негде. Варгонт сразу же впал в беспамятство. Лаций накрыл ему голову его же туникой. Сзади послышались странные звуки. Он приподнял голову. Всего в нескольких шагах от них стояли двугорбые животные. С большими грязными мешками на спинах. Из одного торчала сломанная стрела. «Верблюды, гряз-

ные верблюды, – проплыло у него в голове. – Верблюды победили Рим...» Лаций уронил голову на грудь и закрыл глаза. Он старался бороться со сном, чтобы не пропустить разносчиков воды. Они разрешали иногда промывать раны Варгонта. Грязь каким-то чудом ещё не попала ему в кровь. Но это могло произойти в любой момент, и тогда смерть наступила бы в течение двух дней. Варгонт и так долго продержался. Многие умирали гораздо быстрее. От плохой еды и тухлой воды у людей распухал правый бок, начинала болеть печень, и они желтели прямо на глазах. После этого их обычно добивали парфяне.

Варгонт тихо постанывал, лёжа под камнем. Край туники сполз с лица, и из-под неё показались закатившиеся глаза пугающе белого цвета, без зрачков. Рот с потрескавшимися губами зиял чёрной ямой на фоне заросшей щетины и почерневшей кожи. Он даже не чесался, как остальные. Мелкие вши стали настоящим бедствием, от которого в Риме обычно спасали термы и одежда из шёлка. Но здесь единственной одеждой была кожа и густые длинные волосы, в которых эти паразиты чувствовали себя полными хозяевами.

Став на колени, Лаций поправил остатки накидки на теле друга и обвёл взглядом камни, ища чем накрыться самому. Но всё было тщетно. Он слотнул вязкую слюну. Ужасно хотелось пить. Сразу вспомнились мешки с водой. У Евфрата их поили щедро. Хотя вода была грязная. Сейчас он много отдал бы даже за несколько капель. За камнями повсюду стояли одни верблюды. Ленивые, медленные животные. Лаций лежал грудью на покатам крае валуна и бездумно смотрел на них, чувствуя, что засыпает и скоро не сможет оторвать голову от рук. Но воду пропустить было нельзя. Он приподнялся и покрутил головой. На камнях убаюкивающе шевелились длинные тени верблюдов. Лаций поморщился. Причудливые фигуры животных медленно расплывались, увеличиваясь в размерах, и холмы за их спинами начинали качаться из стороны в сторону.

Резкий скрип колёс не сразу дошёл до его сознания. Он присмотрелся. С другой стороны, прямо за двугорбыми проехали две больших повозки с высокими бортами. Их сопровождали несколько всадников. Внезапно повозки остановились прямо напротив валунов, но из-за спин животных их было плохо видно. Один из кочевников подъехал к первой повозке. Оттуда показалось лицо старой женщины чем-то похожее на косточку персика. Казалось, что она всегда и всем была недовольна, потому что в каждой морщине её лица застыли раздражение и злость. Лаций даже не догадывался, что это была старая служанка дочери ненавистного ему Абгара. Услышав голоса разносчиков воды, он отвернулся и направился к ним.

Старуха тем временем что-то сказала всаднику, и тот, кивнув головой, отъехал в сторону. Сама она неожиданно ловко для своего возраста перелезла через край и быстро засемила ко второй повозке. Сутулости как не бывало! Там она долго что-то искала, пока не нашла нужный узел. Схватив его, женщина что-то недовольно пробурчала и зло посмотрела на двух девушек, которые со страхом наблюдали за ней из глубины повозки. Эти рабыни следили за вещами своей госпожи и её верной служанки. Старуха никогда не хвалила их и всегда кричала. Поэтому они сидели, не дыша, и старались ничем не привлечь её внимание. Когда она, продолжая бормотать, вылезла из повозки, рабыни с облегчением вздохнули. Всадники стояли позади и терпеливо ждали. Их кони время от времени всхрапывали и махали хвостами, отгоняя назойливых мух.

Внутри первой повозки было тихо. Сверху и по бокам её плотно накрывали несколько слоёв ткани, поэтому снаружи невозможно было услышать или увидеть то, что происходило внутри. Верблюды, которые стояли между повозками и римлянами, постепенно разбрелись. За ними показались валуны, дальше лежали пленные. Накидка из толстой грубой ткани слегка зашевелилась. В одном углу она незаметно отошла в сторону, и оттуда выглянули два любопытных глаза. Но этого никто не заметил. Щель была слишком узкой и терялась в угловых складках. За ними пряталась юная дочь Абгара, полная сил и энергии, любопытная и весёлая, волею судеб и правителей вынужденная проводить всё своё время в шатре или в закры-

той повозке, ограничиваясь общением со своей старой служанкой и рабынями, которые тоже с трудом переносили такую жару в соседней повозке.

– На, держи! Вот твои накидки. Не дышится ей... – старуха бросила узелок в повозку.

– Не сердись, – улыбнулась Заира и отложила его в сторону. Старая служанка нахмурилась, услышав в её голосе весёлые нотки. Жизнерадостность её пугала. Всегда и во всём. Она считала, что хорошее настроение было причиной больших неприятностей.

– Чему радуешься? – раздражённо пропыхтела она. Но Заира не обращала на её ворчание никакого внимания.

– А ты раньше видела римлян?

Вопрос прозвучал неожиданно. Старуха повернула голову и увидела, что девушка смотрит в узкую щель между складками.

– Каких римлян? Ты что, меня специально туда отправляла? – прошипела она, содрогнувшись от внезапно охватившего её страха. – Ох, доиграешься ты! Доиграешься. Не смотри туда! – настойчиво произнесла Хантра, понизив голос. – Иначе я тебя свяжу! Ой свяжу, доиграешься! – она могла позволить себе такие поступки, потому что была её родной тёткой. Невысокая, сутулая, вечно раздражённая и брюзжащая, сестра Абгара с самого детства ссорилась с родителями, братьями и сёстрами, не говоря уже о ровесниках. У отца так и не получилось выдать её замуж, поэтому она жила в доме брата, помогая ему воспитывать рано осиротевшую Заиру. Постоянное плохое настроение состарило её раньше, чем можно было ожидать, и после того как Хантра поседела, все забыли, сколько ей лет и считали чуть ли не бабушкой Заиры. Внешне она не была похожа на брата. Маленький нос и близко посаженные глаза делали её лицо узким, а тонкие, тёмно-синие губы только усиливали неприятное впечатление, которое возникало у людей с первых минут общения. Хантра всех подозревала в неискренности и во всём видела подвох. И хотя Абгар так не считал, но эти качества были очень нужны для воспитания Заиры. Поэтому постепенно Хантра стала её тенью, которую такая чрезмерная опека никак не смущала. Однако всё изменилось, когда её заметил владыка Парфии. С этого момента она в полной мере ощутила, насколько ужасной может быть безумная любовь и забота её тётушки.

– Да прекрати ты! Посмотри, какой большой воин... и какой странный, – не обращая внимания на клокочущую в её голосе злость, продолжала она. – У него такие сильные руки. И красивые плечи. Интересно, кто он? Наверно, друг Красса или его брат? Очень большой и очень сильный. И такая смешная борода, – она рассмеялась.

– Заира, тише! – прохрипела почти в самое ухо Хантра.

– Ну что ты так волнуешься? – с неудовольствием ответила та. – Я же только посмотрела... Ой, гляди, что он делает! – она схватила тётку за локоть и притянула к себе. На той пахло старым козым сыром и прелым потом. Заира фыркнула и рассмеялась. Хантра с неудовольствием выдернула руку, но женское любопытство взяло верх, и она склонилась к узкой полоске света над подушкой. В двадцати шагах от повозки она увидела усталого, измождённого римлянина, который какое-то время лежал на камне, исподлобья наблюдая за верблюдами, а потом вдруг перелез и подошёл к самому ближайшему. Руки у него были связаны, но он мог идти. Хантра и Заира замерли. Им показалось, что пленный споткнулся и, чтобы удержаться, схватился за пустой мешок. Верблюд переступил с ноги на ногу, но даже не повернул голову. Теперь человека не было видно из-за горбов, а вскоре сбоку подошёл ещё один верблюд. Его копыта подняли в воздух мелкую пыль, и пленный почти растворился в ней. Однако вскоре он появился чуть дальше, у камней, где пыли уже не было. В руках у него были два мешка.

– Смотри, он снял их! Зачем они ему? – удивлённо прошептала Заира.

Старая служанка хотела что-то ответить, но замешкалась. Ей самой было интересно узнать, что будет дальше, поэтому она только недовольно пожалала плечами и, засопев, стала пристально всматриваться вдаль. То, что она увидела, удивило её не меньше, чем её юную племянницу.

Глава Настоячивое любопытство Заира

Лаций увидел, что Икадион и Атилла пошли за водой и устало вернулся к валуну. Его внимание снова привлекли верблюды. Что-то в них было не так. Он долго смотрел застывшим взглядом на пустые мешки из-под стрел, пока в голове не прозвучало слово «мешок». Повторив его несколько раз, он удивился, что не догадался об этом раньше. До животных было всего несколько шагов. Он перелез через камень и, подойдя к ближнему, дёрнул грубую ткань на себя. Ничего не получилось. Оказалось, что мешки были привязаны с двух сторон. Лаций устало ткнулся лбом в бок верблюда. Тот несколько раз переступил с ноги на ногу и поднял целое облако пыли. Лаций испугался, что верблюд убежит. Но животное безразлично смотрело в другую сторону. Подёргав мешок несколько раз из стороны в сторону, он окончательно убедился, что его не сорвать. Рука осторожно опустилась вниз и нащупала на боку вязаную волосяную верёвку. Она проходила прямо под брюхом верблюда. К ней как раз и были привязаны оба мешка. Сил удивляться уже не было, но он на мгновение остановился, чтобы запомнить эту хитроумную выдумку парфян. Ведь так можно было не заботиться о том, что груз упадёт со спины лошади или верблюда во время долгих переходов. А после боя их можно было нагрузить чем-то другим! Он вспомнил, что воду в Риме тоже развозили в кожаных мешках. Их никогда не закрепляли. Это мимолётное сравнение ненадолго отвлекло его. Когда удалось найти узел и растянуть его из стороны в сторону, руки уже не слушались. Зато два мешка, как награда, лежали на земле. Чихая от пыли, он на ощупь развязал вторую верёвку и снял ещё два. Теперь можно было возвращаться.

Подойдя к Варгону, Лаций опустил на землю. Стоять не было сил. Он накрыл тело товарища одним мешком, а со второго попробовал сорвать верёвки. Но узлы из конского волоса были слишком крепкие. Он толкнул Атиллу и протянул ему два других мешка. Тот молча кивнул, взял один себе, а вторым накрыл Икадиона. Затем дал Лацию немного воды. Беспощадное солнце теперь не так обжигало тело, но скоро должна была наступить ночь, а вместе с ней и промозглый холод. Лаций надеялся, что под мешками будет теплее. Он ещё успел подумать, что утром их надо будет спрятать... но эта мысль, как трепетная птица, была сразу же сбита беспощадной стрелой усталости. Поэтому когда его голова коснулась локтя, он уже крепко спал. Спал и не видел две пары глаз, пристально наблюдавших за ним из большой повозки, – одни большие и чёрные, с застывшей в них искрой неподдельного восхищения, а другие – маленькие и злые, с бегающими зрачками под напряжённо нахмуренными бровями.

– Всё, поехали! – резким шёпотом прорычала старая служанка и дёрнула девушку за руку. Та поджала губы и откинулась назад, задумчиво уставившись в полумрак повозки. – Ты что, Заира? – окликнула её Хантра. – О чём думаешь, а? – старуха напрасно всматривалась в темноту, пытаясь рассмотреть её лицо. Внутри было слишком темно и душно. Хантра тяжело дышала и от этого видела ещё хуже.

– Он накрыл своего товарища, – прошептала через какое-то время Заира.

– Что?

– Ничего. Просто этот пленник не похож на других.

– Да... они все не похожи... поначалу. Ты смотри, не дури. Это всё – рабы Сурены!

А Сурена шутить не любит.

– Мы – тоже его рабы. Скажи, а мы могли бы купить его у Сурены? – заговорщицким голосом спросила Заира, неожиданно приблизившись к самому уху старухи и положив ей руку на плечо.

– Ты что?! – в страхе отмахнулась та. – И не думай! Ты – будущая жена Орода. И тебе нельзя об этом думать! Нельзя! Только словом обмолвишься, и всё, конец тебе... и мне – тоже. И отец родной не найдёт. Не вздумай даже думать об этом, поняла?! – горячо зашептала она,

но, не услышав ответ, разнервничалась и дёрнула девушку за край платья. – Ну-ка, дай мне слово, что никому не скажешь!

– Хорошо, хорошо, успокойся. Даю тебе слово, – прошептала Заира.

– Нет, скажи, что ничего не сделаешь без моего ведома.

– Ничего не сделаю. Обещаю, – улыбнулась она.

– И никому не скажешь, никого не попросишь и никуда не пойдёшь! – опять дёрнула её за руку тётка.

– Да куда я пойду? Ты что, с ума сошла? Я же без тебя никуда и так не хожу! – искренне возмутилась Заира.

– Ну ладно, ладно. Только смотри, не делай глупостей, – Хантра стала успокаиваться, чувствуя, что по-прежнему имеет над ней власть. – И даже не смотри в их сторону! – приказала она напоследок.

– Хорошо, хорошо, успокойся уже, – похлопала её нежно по спине Заира.

– Уж лучше бы их всех убили, – процедила сквозь зубы тётка, но племянница не слышала этих слов. – Или может их всех лучше... – опытную и мудрую старуху вдруг осенила блестящая догадка, и она застыла у полога, держась одной рукой за край телеги.

– Ну что, едем? – недовольно спросил снаружи один из всадников.

– А?! Что?.. – с трудом оторвавшись от своих мыслей, переспросила его старая служанка.

– Всё уже? Едем? – повторил воин и лениво тронул лошадь.

– Да, едем, – коротко ответила она и, высунувшись, махнула рукой. Повозки продолжили движение. Старуха несколько раз украдкой бросала на Заиру встревоженные взгляды, но та неподвижно сидела на подушках, погружившись в свои мысли. И это только укрепило старую Хантру в её догадках.

Глава Святая наивность

Ночь, как всегда, наступила быстро. Повозки остановились в лагере, и служанки вместе с евнухами стали перетаскивать вещи в большой шатёр. Заира не спешила заходить внутрь, чтобы не мешать. Тем более ей хотелось подольше постоять у входа, потому что отсюда она могла увидеть пленных римлян, если бы их вдруг стали перегонять в другое место. Старая Хантра заметила это, но промолчала. Она не хотела привлекать внимание евнухов и стражников, не говоря уже о рабынях, которые могли любую, даже самую нелепую глупость превратить в ужасные слухи. Хантра сама не раз пользовалась болтливостью обитательниц гарема и хорошо знала силу сплетен.

Когда первые волны прохладного воздуха коснулись её рук, Заира с удивлением оглянулась, не сразу поняв, почему ей вдруг стало зябко и неудобно. Спрятанное под накидкой лицо только сейчас почувствовало лёгкое дыхание наступившей ночи. Она поёжилась и зашла в шатёр. Время почему-то стало тянуться мучительно долго. Служанки и евнухи, казалось, спали на ходу и ей несколько раз хотелось прикрикнуть на них, но она сдерживалась. Блеск глаз выдавал внутреннее волнение, но никто, кроме старой тётки, этого не видел. Хантра тоже волновалась, но по другой причине. Она старалась придумать повод, чтобы уйти из шатра после полуночи.

Наконец, все вещи были свалены в кучу и рабыни стали раскатывать ковры. Вскоре по краям уже громоздились горы подушек и одеял. Служанки взяли мешки и пошли за водой. Дождавшись, когда они отойдут подальше Заира наконец решилась подойти к Хантре.

– Сегодня холодно, – осторожно начала она.

– Тебе холодно? – с удивлением спросила та.

– Немного, – поджала губы Заира. – Но я не об этом, – она посмотрела в сторону выхода и вздохнула. Хантра заметила этот взгляд и коварно улыбнулась в душе.

– Ты опять за своё? – сказала она недовольным тоном, но осеклась, подумав, что это может отпугнуть племянницу.

– Нет-нет, я ничего не думаю плохого... Но не могла бы ты помочь? – осторожно спросила Заира. Не услышав ответа, она приняла это за молчаливое согласие и продолжила. – Ты же сама говорила, что мне надо во всём с тобой советоваться. Я просто хотела попросить тебя. Ну помочь немного. Ты можешь отнести тем двоим пленным немного воды и еды... и масла тоже? – она сделала глубокий вдох, чтобы справиться с волнением, и на мгновение замолчала.

– Масла? – переспросила Хантра, изобразив на лице удивление.

– Да. Ты же видела... у них раны, – умоляюще произнесла Заира.

– И ты хочешь... – не сдержалась старая служанка. – Эх, молодость! Ты неправа, Заира... Это же... Ладно, так и быть, отнесу, – неожиданно сменив возмущение на покладистую ворчливость, добавила она.

– Спасибо, тётя! – не веря своим ушам, воскликнула девушка и радостно захлопала в ладоши, но старуха вдруг схватила её за кисти и резко одёрнула:

– Тише ты! Вдруг услышат!

Заира согласно закивала головой и обняла её за плечи. Старая служанка недовольно фыркнула и оттолкнула её от себя. Впрочем, не очень сильно.

– Иди, посиди там, в углу! – строго приказала она и стала искать тёплую большую накидку.

Глава Навстречу манящей неизвестности

За пологом шатра было темно и холодно. Яркие звёзды безразлично светили над головой, но Заире было не до них. Она проводила старую Хантру трепетным взглядом и прислушалась к шуму ночного лагеря. Каждый день она слышала эти звуки тысячи раз, но сегодня ей хотелось, чтобы там прозвучали голоса пленных. Хантра сразу же растворилась в темноте, и рядом никого не осталось. Заира вернулась и села на ковёр. Она не понимала, что с ней происходит. Рождённая среди кочевников и воспитанная суровыми обычаями их жизни, она не стремилась к роскоши и богатству. С детства её учили скакать на лошади и плавать в оазисах, ходить с верблюдами по пустыне и жить кочевой жизнью, которую так любил её отец. Наверное, он просто хотел иметь сына. Но его любимая жена так и не смогла родить второго ребёнка, а подвижная, весёлая, шумная Заира так была похожа на мальчика, что он не запрещал ей делать всё то, что делали остальные дети. До определённого возраста...

С одиннадцатилетнего возраста её воспитанием занялась тётюшка Хантра, и Заира стала постигать премудрости взрослой жизни. Полгода назад её впервые увидел сатрап Парфии и с тех пор будущее дочери Абгара было предопределено. Однако мысли об этом скорее раздражали и угнетали её, чем радовали. Долгое вынужденное заточение в гареме визиря изнуряло Заиру бездействием и скукой, и вот теперь, когда она столкнулась с такими ужасными и неизвестными людьми, как римляне, искреннее любопытство вдруг прорвалось наружу и полностью овладело её воображением.

Некоторое время Заира задумчиво смотрела на огонь, и в её воображении рисовались невероятные картины, связанные с сильным и мускулистым пленником. Вот она подходит к нему, он замечает её и улыбается. О чём-то спрашивает. Она отвечает. Они разговаривают. Он называет её по имени...

Заира вдруг очнулась и оглянулась по сторонам. Имя? Как же она забыла! Надо было попросить Хантру узнать его имя! Ведь тётюшка сама ничего не спросит! Бросит им воду с едой и молча уйдёт. Заира в волнении бросилась к выходу. В лицо ей ударил прохладный ветер, смешанный с запахом костра и жареного мяса. «Может, взять еды?» – мелькнуло в голове. Но она не знала, когда вернуться служанки. У выхода Заира чуть не споткнулась о заснувшего стражника. Тот недовольно пошевелился, но не проснулся, только поджал под себя ноги и что-то пробормотал. Она оглянулась: справа темнели шатры наложниц и евнухов, слева – небольшие палатки стражников. Оттуда доносилось фырканье стреноженных лошадей и чавканье верблюдов. Вдалеке виднелись пятна костров, вокруг которых сгрудились воины. Сегодня они кричали меньше. День был жарким, и все устали. Заире показалось, что старая служанка выбрала самый короткий путь – мимо палатки евнухов, вниз по склону, к камням... Она пробежала несколько шагов. Луна ярко освещала холмы, и вокруг всё было видно, как на ладони. Здесь, на самом краю, было пусто. Хантры нигде не было видно. «Неужели она пошла другой дорогой?» – испугалась Заира и в отчаянии заметалась из стороны в сторону. Однако так её могли заметить воины у костров, и она решила вернуться назад, чтобы поговорить со спящим стражником. К тому же их всегда было двое. Значит, второй ушёл проводить тётюшку.

Обрадовавшись этой догадке, она кинулась назад. Спящий воин продолжал сидеть всё в той же позе, поджав под себя ноги и уронив голову на колени. Она уже наклонилась, чтобы разбудить его, но в этот момент со стороны палатки евнухов вдруг раздался топот копыт. Это была лошадь Кхабжа. Только у неё была такая тяжёлая походка с прихрамыванием на заднюю правую ногу. Она присмотрелась. Да, это был старый евнух. Он сполз с лошади и подошёл к костру. Там кто-то стоял. Не веря своим глазам, Заира сделала несколько шагов вперёд, стараясь лучше рассмотреть маленькую сутулую фигуру. Нет, ошибки быть не могло – Кхабж разговаривал с Хантрой! Слов слышно не было, но по жестам тётки можно было догадаться,

что та была недовольна. Заира ненавидела Кхабжа. Старый, жадный и глупый, он любил поесть и поиздеваться над рабынями, заставляя их работать днём и ночью. Ей было непонятно, почему Хантра пошла туда. Она не хотела вмешиваться в их разговор и решила подождать, пока тётка отойдёт в сторону или останется одна. Однако ноги понесли её вперёд, и, Заира, сама того не заметив, слишком близко подошла к палатке евнухов. До неё донеслись последние слова разговора.

– ...с самого края. Двое. Да, у камней. Сразу видно. Они накрылись мешками, – это был голос Хантры.

– Ладно, ладно. Не волнуйся. Всё сделаю. Эй, вы! – Кхабж позвал двух помощников. – Идите с ней! – при этом он с довольным видом что-то подбросил на ладони. Заире показалось, что она услышала тихий звон.

Старая служанка и два евнуха направились в сторону лагеря, а Кхабж присоединился к остальным стражникам, которые что-то ели возле костра. Заира ничего не понимала. Зачем Хантра пошла дальней дорогой? Она терялась в догадках: «Может быть, там было удобней идти? Или более ровный склон?». Но сердце подсказывало, что здесь было что-то не так. Оно стучало всё быстрее и быстрее и никак не могло остановиться. Заира не стала больше раздумывать и решила встретить тётку внизу, возле пленных. Сама бы она ни за что не подошла к ним одна, поэтому уговаривала себя в душе, что старая служанка решила спуститься вниз вместе с двумя стражниками и бояться ей нечего. Заира даже подумала, что сможет подойти к спящим пленным поближе, и её воображение рисовало картину их встречи: сильный римлянин с удивлением увидит её и обязательно скажет что-то приятное.

У шатра по-прежнему тихо спал стражник, внутри никого не было, и Заира сразу прошла на половину служанок. Взяв небольшой круглый кувшинчик с маслом, она вдруг подумала, что уставшие пленники не смогут его открыть, так как крышка прилипла к узкому горлышку и не поддавалась. На своей половине Заира достала кожаный мешок, который отец оставил здесь после битвы с римлянами. Ещё он показал им странный чёрный меч и длинный нож, а также несколько плоских наконечников для коротких копий, которые забрал у одного знатного воина. Он не хотел, чтобы их кто-то видел, и приказал Хантре спрятать мешок среди одежды и тряпок.

Заира схватила один из чёрных наконечников и попробовала открыть им тугую пробку. Но руки дрожали так сильно, что лезвие всё время соскакивало с края сосуда. Снаружи слышались чьи-то шаги, и она, испугавшись, решила взять его с собой. Но куда это спрятать? Вокруг лежали только подушки и покрывала, но ничего похожего на небольшой мешок здесь не было. Она осторожно выскользнула наружу и подошла к шатру наложниц. Справа за занавеской были видны три тени. Они лежали и не шевелились. Рядом с ними тихо спала Лейла. Ей было жарко, поэтому она всегда старалась лечь поближе к выходу. Она то и дело вздрагивала во сне, что-то бормоча и держась за большой круглый живот. У её ног лежал длинный шёлковый платок. Ещё раз оглянувшись по сторонам, Заира схватила его, завернула в него маленький кувшин с наконечником и направилась к склону. Ей казалось, что луна светит слишком ярко. Страх заставлял спешить, но она то и дело останавливалась и прислушивалась к тишине. Вскоре Заира оказалась на другой стороне соседнего холма и опомнилась только когда увидела впереди те самые камни, за которыми лежали пленные. До них было не больше двадцати шагов. Однако подойти к ним было страшно. Вместо этого она отошла к противоположному склону и спряталась там под большим камнем. Валун отбрасывал большую тень, в ней легко можно было спрятаться, и никто бы не заметил, даже стоя совсем рядом. Время шло, но Хантра не появлялась. Заира успокаивала себя, придумывая разные оправдания. Однако вскоре руки и ноги стали неметь от холода, зубы застучали нервной дрожью и по спине пробежали мурашки. Дальше ждать уже было опасно. Наверное, Хантра уже побывала здесь до неё. Заира подняла глаза. Знакомые звёзды сместились на небе немного в сторону. Дрожа всем телом,

она привстала и медленно оглянулась. Вокруг никого не было. Шум на холме тоже давно стих. В лагере все спали. Тем не менее смутные волнения продолжали тревожить её душу. Она любила свою старую тётушку и всегда прощала ей старческое недовольство и брюзжание, но сегодня та слишком быстро согласилась с ней, и только теперь Заира начинала понимать, что это было не зря.

Холод уже стал проникать под одежду. Пора было возвращаться. Но вместо этого ноги сами понесли её к чёрным валунам. В голове всё смешалось, и Заира задрожала всем телом, прислушиваясь к каждому шороху. Любой посторонний звук мог в этот момент разорвать ей сердце на части.

Когда до первого камня оставалось не более полушага, она остановилась и прижала руки к груди. В горле всё пересохло, как будто туда насыпали пыль. Надо было успокоиться. Тяжело дыша, Заира присела на край камня и какое-то время просто сидела, дрожа всем телом. Наконец, она решила выглянуть. В нескольких шагах, сразу за выступом, на земле лежали несколько римлян. Двое или трое были накрыты мешками. «Они!» – сразу мелькнуло в голове. Теперь оставалось подойти и оставить масло где-нибудь рядом. Эти несколько шагов дались ей с огромным трудом. Заира подошла вплотную и осторожно приподняла край мешка, чтобы увидеть лицо. Пленный крепко спал и не шевелился. Она потянула ещё чуть-чуть и увидела тёмный силуэт головы, чёрной и широкой, покрытой спутавшимися волосами ото лба до подбородка, но лица видно не было. Заира наклонилась чуть пониже в надежде, что перед ней тот высокий сильный римлянин, которого она видела днём, как вдруг сверху на неё обрушилось что-то страшное и тяжёлое. Она даже крикнуть не успела, как оказалась на земле. Твёрдое колено упёрлось в грудь, грубые пальцы плотно зажали рот, дыхание прервалось и последнее, что она увидела на фоне яркой луны, была рука с зажатым в ней камнем.

Глава Встреча под звёздами

Кто-то с силой тряс её за подбородок. Сначала перед глазами показались яркие звёзды, затем снова повисла темнота. Голова не держалась на плечах и всё время падала на грудь. Заира сидела, прислонившись спиной к камню, и никак не могла прийти в себя. Вскоре пляшущие звёзды остановились, дыхание стало ровным и тень сидящего перед ней человека превратилась в мужскую фигуру. Заира вздрогнула и сжалась в комок.

– Ты кто? – услышала она слова на незнакомом языке. Хантра и отец учили её греческому, но римского языка она не знала. Что делать?

– Я принесла масло, – ответила она на своём родном наречии.

– Что? – переспросил человек, не поняв. Оставалось попробовать по-гречески.

– Я... принесла... масло, – медленно и тщательно подбирая слова, повторила она. Мужчина нахмурился и замер. Было видно, что он понял её.

– Что ты принесла? – так же медленно спросил он, чётко произнося каждое слово. Счастью Заиры не было предела. Она чуть не задохнулась от внезапно переполнивших её чувств и несколько мгновений только открывала и закрывала рот, не в силах произнести ни слова. Однако всё могло закончиться совсем не так хорошо.

Лаций заметил незнакомца сразу. Тот слишком громко шуршал ногами по высохшей траве за валунами. Поэтому когда из-за выступа появилась голова, у него в кулаке уже был зажат небольшой острый камень. Следя за приближавшейся тенью из-под накинутаго на голову мешка, он, слегка прищурил глаза, чтобы его не выдал случайный блеск глаз. Кочевник приблизился к Варгонту и осторожно приподнял мешок у головы. Он явно что-то искал. Ждать было нельзя. Если он искал Варгонта, то тот был на волосок от гибели, если кого-то другого, то самое время было об этом узнать. Лаций схватил незнакомца за плечи и рванул назад. Тот, как пёрышко, взлетел в воздух и упал спиной на землю. В больших испуганных глазах мелькнули яркие звёзды. Рука Лация дрогнула и на мгновение задержалась перед тем, как обрушиться на голову врага сокрушительный удар. Но камень не потребовался. Отражение луны вспыхнуло и погасло. А вместе с ним погасли глаза незнакомца – он потерял сознание. Лаций медленно опустил руку и отложил камень в сторону. Наклонившись ниже, он стянул с головы кочевника накидку и увидел, что это – девушка. Ему стало не по себе. Такого он не ожидал. Девушка? В лагере пленных? Одна? Мысли бешено закружились в голове, но он так и не смог найти разумное объяснение этому поступку. Надо было осмотреться. Для этого пришлось забраться на ближайший камень. Карбкаться было трудно, сильно мешали верёвки. Хорошо, что руки не связывали в локтях и он мог поднимать их вверх.

С вершины хорошо были видны два близлежащих холма. Костры горели, но людей рядом с ними не было. Вверху, над пленными, тоже светились маленькие точки костров. Это была охрана. Но до них было далеко. Снизу парфяне никого не оставляли, потому что пленные не знали дорогу и вряд ли могли убежать. Некоторые пытались, но они либо умирали в пустыне без воды, либо возвращались обратно.

Лаций спустился вниз. Несколько раз он чуть не упал, ободрал ногу, локти и бок. На небе промелькнула звезда. Потом ещё одна. Он замер. Боги явно давали ему знак. Но какой? Он попытался прислушаться к сердцу, но оно билось ровно и спокойно. Тревоги в душе не было. Ну что ж, надо было сначала разобраться с этой странной девушкой. Лаций прислонил её к камню спиной и, взяв за подбородок, стал осторожно трясти из стороны в сторону.

– Масло... Я принесла масло, – ещё раз произнесла Заира. – Для ран. Для тебя и твоего друга. Я видела раны. Ты взял мешки. Мешки с верблюда. Для друга. Ты накрыл его. Масло...

вот, – она достала из-под накидки небольшой узелок и протянула ему. Лаций всё ещё не верил своим ушам. Девушка говорила по-гречески, пришла сюда ночью, причём одна, и принесла масло для него и Варгонта. Где она могла их видеть? Надо было узнать, кто она и откуда.

– Ты кто? – спросил он.

– Я... никто, – задыхнулась Заира, чуть не назвав своё имя. В последний момент ей пришло в голову, что лучше придумать другое.

– Как твоё имя? – мягким голосом спросил Лаций, думая, что напугал её. Заира вспомнила Лейлу в шатре и сказала:

– Лейла. Меня зовут Лейла. Я – служанка, – на сердце сразу стало легче. Улыбнувшись, она подняла на него взгляд. Теперь римлянин смотрел на неё совсем по-другому. Сердце затрепетало от счастья, и великая женская интуиция, сохранённая в памяти тысяч и тысяч её предшественниц по материнской линии, прошептала ей правду: «Ты ему нравишься!» Заира хотела спрятаться под накидкой, но не нашла её. Зажав в кулак край рукава, она закрыла лицо, однако глаза продолжали смотреть на пленника, и в них был ответ, который он тоже понял.

– Лейла, – прошептал он еле слышно. – Меня зовут Лаций. Моего друга – Варгонт. Благодарю тебя. Ты – храбрая девушка. Но маслом сейчас не поможешь. Нам нужна вода. Много воды. Нам надо промыть раны, – Лаций вздохнул. Он никак не мог поверить, что это происходит с ним, в плену, в далёкой Парфии. Девушка была очень красивой и сразу понравилась ему. От этого на душе стало беспокойно. «Неужели это – знак богов? Но о чём они предупреждают? В чём смысл? Или это – просто испытание?»

– У меня нет воды, – с отчаянием произнесла Заира. Принести воду она не могла. Как же быть?

– Ничего, – прошептал Лаций. – Благодарю тебя за масло! Спасибо, Лейла. Ты – добрая девушка.

– Я... я... – Заира задыхалась от отчаяния. Она очень хотела помочь этому странному римлянину, во власти которого сейчас находилось её сердце и который относился к ней не так, как она привыкла. Впервые за долгие годы она оказалась наедине с незнакомым мужчиной. Тем не менее страха не было, как будто они встречались с ним уже не раз и здесь ей ничего не угрожало. Заира очень хотела помочь. И вдруг она вспомнила:

– Здесь есть вода. Немного. Сейчас никого нет. Все в лагере. Вода – там! – она махнула рукой в сторону пустыни.

– Там? – искренне удивился Лаций. – Там – песок. Пустыня...

– Нет, песок до поворота. А дальше – земля. Напротив поворота. Там есть небольшой родник. Надо немного пройти. Маленькое дерево, под ним – вода.

– Почему же там никто не остановился?

– Воины иногда ездят туда за водой. Он – маленький. Очень маленький. И его надо копать, – Заира показала руками, как надо разгрести землю. – Вода – рядом с маленьким деревом. Там – дерево. Небольшое. Я не знаю, как сказать. Кривое и сухое.

– Дерево? – переспросил Лаций.

– Э-э... маленькое дерево, – Заира показала руками, и Лаций догадался, что она просто не знает это слово на греческом.

– Как кустарник, трава?

– Да, небольшая трава, – путая слова, ответила она.

– Сколько идти?

– Не знаю, – растерялась Лейла.

– Шаги, шагами? Сколько шагать ногами? – Лаций осторожно привстал и показал ей шаги. Заира с пониманием закивала и сказала:

– Сто, ещё сто и ещё сто. Потом – повернуть сюда, – она показала на правую руку.

– Понятно. Благодарю тебя, Лейла, – Лаций искренне улыбнулся. Теперь он понял знак богов. Они послали ему эту кочевницу, чтобы спасти Варгонта. Девушка с таким красивым именем Лейла. Он несколько раз произнёс его про себя, стараясь не смотреть ей в глаза. – Уходи. Тебя могут искать. Тогда тебе будет плохо.

– Да, меня убьют, – горячо прошептала она. Лаций привык к смерти, но в этих словах прозвучало такое невероятное отчаяние, что ему стало жаль её. Всего лишь раз в жизни слышал он такой голос. У одной женщины. Которая его любила. Это была Ларнита. Как же давно это было! Ему показалось странным, что, имя кочевницы тоже начиналось на «л». Он глубоко вздохнул и заставил себя не думать обо всём, что вдруг по неведомой прихоти богов всплыло у него в памяти из-за этой странной незнакомки. Сейчас надо было помочь Варгону. И Лейле – тоже.

– Ты – очень юная. Но очень смелая, – похвалил её он.

– Мне уже много лет! – горячо прошептала она. – Я – не юная. Я – взрослая.

– Хорошо, хорошо. Ты – взрослая. Иди! Иди быстрее. И будь осторожна. Ты помогла нам. Очень помогла. Я не забуду тебя, – Лаций взял её за руки и помог встать. Девушка едва доставала ему до плеча. Их лица были слишком близко, чтобы избежать прямого взгляда. И Лаций принял этот удар. Он взглянул в её полные немного счастья глаза, и вдруг почувствовал, как земля предательски закачалась под ногами, небо перевернулось и рухнуло на землю, придавив тяжестью бесконечного количества звёзд, а сердце вздрогнуло и сжалось от неожиданно проснувшегося чувства. Не в силах бороться с ним, Лаций отвёл взгляд в сторону и прижал маленькие ладони девушки к своей широкой груди, там, где быстро стучало его взволнованное сердце. Грязный, заросший и измождённый, он испытывал к себе отвращение, сжимая в руках её маленькие хрупкие ладони. Как ещё он мог её отблагодарить? Никак. Однако ей надо было спешить. – Иди! – он мягко оттолкнул её и добавил: – Да хранят тебя боги! Ты – самая красивая девушка на свете! – Лаций поднял глаза к чёрному небу и прошептал имена своих покровителей – Марса и Авроры.

Заира ещё несколько мгновений стояла, глядя ему в спину, а потом бесшумно исчезла за камнем. Не оглядываясь, Лаций подошёл к Варгону и приподнял мешок. Тот крепко спал. Он осторожно разбудил Икадиона и Атиллу и рассказал им про воду, ничего не говоря о девушке. Они оставили мешки под камнем и, взяв Варгонта под руки, стали медленно спускаться вниз. У Лация не было времени достать масло, поэтому он сунул неудобный угловатый свёрток под камень. Мешки Икадиона и Атиллы остались лежать на том месте, где они спали. Он ещё раз оглянулся по сторонам. Над холмами царил ночная тишина. На склонах никого не было видно. Значит, девушка ушла. Лаций ещё раз мысленно поблагодарил богов за помощь, и они направились в сторону петлявшей внизу дороги, навстречу спасительной воде, которую так неожиданно послали им боги.

Глава Забота о ближнем

В тот вечер Павел Домициан не пел. Одному из пленных, который обычно требовал, чтобы певец веселил его друзей каждый вечер, стало плохо. Даже вода, которую принесли на закате, не помогла. Однако иллирийцы не отпустили слепого певца спать, надеясь, что их товарищу станет легче. Легче не стало. Более того, когда ближе к полуночи принесли объедки, больному пленнику ничего не досталось. О нём просто забыли, потому что в такие моменты каждый думал только о своём собственном желудке. В пылу борьбы за кости, бобы и хлеб они не заметили, что тот даже не может встать с земли.

Кто-то бросил Павлу Домициану кусок лепёшки. Старый певец отдал половину больному. Но есть тот не мог. Его сразу вырвало. Рядом лежал ещё один несчастный, у которого с самого утра сильно болел бок. Римляне посоветовались и решили отнести их подальше, чтобы случайно не заразиться.

– Давай к камням, – предложил кто-то.

– Я пойду с вами, – сказал Павел Домициан. – Нехорошо бросать их одних. Я буду петь им гимны, чтобы милостивые боги сжалились и помогли.

– Только пой потише, чтобы не услышали парфяне, – недовольно буркнул кто-то сбоку.

Иллирийцы с трудом дотащили двух больных до камней и бросили их неподалёку. Павел Домициан стал шарить руками по земле, стараясь на ощупь найти тела и сесть рядом. Внезапно его пальцы коснулись грубой ткани. Он вздрогнул от неожиданности и потянул её к себе.

– Что это? О, боги, это – ваша милость! Вы посылаете мне знак с небес. Это – большой мешок, чтобы я не замёрз ночью. Но этим людям хуже, чем мне. Я думаю, им будет легче, если я накрою их. Даже если они умрут, ночь будет для них тёплой, – слепой певец стал накрывать одного из больных и наткнулся на второй мешок. Не веря своим рукам, он ощупал его со всех сторон и снова поднял невидящие глаза к небу.

– Нет, я не заслуживаю такой любви и заботы. Я благодарю тебя, Аполлон. Ты посылаешь слепому то, что не видно зрячим. Ты услышал мои молитвы. Значит, я поступаю правильно. Но я накрою этим мешком второго человека, которому хуже, чем мне. Я знаю, ты можешь обидеться и наказать меня, но всё же я надеюсь, что ты поймёшь меня и простишь.

Накрыв скрюченное тело, Павел Домициан, тем не менее на этом не остановился. Он прополз вокруг них на коленях ещё несколько раз, шаря по земле руками и надеясь, что боги пошлют ему третий мешок, которым он спокойно сможет накрыться сам. Однако боги не пожелали больше помогать ему, раз он отверг их дар дважды. К такому выводу Павел пришёл, оказавшись у камней, от которых веяло могильным холодом. Зная, что дальше будет ещё холодней, слепой певец отполз повыше и сжался калачиком в десяти—пятнадцати шагах от двух больных. Он благоразумно решил, что рассказы и гимны им больше не нужны, и его душа с радостью приняла это оправдание, разрешив брэнному телу погрузиться в сон под открытым небом недружелюбной парфянской земли.

Глава Возвращение в шатёр

До палатки евнухов Заира добралась очень быстро. Ей оставалось всего несколько шагов, чтобы обойти её, когда у костра неожиданно появился Кхабж. Рядом с ним стояли два воина. Хромой евнух что-то спросил, и те показали ему свои мечи и копья. Он одобрительно кивнул, и стражники, развернувшись, неожиданно направились в её сторону. Заира метнулась к небольшому камню и успела спрятаться за ним, затаив дыхание. Они прошли там, где она только что стояла, и скрылись внизу холма. Их глаза не успели привыкнуть к свету луны после костра, поэтому они даже не посмотрели в её сторону. Камней здесь было много. Когда она осмелилась сбросить с головы накидку, их тени были уже у подножия и двигались в сторону пленных римлян. Заира только теперь испугалась по-настоящему и с ужасом представила, что с ней могло случиться, если бы те обнаружили её там. О том, куда направились стражники, она даже не подумала. Страх овладел её разумом, и, задыхаясь от волнения, девушка поспешила к шатру. Ноги и руки дрожали мелкой дрожью. Стражник у входа по-прежнему спал, завалившись на бок. Внутри слышались голоса. Отведя полог в сторону, она осторожно заглянула внутрь. Две служанки сидели на своей половине, отгородившись занавеской. Масляная чашка посреди шатра еле горела, и света от неё хватало только на то, чтобы освещать кружившуюся рядом пыль. Рабыни о чём-то весело перешёптывались. Наверное, как всегда, делились слухами. Заира осторожно проскользнула на свою половину и скинула накидку. Едва она легла и с удовольствием растянулась на подушках, как снаружи послышался шорох.

– Спишь? – это был голос Коринтии.

– Нет, – ответила она. – А что?

– Лейла хочет пить, ей плохо. Нужна вода. Дашь своих рабынь? Я одна боюсь.

– Ой, как хорошо, – улыбнулась Заира. – Я тоже хочу пить. Принеси и мне. А почему вы не принесли раньше?

– Мы принесли. Но мало. Всю выпили... А потом Лейле тоже нужна была вода. Ты же знаешь. Ещё она переживает, что Сурена не заходит к ней. Она хочет подарить ему сына.

– Понятно. Иди, конечно, – она махнула рукой и откинулась на подушки. Пережитые волнения дали о себе знать, и вскоре Заира провалилась в глубокий сон. Когда Хантра вернулась в шатёр, то сразу же заметила, что девушка спит в неудобной позе, даже не накрывшись одеялами. Старая служанка была уверена, что та ждала её возвращения и не покидала шатёр.

– Нельзя оставить даже на полночи, – проворчала она под нос, но настроение у неё было хорошее. Вскоре вернулся Кхабж и сказал, что сделал всё, как она просила. И хотя это стоило ей нескольких монет, с которыми в другой ситуации Хантра ни за что бы ни рассталась, сейчас старая служанка пожертвовала ими, чтобы избавиться от самой опасной проблемы, которая угрожает сердцу любой женщины – неосторожной влюблённости. Тем самым, она хотела спасти свою племянницу от нечаянной глупости, а вместе с этим и её жизнь.

Глава Родник в пустыне

Лаций оставил Варгонта с товарищами у тропы, а сам, отсчитав нужное количество шагов, стал искать хоть какие-то признаки травы. Под ногами были одни колючки. Но луна светила ярко, и он терпеливо продолжал поиски. Странное, суховатое растение без листьев и цветов, с одним длинным, корявым стеблем оказалось на пятьдесят шагов дальше, чем сказала незнакомка. Варгонта подтащили туда, когда Лаций уже разрыл песок и докопался до мокрой глины. Атилла с Икадионом стали помогать отгребать песок дальше. Скоро Лаций почувствовал, что в одном месте из земли маленькими толчками выходит прохладная вода. Он расширил отверстие и сделал несколько глотков, припав губами прямо к скользкой глине. Потом набрал в ладони воды и поднёс к лицу Варгонта. Тот сразу же опустошил их. На вкус вода была мягкой и чистой, без горького привкуса. Икадион и Атилла тоже пили без остановки, тяжело дыша. Иногда, когда вода попадала им в нос, они чихали и кашляли. Лаций стал промывать Варгонту раны. Тот, закусив губу, молчал и только вздрагивал, когда неосторожное движение случайно разрывало на коже запёкшуюся корку. Атилла и Икадион расчистили источник и стали поливать себя с головы до ног. Измученные тела с благодарностью впитывали влагу. Друзья прекрасно понимали, что другого такого случая им больше не представится.

– Благодарю тебя, Теллура⁵, – пробормотал Лаций с искренним благоговением, обращаясь к богине земли. – Я принесу тебе жертву, как только смогу.

Пора было возвращаться, но они никак не могли оторваться от грязной лужи, в которую превратился крошечный родник. Наконец, Атилла вылил себе на голову несколько ладоней воды и пробормотал:

– Надо смыть с себя глину. Могут следы остаться.

Они стали обтираться ладонями, но ночью это оказалось бесполезным занятием – при свете луны ничего не было видно.

– Бросай! На дороге обвалиемся в пыли, – наконец, сказал Лаций. Все согласились. Икадион с Атиллой подхватили Варгонта и потащили его обратно.

До камней они доплелись уже перед самым рассветом. Икадион с Атиллой ещё держали Варгонта на плечах, когда Лаций поднял руку и остановился.

– Ты что?! – тихо спросил за спиной Атилла. Лаций обернулся и приложил палец к губам. Потом протянул руку вперёд и прошептал:

– Там кто-то есть.

На том месте, где он оставил мешки, было что-то не так. Грубая ткань топорщилась, как будто снизу лежали камни. Лаций подошёл поближе и замер. Солнце уже выглянуло из-за горизонта, и его первые лучи успели коснуться земли. Обычно светлые, сейчас мешки были тёмного цвета. Они были пропитаны кровью. Под ними лежали мёртвые тела, исколотые копьями и мечами. К тому же несчастным отрубили головы. Что здесь произошло? Лаций осмотрелся. Рядом никого не было. Шагах в пятнадцати безмятежным сном спал слепой Павел Домициан. Но когда они уходили, его здесь не было. Лаций вернулся к товарищам и тихо сказал:

– Там – двое. Их убили.

– Кто? – тихо спросил Икадион.

– Не знаю, – ему всё это не нравилось. Теперь послание богов в виде девушки выглядело для Лация совсем по-другому. – Лежат на нашем месте. Плохо это. Ладно, скажем, что спали

---

⁵ Теллура, мать-земля, была одной из древнейших италийских богинь. Она олицетворяла собой ту плодородную землю, на которой произрастает всё, что нужно человеку для существования.

внизу и ничего не слышали. Надо разбудить Павла Цэкуса⁶. Его тут не было. Значит, пришёл после нас.

– Не буди! Лучше не надо, – остановил его Атилла. – Ты не накрывал их мешками?

– Нет.

– Значит, сами накрылись. Нам лучше помолчать. Посмотрим со стороны.

– Ты прав. Пошли, обойдём камни. Ляжем с Павлом рядом, скажем, что тоже спали.

Заодно успеем смазать ему раны, – кивнул он на Варгонта.

– Чем смазать? – пробормотал тот.

– Маслом. Пошли! Солнце встаёт.

Они отошли за валуны, и Лаций достал свёрток. Каково же было его удивление, когда под ноги упал чёрный узкий нож, сделанный в Антиохии Хабрутом. Опешив, он поднял взгляд на товарищей, но те были заняты Варгонтом. Нож был длиной в две ладони, и он не знал, как его спрятать. Единственный выход – привязать под туникой к бёдрам тем же платком, в котором его принесли. Лаций быстро завернул лезвие и засунул его под руку. Затем вернулся к Варгону. Увидев вопросительные взгляды Икадиона и Атиллы, он поднял глаза к небу и сказал:

– Видимо, мы ещё нужны богам, раз они посылают нам такие знаки. Вот, я нашёл это вчера на верблюде, когда срывал мешки. Наверное, кто-то забыл там... Это – масло.

Атилла с Икадионом удивлённо переглянулись, а Варгонт неодобрительно покачал головой и прошептал:

– Где они были раньше, когда мы просили их о помощи? – но на этот вопрос ему никто не ответил.

Скоро парфяне разбудили всех пленных и стали связывать им руки для перехода. Но среди римлян уже стали распространяться слухи о ночном убийстве.

– Что там было? – тихо спросил Лаций Атиллу, когда их поставили друг за другом.

– Говорят, подошли трое. Забили копьями. Потом отрубили головы. Что-то гавкали на своём языке.

– И всё?

– А что ещё? – раздражённо ответил Атилла. – Музыка и танцев не было. Жертвенных песен – тоже. Быстро всё сделали – раз, раз и готово. Я, вот, думаю, а если бы мы не ушли?

– За что их убили? – не ответив на вопрос, спросил Лаций.

– Не знаю. Наверное, для забавы. Как на прошлые иды. Помнишь Никара?

– Да, помню, – Лаций опустил голову. Молодого римлянина привязали к двум лошадям и заставляли бежать, перепрыгивая через копья и мечи, воткнутые в землю. В конце концов от его тела ничего не осталось, одни только куски кожи и мяса, свисающие с оголённых костей. Беднягу тогда тоже вытащили из крайних рядов.

– А вы, что, не слышали? – спросил кто-то сбоку. Лаций покачал головой и пожал плечами:

– Нет, а что?

– Может, их убили, чтобы не заразиться? Чёрная смерть – страшная болезнь.

– Чёрная смерть? О боги! Не может быть! За это могли, точно могли... – согласился он. –

В Галлии мы оставили пол-легиона. Пришлось всех сжечь.

– О-о... Я тоже знаю. Чёрная смерть. Страшная штука, – согласился кто-то из римлян.

Лаций только кивнул в ответ. Ему не хотелось продолжать разговор. Слишком много вопросов было в голове, на которые даже боги в этот момент, наверное, не могли бы дать ответ. И самый главный был о девушке: «Неужели это она приказала убить их после того как ушла?» Нет, этого не могло быть. Тогда бы их поймали у родника. Зачем было ждать у камней? Хотя, она могла испугаться и вернуться, чтобы убить всех, кто мог её видеть. Почему бы и нет?

---

⁶ Цэкус – слепой (лат.).

Это тоже был знак богов. В эту ночь знаков было слишком много, и ему хотелось ещё раз всё хорошо обдумать. Боги никогда просто так не посылали знамения раньше. Значит, они о чём-то предупреждали. Но о чём? Лаций так и не смог избавиться от этих мыслей до вечера. День выдался таким же жарким, как и предыдущий, но родника рядом уже не было. Оставалось только вспоминать и вздыхать. Еду в этот вечер не дали. Разбросали только лепёшки, и потом принесли грязную воду, которую они вчетвером решили не пить. К вечеру у многих вздулись животы и начались страшные боли. Утром половина тех, кто пил воду, не смогли подняться с земли, а недовольные парфяне долго ходили между рядами, разрубая мечами верёвки, связывавшие мертвецов с живыми.

Глава Известие о смерти римлян

Ночь прошла быстро, без снов и тревоги. Проснувшись, Заира дождалась, пока рабыни соберут вещи, и ещё некоторое время дремала в мерно раскачивающейся повозке, пока солнце не раскалило её настолько, что пришлось приподнять края, хотя это не сильно спасало от духоты внутри. В соседней повозке постанывала Лейла, у которой всё время болела голова. Служанки Заиры были рады, что их госпожа не требует от них всяческих глупостей, которыми славились наложницы Сурены: не заставляла постоянно поливать ноги и руки водой, обмахивать небольшими опахалами или просто идти рядом с повозкой под палящим солнцем и улыбаться, чтобы ей не было скучно. В остальной части гарема всё так и происходило, и некоторые рабыни, не выдерживая жары, падали в обморок. К вечеру все так сильно уставали, что еле двигались. Жёны Сурены во время таких переходов старались не общаться. Все слухи передавали им рабыни и служанки, поэтому главное в это трудное время было не заболеть и не стать источником каких-нибудь сплетен.

Дорога была широкая, и все повозки ехали рядом. Неугомонная Коринтия, новая избранница Сурены, глупая и бесцеремонная, что-то рассказывала Лейле, которая еле дышала и не отвечала. Заира не собиралась подслушивать, но Коринтия говорила так громко, что до неё доносилось каждое слово.

– Вчера у Силлака умерли десять и ещё десять. Плохую воду давали. Сам Бахтияр ругался. Его не было, вот они и не привезли чистую воду. Согадаю, начальнику стражи, тоже досталось. Но римлян всё равно ещё много. Поэтому денег от них тоже будет много. Кхабжу, говорят, дадут новых евнухов. Ему сам Сурена пообещал. Представляешь?

– О-ох... – в очередной раз донеслось из угла, где лежала беременная Лейла. Ей было очень плохо, но помочь было нечем. А Коринтия продолжала тараторить дальше:

– Да, так вот!.. Ещё говорят, что римляне стащили с верблюдов мешки, чтобы ночью накрываться. Ну это... когда верблюды рядом были. Представляешь? И никто не заметил! Много мешков украли. Ты слышишь? – Лейла, к которой были обращены эти слова, опять ничего не ответила. Заира невольно приподняла голову и напрягла слух. Сердце в груди учащённо забилося, и она почувствовала, как к лицу прилила кровь. Хорошо, что старая Хантра лежала у самого края и не слышала этих слов. В надежде на слабый ветерок та отчаянно хватала полураскрытым ртом воздух, не глядя на племянницу. Коринтия тем временем продолжала: – Так вот, Кхабж узнал об этом и пошёл туда ночью. Нашёл воров и отрубил им головы. Представляешь? Говорят, он головы сверху положил, чтобы остальные увидели. Смешно, да? И я так говорю. Очень смешно. Я бы не додумалась... Они проснулись, смотрят: а там голова! Ой, ужас, даже самой смешно!

Коринтия перескочила на другую тему и ещё что-то долго тараторила в пустоту, но её по-прежнему никто не слушал. Заиру так и подмывало спросить Хантру, что произошло. Но интуиция подсказывала, что сейчас этого делать было нельзя. Ведь если Кхабж убил этого римлянина, то к жизни его уже не вернёшь. Но ведь тётушка что-то говорила ему у костра. Значит, она точно знала, что там произошло. Сердце страдало и не верило в гибель высокого бородастого римлянина, заставляя её мучиться сомнениями и надеждой: «А вдруг он спасся? Вдруг в это время был у родника, а не там? Вдруг это убили не его?» Потом возникли более неприятные вопросы: «Почему Хантра обманула её? Куда она ходила ночью? Неужели это она всё подстроила?» Заира сидела, поджав под себя ноги, и не знала, что делать. Душа страдала, но она ничего не могла изменить. Оставалось только молчать и ждать, пока не представится случай узнать всё самой. Это был первый урок придворного коварства, и тем обидней было получить его от самого близкого человека.

Глава Разговор с отцом

Два дня Заира пыталась найти способ вырваться из шатра, чтобы хоть краем глаза увидеть пленных. Однажды ей даже удалось уговорить Кхабжа пойти посмотреть на выступление комедиантов и гетер после очередной удачной охоты царевича Пакора. Обеспокоенный странным поведением дочери, Абгар пришёл к ней в шатёр, чтобы поговорить об этом. Парфяне снова веселились, и в лагере царила радостная суэта, которая обычно предшествовала обильному чревоугодию. В такие дни даже пленным доставались роскошные остатки еды с большими кусками мяса на костях.

Абгар не пошёл на пир и сказал Сурене, что хочет навестить дочь. Тот милостиво согласился.

– Отец, отец! Какое счастье, что ты остался с нами и не уехал домой, – бросилась ему на шею Заира, когда он вошёл. Тот внимательно посмотрел на неё, но не увидел в глазах дочери ни тени притворства. Заира действительно была счастлива, потому что, наконец-то, смогла придумать, как ей хоть что-то узнать о римлянах. Накануне судьба послала ей помощь в виде гадалки, которая по руке предсказывала судьбу и жила с гетерами и бродягами. Хантра хотела прогнать старую нищенку, но Заира так умоляла её погадать, что та, в конце концов, согласилась. Улыбаясь гнилыми зубами и хитро глядя на неё, гадалка спросила:

– Может, тебе ещё что-то рассказать? Вижу по глазам, ты много хочешь знать. Многочисленные морщины на её лице растянулись в хитрой улыбке. Она приподняла брови в немом вопросе и замерла в ожидании ответа. Седые волосы выбились из-под платка и грязными космами свисали до плеч. Круглые серьги из дерева чернели на их фоне, как два больших глаза, которые разъехались в разные стороны, выпав из глазниц. У гадалки почти не было зубов, поэтому надо было постоянно прислушиваться к её словам, особенно, когда та понижала голос.

– Как тебя зовут? – бросив осторожный взгляд в сторону тётушки, спросила Заира.

– Медея из Ашшура. Меня тут все знают, – она спрятала в рот мелкую монету, которую Заира незаметно сунула ей в руку, и хитро подмигнула. Девушка запомнила имя гадалки и решила прибегнуть к её помощи при первой возможности. Именно поэтому она так радовалась приходу отца, надеясь, что тот разрешит пускать Медею в шатёр.

Абгар стоял у входа и смотрел на дочь.

– Моё счастье не в веселье, радость моя, – тихо произнёс он. – А в том, что ты жива и здорова и что Сурена держит своё слово. А царь Ород пока ещё очень далеко.

– Отец, отец, не напоминай мне об этом. Пожалуйста! – горячо зашептала Заира, и старый кочевник с болью в сердце понял, что все его слова о предосторожности ничего для неё не значат. – Даже если царь Ород приедет и заберёт меня в гарем, мы ведь будем с тобой видеться? Да? Я стану его любимой женой, и ты сможешь тогда веселиться вместе с нами на пирах!

– Ты ещё слишком молода, Заира. Любимые жёны чаще всего исчезают в водах Тигра или Евфрата, а их место занимают более умные. Они почему-то не всегда красивые.

– Отец, перестань. Я многому уже научилась и знаю, как себя вести. Главное – это родить царю Ороду сына.

– Помни, что у него уже есть сыновья. И довольно взрослые. И их матери не захотят уступить тебе место.

– Ну ты как Хантра! Вы, прямо, одинаковые!

– Мы оба – старые. И повидали немало, – ответил отец.

– Но сейчас ведь самое время веселиться! – воскликнула Заира. – Римляне проиграли. Сурена победил. Столько рабов будет продано! Ты станешь богатым, Сурена – тоже.

– Сурене не надо богатство.

– Как это так? – удивилась она.

– Он и так богат, как царь. Его род очень богат. Но он ценит не золото, а ум. В этом его богатство... и опасность.

– Отец, он мне нравится. Всё время весёлый, улыбается. У него такие красивые глаза. А как смешно красит брови! – Заира прыснула в рукав, а Хантра с испугом оглянулась, шлёпнув её по плечу.

– Ты что, совсем с ума сошла? Думай, что говоришь! – прикрикнула она.

– А что тут такого? – с наигранной обидой отдернула плечо Заира. – Он очень красивый и сильный. Только иногда смешной, – она снова тихонько захихикала, а старая служанка неодобрительно покачала головой. С того момента, как тётка обманула её, Заира старалась не напоминать ей о римлянах и теперь болтала без умолку, чтобы показаться ветреной девушкой, которой нравится знаменитый Сурена.

– Я не могу так часто веселиться, дочка, – постарался уклониться от ответа Абгар.

– Сколько тебя знаю, ты всегда такой. Даже мама плакала. Всегда говорила, что ты редко улыбаешься. Почему ты не веселишься, отец?

– Я думаю о рабах. Их надо кормить и лечить, тогда я смогу получить за них больше денег. А делать это в пустыне нелегко. Ты видишь, что Силлак и его воины не дают рабам есть. Это – плохо.

– Рабы всё равно умирают, и ты ничего не сможешь для них сделать.

– Послушай, Заира, я уже стар. А ты – очень молода. Мне бы не хотелось увидеть твоё будущее, тающим в ночи ещё до того, как сядет солнце моей жизни.

– Зачем ты так? Всё будет хорошо, – она расстроилась, уловив в голосе отца грустную интонацию.

– Будущее не кажется мне безоблачным, – задумчиво протянул Абгар.

– Поэтому ты остался с нами? – с грустью в голосе спросила Заира. При всей своей кажущейся весёлости и наивности она унаследовала от отца ум и проницательность и теперь чувствовала, что тот неспроста сопровождает её в Ктесифон. У неё закралось подозрение, что Хантра могла рассказать ему о двух римлянах.

– Я связан с Суреной, как стреноженный у родника конь. Его звезда слишком ярко засияла на небосклоне Парфии. И не только Парфии. Такие тяжёлые звёзды долго не висят. В конце лета они падают по всему небу целыми стаями, как сбитые на лету птицы. Но, падая, они тянут за собой и остальных. В основном, тех, кто поближе, – Заира вздохнула, услышав эти слова. В них не было намёка на её поведение.

– Тогда будь подальше от него, – нахмутив брови, сказала она.

– Так далеко, как надо, я уже не смогу. Я был с Суреной везде. Свет его побед лёг тяжким бременем на мои плечи. Кто знает победителя, тот знает и его помощников. Поэтому я опасаюсь стать слишком близким другом Сурены.

– Отец, я боюсь за тебя. Но у тебя пока нет другого выхода, – она обняла его за плечи. Старая служанка у входа покачала головой и тяжело вздохнула.

– Да, дочка. Остаётся только быть рядом с тобой, если произойдёт что-то страшное.

– Не пугай меня. Сегодня такой весёлый день. Ты видел, как танцуют и поют гетеры в конце войска? Сурена разрешил мне послушать их с Кхабжем.

– Хантра говорила мне, что ты выходила сегодня из повозки несколько раз. Их песни не для твоих ушей, – в голосе старого араба прозвучало неодобрение.

– Отец, я уже не маленькая. Мне тоже интересно, как живут эти женщины.

– Плохо живут. Не дай бог тебе когда-то это узнать, – пробормотал Абгар.

– Ладно, ладно, не ворчи. Вот, лучше съешь фрукты со мной. А у Сурены появилась новая любимая наложница. Ты знаешь? – она быстро перевела разговор на другую тему.

– Нет, – удивился Абгар. – Я же воин, а не евнух.

– Её зовут Коринтия, слышал? Нравится Сурене больше, чем Лейла. До сражения с римлянами Лейла была у него любимой. А потом семя Сурены раздуло ей живот, и Коринтия заменила её в шатре визиря, – Заира трещала без умолку, стараясь успеть рассказать отцу всё, что узнала за последнее время, а старая Хантра за её спиной недовольно сопела, не решаясь прервать девушку в присутствии отца.

Ближе к полночи Абгар встал и попрощался с дочерью и сестрой. На сердце было спокойно: он понял, что дочь устала сидеть с тёткой и хотела немного повеселиться. После той жизни, которую она вела в родной Эдессе, Заире трудно было привыкнуть к шатрам и повозкам гарема. Но пока он ничего опасного в этом не видел.

Воины в лагере продолжали веселиться и кричать. Старая Хантра устала и легла спать. Заира дождалась, когда из её угла стал доноситься громкий храп, и подошла к стражнику. Тот с радостью зажал в ладони медную монету и сразу же побежал к гетерам за гадалкой Медеей из Ашшура.

Глава Гай Пакциан в роли Марка Красса

Парфяне очень радовались, когда им удавалось найти какое-нибудь необычное развлечение. Особенно, если оно унижало римлян. Пользуясь благосклонностью визиря, воины развлекались, как могли. При этом они не забывали славить Сурену, который сумел разгадать коварные планы жадного Красса и обхитрил его. Когда жара спадала, некоторые из них подъезжали к вереницам пленников и начинали обзывать их.

– Эй, смотри, что это за воины идут без полководца? – с насмешкой спросил один из сотников своих лучников. – Надо бы им найти императора, чтобы вёл их вперёд!

– Да, только надо найти такого, как Красс, – ответил другой. – Старого и глупого. Пусть ведёт их за золотом! Вон и лошадь ему готова! – он кивнул в сторону вяло плетущегося в обозе осла.

– Ха-ха-ха! – засмеялись кочевники. – Сейчас найдём нового Красса! Гей-эй-эй! – они застучали пятками по бокам лошадей и с криками разлетелись в разные стороны. Через какое-то время к сотнику притащили пятерых пленных, которые были чем-то похожи на Красса.

– Нет, все какие-то страшные, – брезгливо отмахнулся тот. – А вот этот, пожалуй, подойдёт! – он с радостью показал на сухого, сморщенного римлянина с седыми волосами и лицом, действительно похожим на бывшего римского консула. – Эй, ты! – крикнул сотник. Пленный поднял голову. – Как тебя зовут? Не Марк Красс, случайно?

– Гай Пакциан, – ответил тот еле слышно.

– Будешь Марком Крассом. Понял? Забудь своё имя! Теперь ты – Марк Красс! О-хо-хо! Как похож! – загоготал сотник. – Давай, сажай его на осла! Сажай! И шлем ему найдите! С красным плащом. Быстрее!

Пока Гая Пакциана наряжали римским императором, Сурена наблюдал за этим действием, лениво развалившись в повозке. Затея ему понравилась, и он приказал позвать сотника. Тот сразу же прискакал и пал ниц. Визирь поморщился от такого чрезмерного проявления верности.

– Слушаю тебя, победитель римлян! – громко выкрикнул воин.

– Ты кто? – спросил его Сурена.

– Сотник Адиль. Из отряда Силлака.

– Сотник Адиль, ну что же ты так обижаешь великого римского императора? – с насмешкой произнёс Сурена. Сотник почувствовал эту интонацию, и в его глазах промелькнули искорки озорства. Он поднял голову и спросил:

– Посадить его на верблюда? Чтобы был выше?

– Нет, не надо. Ты не знаешь, что знатные римляне просто так не ездят. За ними везде ходят рабы. Рабы их одевают, раздевают, кормят и укладывают спать. А императора у римлян охраняют ликторы. Пять личных охранников с розгами и топорами. Они разгоняют ими врагов императора. Чтобы его случайно не обидели, – после этих слов сотник Адиль разразился диким хохотом, но осёкся, увидев, что остальные придворные хихикают намного тише. Сурена продолжил: – Если бы у римлян не было рабов, то, может быть, они и сражаться научились. Так что, делай всё, как надо. Найди императору пять ликторов, дай им большие кошельки с золотом, и пусть насадят на копья головы других рабов, чтобы помнили, как надо воевать.

– С радостью, великий победитель римлян! – вскочил на ноги сотник.

Вскоре во главе колонны пленных появился осёл, на котором сидел Гай Пакциан. В красном рваном плаще он был невероятно похож на Марка Красса. На голове у него болтался большой шлем. Губы несчастного дрожали, а в глазах застыли слёзы. За ним обречённо плелись пять связанных между собой пленников. У каждого к поясу были пристёгнуты большие кожаные мешки для воды, набитые песком вместо золота. В руках они держали длинные палки

с насаженными на них головами своих товарищей. Тех обезглавили прямо здесь, выхватив из толпы, как всегда, крайних, и тяжёлые капли крови ещё долго падали на горячий песок и босые ноги «ликторов». Сотник Адиль постоянно смеялся и радовался этой шутке. Сурена тоже был доволен и улыбался.

Парфяне так были увлечены этим развлечением, что ещё долго ехали за ослом Гая Пакциана, издеваясь и придумывая разные шутки. Римляне невольно бросали взгляды в их сторону, не зная, чего ещё можно ожидать после такого поступка. Поэтому никто не заметил, как с другой стороны к колонне пленников осторожно приблизилась старая нищенка и о чём-то спросила одного из римлян. Тот сначала не понял, но потом закивал головой и указал в сторону Лация и Варгонта. Она внимательно посмотрела на них, как бы стараясь запомнить лица, и отстала. Два друга шли рядом, низко опустив головы, и не смотрели в ту сторону, где стояла старая женщина. Их взгляды были прикованы к обрубленным верёвкам со свежими следами крови. Парфяне убили тех, кто шёл рядом с ними, смерть прошла совсем рядом, и в этот день они тоже могли оказаться на месте обезглавленных товарищей.

Глава Помощь загадочной Лейлы

Ночью парфяне посадили Гая Пакциана у костра, а пятерых ликторов поставили рядом охранять, воткнув палки с головами в землю. Шум и крики разносились над стоянкой до самого утра, и Лаций с Варгонтом видели, как Сурена сам бросал объедки в огонь, а стража заставляла несчастных «ликторов» доставать их из огня голыми руками.

Когда пленным принесли еду, Лаций встал, чтобы успеть схватить хоть что-то из той гнили, которую парфяне вываливали прямо на землю. Икадион и Атилла в этот день оказались в другой связке, поэтому он их ещё не видел. Римляне рванулись к еде, дёргая друг друга за верёвки, толкаясь, ругаясь и падая. Варгонт тоже встал.

– Останься, я сам, – сказал Лаций, растирая кисти.

– Я уже могу ходить, – улыбнулся старый друг. – Просто дёргаться не хочу. Чтобы кожа не рвалась. Смотри, я уже могу так, – он развёл руки в стороны, насколько позволяла верёвка. Лаций покачал головой. Они оба сильно похудели и обросли волосами, как кочевники. Знойное солнце над головой высушило кожу. Язык прилипал к гортани и не шевелился. Лаций уже смирился с постоянной сухостью во рту и пронзительным чувством голода – он готов был съесть любого шакала или ворона, если бы тот попался ему в руки. Но здесь им не попадались даже ящерицы. А скорпионов он есть боялся.

Посмотрев в сторону толпы, Лаций почувствовал, что им движет только голод. В голове было полное оцепенение. Она болталась из стороны в сторону, как фляга с водой, мысли перетекали из одной половины в другую, но он за ними уже не следил. Иногда ему казалось, что они просто умерли и гниют в голове, как брошенные на поле боя воины. Думать было мучительно больно. И только редкие минуты обглаживания костей ещё доставляли какое-то удовольствие. Да и то – животное.

– Ла-ций! – донёсся до него тихий, но настойчивый голос. Он повернулся к Варгонту.

– Что? – в голове по-прежнему было пусто. – Ты что?

– Да? – повернулся тот.

– Ты меня звал?

– Нет, – Варгонт покачал головой и снова лёг на землю. «Может, меня уже зовут боги?» – подумал Лаций.

– Ла-ций! – снова раздался тот же голос. Нет, это были не боги. Даже Варгонт услышал его имя и приподнял голову. Лаций повернулся на звук. Шагах в десяти, полусогнувшись, стояла старая нищенка. Она махала ему рукой. Он посмотрел на Варгонта, потом снова на старуху. Та не исчезла. Только настойчивей замахала рукой. Лаций ещё раз оглянулся и направился к сгорбленной фигуре в рваных цветных тряпках. Когда оставалось несколько шагов, странная женщина что-то залопотала и замахала сразу двумя руками. Лаций остановился. Прямо перед ним на земле лежали лепёшки и сыр. Он несколько раз моргнул, не веря своим глазам. Потом поднял взгляд на старуху.

– Ла-ций, – снова произнесла она и ткнула рукой в его сторону. Потом повернулась и махнула в сторону парфянских шатров: – Лейла.

– Лейла, – повторил за ней Лаций, и до него постепенно стало доходить, откуда появилась эта странная незнакомка.

– Ла-ций, Лейла, – повторила та и заковыляла обратно на стоянку, чтобы её никто не заметил. Легкий порыв ветра поднял пыль, и он поспешил подхватить еду с земли. Варгонт какое-то время смотрел на него удивлённым взглядом, но потом пришёл в себя и тихо спросил:

– Это что, хлеб?

– Ну... да.

Ещё совсем недавно Лаций не мог проглотить слюну, и ему казалось, что сухие лепёшки должны были застрять в горле, как песок, но этого не произошло. Оказавшись во рту, кусок хлеба быстро миновал эту преграду и сразу оказался в животе. Сухой сыр он вообще не заметил. Пленные ещё не успели разойтись по склону после дележа отбросов, а Лаций с Варгонтом уже с тоской смотрели на то место, где ещё совсем недавно лежала еда.

– Отряхнись! – сказал он Варгону, показывая на бороду. – Крошки остались.

– Отряхнись! – проворчал тот. – Зажрался ты. Я бы эти крошки вместе с бородой съел, если бы мог, – Лаций ничего не ответил, только ещё раз провёл по щекам и губам. Там ничего не было.

Так продолжалось две недели: старая нищенка, которую он считал гетерой, приносила им по ночам еду, каждый раз повторяя два слова: «Лаций, Лейла», и потом уходила. Несколько раз там было мясо. Но однажды старуха принесла слишком много еды, и они решили оставить часть на следующий день. Варгонт уже пришёл в себя и даже стал шутить. Лаций хотел поделиться с Атиллой и Икадионом, которых видел в конце колонны, но Варгонт остановил его:

– Не получится! Увидят. Там много людей. Начнут спрашивать, – Варгонт смотрел ему прямо в глаза и в них была боль. – Мне не жаль хлеба, но кому-то всё равно не достанется. Старуху поймают, и всё, не видать еды. Лучше дождёмся, когда их к нам перекинут, – он замолчал, и Лаций понял, что Варгонт был прав. Но Парки всё же решили обрушить на них новые испытания.

Глава Нелепая ошибка

Когда на следующий день всех пленных выгнали на дорогу, Лаций споткнулся, и лепёшка выскользнула из-под туники прямо в пыль. Он поначалу даже не заметил этого. Потом прикоснулся рукой к животу и понял, что там пусто. Но было уже поздно. Весь ужас был в том, что она была замотана в половину платка Лейлы. Лаций разорвал его, оставив вторую часть для ножа.

Сзади раздались крики парфян, римляне остановились, и Лаций увидел, как какой-то пленный стоит на коленях и ест выпавшую у него лепёшку. Один из всадников спешился и толкнул его ногой. Недоеденный кусок выпал у бедолаги из рук, и он завалился на бок, придавив платок своим телом. Парфянин присел и посмотрел на хлеб. В этот момент к нему подскочил сотник Адиль.

– Где ты это взял? – вкрадчиво спросил он у пленного.

– Здесь, – кивнул тот на землю.

– Ты – плохой римлянин. Ты обманываешь меня. Кто дал ему это?! – выкрикнул он. Все пленные отшатнулись. Верёвки натянулись, несколько человек, не удержавшись, упали на землю. – Он будет медленно умирать, пока вы не скажете, кто дал ему хлеб! – грозно произнёс сотник и достал меч. Несчастный задёргался, стараясь отползти от кочевника, но верёвки не дали ему это сделать. Парфянин подошёл к лежащему на спине пленнику и воткнул меч в живот. Тот охнул и заскулил, поднимая колени вверх. – Он может умереть быстро, а может и медленно. Скажите, кто дал хлеб?! – снова повторил сотник и стал поворачивать лезвие то в одну, то в другую сторону. Пленный орал от боли, не в силах ничего сделать. Он был весь в крови. Варгонт сжал верёвки в своих громадных кулаках, и на лбу у него от напряжения выступили вены.

– Я видел, как что-то выпало из повозки, – произнёс Лаций громко. – Впереди ехали большие повозки, – повторил он, увидев, как резко повернулся в его сторону сотник. – Оттуда что-то выпало. Вон там, – он кивнул в сторону умирающего товарища.

– Из повозки? – со злостью спросил парфянин. – Из какой повозки?

– Не знаю, – Лаций пожал плечами, стараясь выглядеть равнодушным. – Небольшая, накрытая...

– Выпало что-то? – переспросил сотник. Он повернулся к несчастному, который уже только хрипел и совсем не двигался. В этот момент он заметил у того под локтем край платка. Он нагнулся и дёрнул его на себя. Платок выскользнул, поднимая небольшое облачко пыли. Сотник посмотрел на платок, на лепёшку и на Лация. Потом встал и ткнул мечом умиравшему пленному прямо в горло. Тот булькнул и затих. Стоявший рядом всадник сразу же перерезал верёвки и прикрикнул на римлян. Огромная толпа заколыхалась из стороны в сторону и двинулась дальше. Сотник вскочил на лошадь и поехал вперёд. Проезжая мимо Лация, он внимательно посмотрел на него, но тот даже не повернул голову, с трудом переставляя ноги.

Этой ночью старуха не пришла. Лаций с Варгонтом долго не могли уснуть и ворочались с боку на бок, прислушиваясь к каждому шороху. Они не видели, что неподалёку лежал ещё один человек, который тоже не спал, думая об этом странном случае. Даже если бы Лаций увидел его, то не смог бы узнать прежнего легата Квинта Лабиена. Но это был он. И теперь старому врагу казалось, что он наконец-то нашёл способ, как отомстить Лацию за все оскорбления.

Лаций и Варгонт больше ничего не слышали об этом платке и до самой столицы не знали, что с ним произошло. Сотник Адиль сообщил об этом случае начальнику стражи Согадаю, а тот – визирю. Сурена долго смотрел на грязную тряпку, в которую превратилась тонкая ткань, потом отпустил начальника стражи и позвал Кхабжа. Главный евнух не смог сказать, чей это был платок. Поэтому Сурена не стал задавать больше вопросов и отложил его на время в сторону. Жизнь сама должна была расставить всё на свои места.

К счастью, для Лация и Варгонта это была их последняя голодная ночь. На следующий день мимо них снова проехала повозка с рабынями Сурены. В одной из них сидела его новая любимая наложница Коринтия. Будучи рабыней, она почему-то сама ненавидела рабов. Поэтому, увидев, как на неё смотрят римляне, она плюнула и расхохоталась. На её несчастье рядом шёл Варгонт. Он жестами показал, что сделал бы с ней, как с женщиной, если бы они оказались рядом. Евнух Кхабж избил его за это палкой, и уже окрепший Варгонт, стиснув зубы, вынужден был молчать и терпеть, иначе бы его убили на месте.

Сурена посмеялся над гневом рабыни, которая сразу же поспешила пожаловаться.

– Разрежь его на части! – потребовала она. – Вырежи ему глаза и кишки, – Коринтия была вне себя от гнева. – Сделай из него ремни, которыми будешь бить рабов!

– Успокойся, это – очень ценный раб. Смотри, он выжил. Его надо беречь... – Сурена от души радовался, наблюдая за возмущённой наложницей. Глупая девушка вела себя как необъезженная дикая кобылица. Ему это нравилось. – Что ты хочешь, убить его сразу или видеть, как он каждый день стоит перед тобой на коленях? – спросил он.

– Увидеть, как стоит на коленях, а потом – убить! – не думая, ответила Коринтия. Сурена вздохнул – страсть и глупость спокойно соседствовали в этой красивой голове и совсем не мешали ей жить.

– Так не бывает. Надо выбрать что-то одно, – он позвал начальника стражи Согадая и приказал привести Варгонта и ещё десяток пленных. Согадай взял тех, кто стоял рядом с Варгонтом, и пригнал их к Сурене. Визирь со смехом приказал им носить Коринтию. С тех пор Варгонт, Лаций и ещё десять римлян стали возить взбалмошную наложницу в носилках. Они изнывали от жары и тяжести. Но зато теперь их стали кормить намного лучше, чем остальных. Так Парки снова сплели их судьбы на этом маленьком отрезке жизни.

Глава Месть Варгонта

Прошёл целый месяц. Когда их довели до Тигра, наступил конец секстилиса⁷. Возле реки сразу повеяло свежестью и прохладой. Приближение к воде радовало всех – и парфян, и римлян. Говорили, что с этого места до столицы оставалось не больше дня пути. Кочевники заставили пленных сделать у реки что-то похожее на загон для скота. В их поведении чувствовались суета и нервозность. Каждый день они с самого утра скакали вокруг стоянки, что-то кричали, спорили между собой, но самое главное – теперь всех пленных стали регулярно кормить. Лаций понял, что их готовят к продаже. Они ежедневно носили воду лошадям парфян, которые располагались на холме. Оттуда уже были видны высокие стены города – большого и красивого. Там находилась Селевкия, старая столица. Но сам город римляне не видели, потому что их держали за холмом в низине. Здесь река делала крутой поворот, образуя небольшую песчаную косу. У берега поставили небольшие деревянные мостики, с которых было удобно набирать воду и стирать одежду. Той же ночью парфяне отобрали около ста пленных и отвели их в лагерь. Там уже были готовы небольшие крытые носилки, которые надо было по очереди носить к реке. Обычно для этого требовалось восемь человек. В каждом носилке сидела наложница из гарема Сурены. Другие рабыни и служанки шли рядом. После того как пленные спускали носилки вниз, их сразу же отправляли на другую сторону холма, где они ждали сигнала возвращаться. Ждать приходилось долго, так что многие успевали даже заснуть.

В загоне пленные расположились, кто как мог. До воды было шагов двадцать-тридцать, но вечером там никто не оставался – от берега тянуло холодом и сыростью. Спать возле реки было невозможно. Однако в течение дня Лаций старался как можно чаще подходить к воде и подолгу держал в ней руки. Он надеялся размочить верёвки и снять их хотя бы на ночь, чтобы не разрезать спрятанным ножом. Место купания наложниц находилось как раз с другой стороны холма, где расположились парфяне. Река делала в этом месте крутой поворот, обходя холм по кругу. По ночам оттуда доносились весёлые голоса женщин, купающихся под открытым небом.

Однажды они отнесли Коринтию к реке и сидели в ожидании команды стражников. Варгонт недовольно бурчал, проклиная тяжёлые носилки любимой наложницы Сурены. Он готов был принести жертву Нептуну и Вулкану, лишь бы те приковали к её ногам железную цепь и утащили под воду. Лаций пошутил и сказал, что можно подбросить ей дохлого скорпиона. У Варгонта сразу же загорелись глаза.

На следующий день он перевернул вдоль берега десятки камней, пока, наконец, не нашёл одного живого. Но взять его с собой в лагерь парфян не получилось. Упрямец хотел подкинуть ей обязательно живого скорпиона, а не мёртвого. Полночи прошло в раздумьях, как донести его до носилок. Лаций долго спорил с ним, но Варгонт не сдавался, пока сам не понял, что с живым скорпионом ничего не получится. Подойдя к Лацию, он посмотрел на его руки в воде и сел рядом.

– Ладно, я согласен. Давай задавим его, – со вздохом недовольства согласился он.

– Нет уж, дави сам, – Лацию не хотелось возиться с ним. – У меня нет сандалий. Я голыми руками в яму не полезу.

– Тогда давай утопим! Сделаем канавку и зальём водой, – Варгонт уже начал рыть песок, но остановился, заметив выражение его лица. – Ты что? – спросил он.

– А как ты его туда подбросишь? – с хитрой усмешкой спросил Лаций.

– Когда принесём носилки к реке, подброшу за занавеску, – решительно заявил Варгонт.

– Не получится. Она заорёт, и тебя сразу убьют.

---

⁷ Секстилис – август.

– Не убьют, – набычившись, мотнул головой он. – Кто носилки назад понесёт?

– Найдётся, кто. Не неси чушь. Нас сразу убьют. И не только нас. Разрежут на кусочки всех, кто будет рядом, поверь, – Лаций назидательно покачал головой, и его другу оставалось только вздохнуть и замолчать. – Однако, – небрежно продолжил он, как будто дело его совсем не касалось, – можно сделать и по-другому. Только надо поторопиться, потому что скоро придут часовые.

– Как? – Варгонт ожил и подполз на четвереньках ближе к воде.

– Не кричи, – понизил голос Лаций по привычке. Ему, наконец, удалось растянуть верёвку и он медленно вытащил из петли сначала одну кисть, а затем – другую. После этого осторожно помог освободиться Варгонту. Они некоторое время сидели молча, растирая руки.

– Хорошо... – с удовольствием протянул «гроза скорпионов». Лаций оглянулся и понизил голос:

– Тише! Сиди ровно, чтобы не заметили.

– Эх, убежать бы сейчас! Да некуда. Против течения не поплывёшь.

– Лучше пока не думать об этом. Может, нас выкупят. Или обменяют. Такое часто бывало.

– Меня точно не выкупят, – категорично заявил Варгонт. – Некому. Я же не патриций. Так что убегу сам. Попозже. Приду в себя и убегу, точно!

– Ну да! Как этот скорпион, – хмыкнул Лаций. – Он тоже думает, что убежит. Ладно, давай сначала закончим с этим. Что что-то мне не нравится вон тот, – он кивнул в сторону одного из пленных. За последние два месяца жизнь научила его бояться всего, даже своих бывших товарищей. Лаций видел лежавшего к ним спиной человека, который постоянно поворачивал голову, как будто прислушивался. Когда они перешли на шёпот, тот зашевелился и даже привстал на локте, но ему всё равно ничего не было слышно. Варгонт повернулся на шум и кинул небольшой камень. Фигура растворилась в сумраке. Пока они рыли небольшой канал от реки до ямы, Лаций рассказал, как можно напугать наложницу Сурены. – Только молчи! И не выходи из воды! Иначе нас убьют.

– Понял, понял, – недовольно пробурчал Варгонт. – Не буду шуметь и высовываться. Нас и так уже сто раз убивали. Давай, пускай воду, топи скорпиона!

Хантра болела уже два дня, у неё кружилась голова, ныли кости, и всё тело горело, как в огне. С утра, правда, стало немного лучше, и она даже смогла поесть. Когда после полудня Заира сказала, что Коринтия заболела и они могли бы пойти к реке вместо неё, старуха сначала отказалась, а затем, подумав, согласилась. Она тоже устала лежать в шатре и хотела посидеть на берегу реки. Заира завидовала наложницам, которые постоянно делились впечатлениями от купания в ночной реке, а ей оставалось только вздыхать и слушать, потому что у тётки на этот счёт были свои приметы. До свадьбы, как она говорила, под ночным небом нельзя появляться голой. Ночь может украсть девственность из зависти – такая, по её словам, была примета.

Когда небо потемнело и на нём стали появляться звёзды, стражники наконец привели за ними носильщиков. Заира радовалась, как ребёнок. Хантра устало забралась вместе с ней внутрь и плотно задёрнула занавески. Их отнесли чуть дальше, чем остальных. Коринтия всегда предпочитала купаться отдельно от всех, наивно думая, что занимает в гареме более высокое положение, чем другие, и опасалась, что её сглазят. Носилки по её приказу ставили подальше от воды, чтобы пламя не могло осветить то место, где она купалась. Так поступили и на этот раз, остановившись за двадцать шагов до берега.

Какое-то время пленные стояли на месте и ждали.

– Молчат. Наверное, их там укачало, – тихо произнёс Икадион, которого Лаций попросил сходить вместо него. – Это всё ты виноват, – с усмешкой кивнул он Атилле, который стоял рядом, в недоумении глядя на старуху. Того, в свою очередь, попросил заменить его Варгонт.

– Я-то причём? – глупо пробасил тот. – Нёс, как нёс. Сейчас ещё нажалуется на нас. Пошли отсюда! Как бы головы не лишиться из-за этой старой дуры.

– Пошли. Вон, варвар машет. Идём! Надо будет потом Лацию рассказать, – согласился Икадион и поплёлся в сторону стражников, которые уже спешили собрать и пересчитать пленных. Он не заметил, как позади него шевельнулась занавеска и оттуда выглянула Заира.

– Лаций, – прошептала она. Это было единственное слово, которое девушка разобрала в их разговоре, но знакомой фигуры среди уходивших пленных не было. Старая Хантра взяла у стражника два длинных факела и подошла к воде. Здесь ей было легче. От реки веяло прохладой, но в теле всё ещё чувствовалась слабость. Она передёрнула плечами и вернулась назад, на сухое место, где песок сменялся глиняными буграми с мелким кустарником. Стражник воткнул факел рядом с ней и ушёл вверх. Хантра достала две подушки и толстую накидку. Постелив их на землю, она подошла к носилкам. Слабый свет огня еле доставал до занавесок, луна этой ночью спряталась за дымку облаков, и старуха, проклиная всё на свете, тыкалась в темноте в разные углы, стараясь найти длинную простыню.

– Тётушка, не надо, – недовольно сказала Заира, – я сама могу. Что тут снимать?

– Стой, молчи. Надо вот так сделать, – ответила та. Заире не терпелось быстрее окунуться в прохладную воду реки, но она была вынуждена ждать.

Старая служанка сделала всё по-своему. Она несколько раз обмотала вокруг неё тонкую простыню, заправив края под мышками, чтобы ничего не было видно. Но Заира не могла даже пошевелиться, не то что купаться. Когда Хантра, тяжело дыша, вернулась на своё место, фигура племянницы совсем слилась с тёмным пятном носилок, и она не заметила, как девушка скинула простыню и оставила её на берегу у самой воды. Старая служанка не волновалась – дочь Абгара с детства купалась в реке со своими подругами и умела отлично плавать. В этот момент Заира, зайдя по пояс в воду, с радостным выдохом присела вниз и закинула голову назад. Её тётка тоже с удовольствием потянулась и откинулась на подушки. Небо было чёрным, иногда в разрывы облаков проглядывали звёзды, и тепло неостывшей земли приятно обволакивало уставшее от болезни тело старой служанки, постепенно успокаивая его и погружая в сонную дремоту.

Глава Скорпион в носилках и Лейла в воде

Пленные вернулись в загон на другой стороне холма, и Икадион пошёл искать Лация. Ему не терпелось рассказать про старуху, которая оказалась хуже наложницы Сурены. Она так замучила их своими остановками и криками, что все были рады вернуться обратно. Кто-то сказал ему, что Лация видели с Варгонтом у воды.

– Эй, Лаций! – окликнул Икадион стоявшего на берегу человека. – Ты представляешь, что мы видели... – он осёкся, заметив, что ошибся. – Ты Лация не видел? – спросил он незнакомца.

– Нет, – как-то резко и нервно ответил заросший и сутулый римлянин.

– А Варгонта?

– Нет, – снова быстро произнёс тот. Икадион присмотрелся.

– Лабиен, ты, что ли? – этого легата он хорошо помнил, потому что тот хотел ускакать вместе с Эгнатием Аврелием, но его лошадь сломала ногу. Икадион как раз помогал ему потом добраться до ближайшей повозки, так как Лабиен упал и сильно ударился.

– Что тебе надо? – вместо ответа недовольно спросил тот.

– Ты, что, заболел? – Икадион чувствовал, что Лабиен ведёт себя странно, но не понимал, почему.

– Нет, – наконец, ответил тот спокойным голосом. – Ты ищешь кого-то? – по-прежнему, не поднимая головы, спросил он.

– Уже нет, – Икадион пожал плечами и вытер нос связанными руками. Посмотрев на Лабиена в последний раз, он развернулся и пошёл к своим товарищам. Скоро должны были принести остатки из котлов парфян, и он не хотел опаздывать. На этот раз им с Атиллой досталось много хлеба и две кости. Они поделились со слепым певцом и вскоре завалились спать. Утром Икадион окончательно позабыл о своей странной встрече с Лабиеном и не вспомнил о ней даже когда встретился с друзьями на следующий день.

Было темно и тихо. Лаций снял то, что осталось от туники, и оглянулся, чтобы найти камень. Ему показалось, что сзади было какое-то движение. Подумав, он спрятал нож, верёвки, обе накидки и половину платка Лейлы в разные места. Затем вернулся к стоявшему в воде Варгону.

Они опустились по шею и направились в сторону поворота за холмом. Лёгкое течение подталкивало их в спину. До поворота оставалось совсем немного, когда на склоне показались носилки Коринтии. Они не ожидали, что те окажутся так близко. В тусклом свете двух факелов были видны только две ручки – они торчали из темноты, как два копья. Лаций вдруг схватил Варгонта за руку и остановился. Тот медленно повернул к нему голову. В воде кто-то был. Лаций кивнул в ту сторону, и Варгонт кивком подтвердил, что тоже заметил. Если это купалась любовница Сурены, то её можно было обойти вдоль берега. Приблизившись к отмели, они стали буквально ползти по дну, осторожно отталкиваясь от песка руками и ногами. Стараясь двигаться медленно, Лаций смотрел то на купальщицу, то на берег. Варгонт так и не научился хорошо плавать, поэтому им пришлось двигаться очень осторожно.

На берегу почему-то не было видно ни рабынь, ни стражников. Наверное, самовлюблённая Коринтия отправила их подальше. Обычно служанки сидели на берегу рядом с факелами, но сейчас там была видна только чья-то одинокая тень. Она неподвижно лежала на земле и, казалось, спала. Наложница Сурены тоже лежала спиной на воде и смотрела в небо. Она отплыла от берега шагов на двадцать и вряд ли видела, что происходит у самой кромки воды. Лаций с облегчением вздохнул и показал Варгону на уши. Тот с пониманием кивнул. Никто из них не сомневался, что там плавала взбалмошная и визгливая Коринтия. Так как служанки отсутствовали, ситуация изменилась. Теперь можно было не бросать скорпиона на накидку,

надеясь на удачу, а спокойно выползти и положить его сверху. Варгонт улыбнулся и показал ему на факелы и носилки. Лаций опешил, поняв намёк друга. Он приблизился и еле слышно спросил:

– Внутрь?

– Да, – одними губами ответил Варгонт. Носилки загоразживали их от факелов, поэтому лежавший за ними человек ничего не видел, и Лаций согласился. Они подплыли к берегу вплотную. До факелов оставалось совсем немного. Лаций показал Варгонту, что останется в воде и будет следить за наложницей. До неё было шагов пятнадцать, она купалась чуть ниже того места, где были носилки, не замечая, что течение постепенно сносит её вниз. Варгонт хитро прищурился и медленно выполз на берег.

В это время Заира радовалась ласке воды, наслаждаясь приятной прохладой, и воображение рисовало ей радужные картины будущего, где всё было хорошо и красиво. Она переворачивалась со спины на живот, ныряла и долго плыла под водой, истосковавшись по свободе движений, которой не было в походной тележке. Вверху тускло мерцали звёзды, слабые тени от факелов остались позади на берегу, и она даже не подозревала, что совсем рядом за ней наблюдает пара внимательных глаз. Набрав воздух, Заира нырнула поглубже, направляясь к берегу. Проплыв около десяти шагов, она медленно вынырнула и, ощутив под ногами песок, приподнялась над водой. Откину волосы назад и протерев лицо, она от неожиданности вздрогнула и застыла, не в силах пошевелиться. Прямо перед ней было лицо того самого римлянина, которому она приносила масло. Его большие, неподвижно застывшие глаза смотрели на неё с таким изумлением и восхищением, что Заира растерялась и несколько мгновений не знала, что делать. Когда она поняла, что стоит по пояс в воде с поднятыми вверх руками, кровь ударила ей в голову и она резко опустила вниз. Вода показалась ей горячей.

– Лейла, – одними губами прошептал Лаций. Она молчала, не зная, что сказать. На берегу тёмным пятном виднелась неподвижная фигура тётки. Похоже, она заснула после тяжёлого дня и длительных приступов тошноты. Заира посмотрела в сторону и поняла, что римлянин приплыл из-за поворота. Сердце бешено стучало у неё в груди, руки и ноги не слушались – она не могла ни плыть, ни идти. Лаций заметил это и улыбнулся. Затем приложил палец к губам и тихо прошептал: – Ты – красивая. Очень.

Она увидела его руку и протянула свою. Лаций положил её ладонь себе на грудь, и Заира почувствовала, как быстро бьётся его сердце. Потом он покачал головой и отпустил её, оглянувшись несколько раз на берег. Наверное, он боялся стражников и тётушки... В глазах у неё в это время всё поплыло, а в ушах появился тихий гул. Поэтому Заира не видела и не слышала, как со стороны носилок появилась невысокая коренастая фигура второго римлянина и он неслышно опустился в воду. Она видела перед собой только лицо Лация. Оно стало медленно удаляться и вскоре полностью растаяло в темноте. Ночь была тёмная, и уже в нескольких шагах ничего не было видно. Заира долго смотрела в темноту, пока, наконец, не пришла в себя и смогла нормально дышать. Подплыв к самому берегу, она перевернулась на спину, откинула голову назад и раскинула руки в стороны. Невидимые облака ненадолго разошлись, и огромное чёрное небо теперь было всё усеяно яркими звёздами. Казалось, они улыбались и радостно кивали ей. Непонятное новое чувство, как неоперившийся пушистый птенец, нежно пошевелилось в глубине её юной души, и Заира впервые в жизни осознала, что стала старше и у неё появилась своя тайна.

Варгонт дошёл до края воды и медленно выполз на берег. Касаясь песка руками, он добрался до носилок и забросил туда мёртвого скорпиона. Обратный путь до воды занял чуть больше времени, потому что он пятился, стараясь не спускать глаз с неподвижного тела между двух факелов. Ступив в воду, он опустился на колени и лёг на живот. Затем оттолкнулся руками

от песка. Только когда вода коснулась его подбородка, он с облегчением вздохнул и повернулся к Лацию. Тот был совсем рядом.

– Заира, ты где? – раздался на берегу чей-то хриплый голос, и Варгонт, сделав глубокий вдох, тихо ушёл под воду. Там он стал пятиться в сторону поворота, и Лаций сразу же последовал за ним. Хантра приподнялась на локте и позвала чуть громче: – Заира, ты слышишь? – она хотела встать на ноги, но охнула и схватилась за спину. Острая боль снова напомнила о старой болезни. До воды донеслись злые ругательства.

– Да, тётушка. Я здесь, – ответила Заира. Эти слова были сказаны таким сладким голосом и с таким наслаждением, что старая служанка невольно позавидовала своей племяннице.

Выпрямившись, она с трудом подошла к носилкам, постояла немного, держась за край, и поплелась к берегу. Когда Хантра приблизилась к тому месту, где буквально несколько мгновений назад исчезла голова Варгонта, она наконец заметила в воде фигуру Заиры. Та как раз встала и закинула волосы на спину. Вода доходила ей до колен, тусклые отблески факелов переливались на мокром теле красновато-жёлтыми бликами и, благодаря им, она была похожа на вышедшую из воды речную богиню.

– Вода такая тёплая и мягкая, – проворковала племянница, и старая Хантра, не слышавшая раньше такой интонации в её голосе, настороженно оглянулась.

– Почему накидку сбросила? – не найдя, к чему придраться, пробурчала она.

– Я бы в ней утонула, ты что! – улыбнулась Заира. – Ты же не хочешь, чтобы меня нашли мёртвой?

– Фу, прекрати говорить глупости! Давай, бери масло. Пора уже мыться, – они подошли к носилкам, и старуха отдернула полог. Порывшись внутри, она вдруг что-то нащупала и вытащила на свет.

– Скорпион!!! – истошным голосом заорала она на весь берег и с невиданной прытью отскочила назад. Заира схватила простыню и успела обернуть её вокруг тела. Вскоре к ним подбежали рабыни и стражники. Все сразу стали обсуждать это происшествие, а старая Хантра села на песок и схватилась за грудь. – Мёртвый скорпион, – бормотала она, – мне снился мёртвый скорпион. Это – знак. Мёртвый скорпион...

Вскоре все успокоились и разошлись. Никто даже не додумался спросить, как он попал в носилки. Евнухи смеялись, а женщины вспоминали разные случаи и пересказывали сны, в которых появлялся скорпион. Когда пленные римляне принесли всех наложниц обратно в лагерь, Хантру осторожно довели до шатра и Заира стала готовить ей настойки из трав, которые та всегда возила с собой. Умирать старая служанка, назло всем слухам и предсказаниям, пока не собиралась.

– Ты зачем бросил скорпиона? – спросил Лаций. – Это же другая наложница была! Ты что, не видел?

– Нет, – удивился Варгонт. – Я думал, что это та крикливая дура! Это же её носилки!

– Ну да. Носилки её... Только там её не было.

– Да ну! Ты, что, в воде её видел? – Варгонт даже замер от изумления.

– Да.

– Правда? И как? Красивая? Поймать не успел? – вместе с силами к нему возвращались чувство юмора и хорошее настроение.

– Лица не видел. Но красивая, – со вздохом ответил Лаций и замолчал. Наконец поворот, за которым были слышны голоса женщин, остался позади, и впереди показались палки загона для пленных.

Когда они выползли на песок, рядом никого не было. Все римляне лежали на склоне холма, держась от реки подальше. Но один человек, стараясь оставаться незамеченным, наблю-

дал за ними очень внимательно. Варгонт сразу направился к камню, под которым Лаций спрятал туники и верёвки.

– Эй, где они? – растерянно спросил он.

– Что там? Скорпион?

– Нет. Причём тут скорпион? Где туники? Здесь ничего нет, – в голосе Варгонта сквозило раздражение.

– Как нет? – вскочил Лаций. Они облазили все камни на берегу, но одежду не нашли. Устав, оба сели на песок и уставились друг на друга. Потом Лаций отошёл чуть дальше и некоторое время наблюдал за остальными пленными, тени которых были видны вдалеке. Ничего подозрительного не было. Нож в повязке лежал там, где он его оставил. Значит, это сделали специально. Тот, кто украл одежду, верёвки и рваные сандалии, не видел, как он прятал нож в другом месте.

– Может, смыло водой? – с надеждой спросил Варгонт.

– Нет. Кто-то следит. Это – плохо. Кто-то из наших, – теперь он был в этом уверен. Лаций сел на песок и задумался. Варгонт с тоской посмотрел на него и вздохнул. Он не знал, о чём тот думает, и с ужасом рисовал себе приход парфян утром. Если их найдут без одежды и верёвок, то убьют на месте. Наверное, вор этого именно этого и хотел.

До утра тем временем оставалось совсем немного, и принимать решение надо было немедленно.

Глава Неприятное решение

- Может, давай обратно? – предложил Варгонт.
- Куда? На тот берег? К ним в столицу? – недовольно буркнул в ответ Лаций.
- А что делать?
- Пошли! – Лаций встал и решительно направился к краю огады.
- Куда? – старый друг ничего не понял, но поспешил последовать за ним.
- Пролазь! Быстрее!

– Лезу, лезу, – крихтя, выдал из себя Варгонт, согнувшись пополам. Они оказались за оградением. Парфянские стражники остались с другой стороны. Они всегда располагались между основным лагерем и пленными. Вокруг римлян охрану никто не выставял. Кочевники, как всегда, были слишком небрежны и самоуверенны. Когда они отошли от лагеря на довольно большое расстояние, у него в душе закралось сомнение. – Куда мы идём?

– Назад, – ответил Лаций. – К тому холму, – он махнул рукой куда-то вперёд, но в темноте ничего не было видно. Варгонт скорее догадался, чем увидел:

- Там же мёртвые... – вырвалось у него. – Точно туда?

– Да, – ответил Лаций. Объяснять ничего не хотелось. То, что он собирался сделать, было для римского легионера почти преступлением. Но умирать из-за такой глупости, как отсутствие верёвки, он не собирался.

– Что будем делать? – с ужасом спросил Варгонт, когда они, наконец, добрались до небольшой возвышенности. Вокруг бегали небольшие животные, похожие на шакалов. Лаций обошёл кусты и опустился на рыхлый песок. Потом достал нож и стал быстро копать, помогая себе руками. Варгонт молча стоял рядом и не шевелился. Когда показалась нога в сандалиии, он в страхе сделал шаг назад. Прошло довольно много времени, пока Лаций не закончил свою работу.

– Радуйся, – сказал он Варгонту, тяжело дыша. – Две туники почти целые. Вот эта – тебе. Похоже, нормально будет. Смотри, парфяне сандалиии оставили. Значит, совсем зажрались. Не снимают даже. Бери, может, подойдут?

– Лаций... – робко пробормотал Варгонт, от которого трудно было ожидать такой нерешительности. – Я не могу. Это же одежда мёртвых. Они... Их добрые души всегда между нами... – Варгонт замолчал, не в силах договорить мысль до конца.

– Да, ты прав. Но я их не обижаю, – ответил он. – Поверь, без туники не замёрзнут. И ноги тоже не сотрут.

– Не говори так, – прошептал старый друг. – Они могут услышать и тогда за нами придут Фурии.

- Фурии? Не думаю. Скорее, парфяне.

- Это – другое... – скривив лицо, ответил Варгонт.

– Что другое? Хватит скулить! Сейчас не до этого! Бери! Потом вернём всё... – добавил он уже тише. – Если выживем. Ну что ждёшь? Утром будешь лежать рядом с ними! – раздражённо произнёс Лаций. – Эх, жалко, резать нельзя, заметят... Лучше помоги развязать верёвку! У меня не получается, – он кивнул Варгонту на скрюченные пальцы трупа, и тот, пересилив себя, опустился рядом.

После восхода солнца парфяне стали убирать шатры и палатки. Вскоре дошло дело до пленных. Когда их стали связывать, Лация отеснили от Варгонта, и рядом оказался Атилла. Невдалеке виднелась спина Икадиона.

– Ну что, в столицу? – с неизменным весёлым настроением спросил Атилла Кроний. Лаций пожал плечами. – Что-то ты не радуешься, – усмехнулся старый боевой товарищ. – Там –

много женщин! В больших городах всегда так. Не пропадём! Нас обязательно купят в какой-нибудь гарем к толстой купчихе. Вот повеселимся!

– У них не бывает мужских гаремов, – ответил Лаций, завидя его постоянной жизнерадостности.

– Да? А я думал, бывают, – искренне расстроился Атилла. – Ну тогда сами попросимся к богатой куртизанке.

– У них и куртизанок нет, – ещё мрачнее добавил Лаций.

– Врёшь! Без них – нельзя. Что ж у них есть? – с досадой спросил широколицый весельчак, с недоверием посмотрев на него.

– Много песка для таких болтунов, как ты, – послышалось сзади. – Очень быстро в рот забивают. Навсегда.

Атилла обернулся и с недоумением посмотрел на говорившего.

– Тьфу, это – ты, Лабиен! – он махнул рукой, как будто хотел отогнать назойливую муху. – А я думал, тебя уже стервятники склевали. Нет, живой. Жаль. Но ты не расстраивайся, тебя возьмут вино делать. От твоих слов виноград быстро киснет, – заключил Атилла и снова повернулся к Лацию. – Слушай, что-то ты потолстел на парфянской еде, – прищурился, сказал он. – Туника уже маловата.

– Заткнись, – прошипел Лаций, потому что до самого восхода думал об исчезновении верёвок и одежды. Интуиция подсказывала, что всё это вскоре должно было обернуться большими неприятностями. Раз кто-то задумал зло, то он не остановится на этом. Однако самое страшное было в том, что Лаций не знал, с какой стороны ждать следующего удара.

К полудню огромные толпы пленных в сопровождении парфянских всадников двинулись в сторону города. Для тех, кто смог дойти до этого места, начиналась новая жизнь.

Глава Старейшины и визирь

Прибыв в Ктесифон, Сурена разослал гонцов старейшинам, чтобы лично рассказать им в своём дворце о победе над римлянами. Накануне он приказал привести пленных, чтобы устроить развлечение, а потом продать в рабство.

С самого утра город шумел и волновался, пересказывая самые невероятные слухи. Широкие деревянные ворота были распахнуты, через них двигались бесконечные вереницы людей, повозок и верблюдов, а стражники, расположившись в тени арки, лениво следили за этим водоворотом, даже не проверяя неизвестных купцов, нищих и гетер, как они делали это раньше. Базарная площадь, располагавшаяся прямо перед дворцом, была забита продавцами и покупателями, которые переходили с места на место, трогая фрукты и ткани, сбрюю и пшено, но ничего не покупали, предпочитая обмениваться сплетнями. Услышав что-то новое в соседнем ряду, они уже в следующем выдавали это за свою новость, гордо и самоуверенно выпячивая вперёд живот, прикладывая ладонь к груди и закатывая глаза к небу. В основном, говорили только о победе Сурены и стоимости рабов. Именно на этой площади скоро должны были начать продавать ужасных римлян, которых в огромном количестве визирь взял в плен под Синнаками. Такого здесь не было с момента основания города, поэтому старейшины всех родов, независимо от своего отношения к Сурене, прибыли на эту встречу. Для них подготовили самый большой зал дворца: слуги разостлали вдоль стен десятки матрасов, разноцветные ковры и небольшие подушки, принесли кувшины со свежей водой и полотенца, полили водой ступени и дорожки у входа, чтобы как можно дольше сохранить свежесть утренней прохлады. Возле окон стояли рабы с большими опахалами и плавными взмахами разгоняли воздух. Двери и окна открыли настежь, чтобы внутри было достаточно света и не надо было зажигать светильники.

Когда все прибывшие расселись по своим местам, Сурена встал и вытянул перед собой руки, повернув их ладонями вверх.

– От имени царя Орода приветствую всех вас, мудрые старейшины! – обратился он к ним и почтительно склонил голову. – Пусть ваши племена никогда не знают горя, земля всегда даёт много еды, а в реках никогда не иссякнет вода! – он поклонился, и убелённые сединами головы плавно качались, одобряя его слова.

– Расскажи нам, что произошло с римлянами? Мы хотим услышать всё из первых уст, – попросил его ближайший старейшина.

– По приказу нашего сатрапа Орода, великого повелителя Парфии, я выманил жадного Красса в пустыню. Римский император думал, что со мной едет вся казна Парфии и гарем сатрапа. В это время наши люди во всех городах вокруг Ашшура днём и ночью делали стрелы и наконечники. Мой двоюродный брат пригнал две тысячи верблюдов. Стрелы погрузили в большие мешки и привязали к их спинам. Если бы мы привели всех двугорбых сюда, то им не хватило бы места в этом дворце и даже на базарной площади! – громко произнёс он. По залу прокатилась волна удивлённых голосов. – Потом мы специально показали римлянам пустые ящики, обитые золотом, и они поверили, что это казна сатрапа Орода. Они побежали за нами и дошли до реки Баллис. Дальше начиналась пустыня. Но их воины застряли в песчаных барханах. Тогда наши лучники стали стрелять по ним без остановки. Каждая стрела попадала в цель. Наши воины натягивали луки весь день, и первым не выдержал молодой сын Красса. Он напал на наших всадников. Но они заманили его конницу за холмы и убили. После этого римляне испугались и убежали в Карры. Наши воины окружили город, но трусливые римляне не стали сражаться и решили уйти в Синнаки. Мы догнали их и предложили сдаться. Их жадный консул Красс не захотел нас слушать, и его убили, а голову и правую руку отправили нашему великому

сатрапу Ороду... вместе с известием об этой победе. Римляне разбежались, и наши воины охотились на них, как на зайцев, – с радостной улыбкой закончил Сурена.

– Сколько же их было?

– Их было пятьдесят или даже шестьдесят тысяч, а нас всего десять, – задумчиво ответил он, как бы подсчитывая в уме, сколько легионеров было на поле боя. – Лучники устали натягивать луки, тетивы перетирались и рвались. С полудня до заката стреляли наши воины. Их стрелы закрывали солнце. Целый день. На земле от них была тень, как от тысячи больших деревьев. Наши стрелы летели в три раза дальше, чем римские. Поэтому они не могли нас достать, – Сурена говорил медленно и важно. Он специально преувеличил количество римлян, чтобы усилить впечатление от своей победы. Старейшины с искренним удивлением качали головами, перешёптываясь и с радостью слушая его слова. – Вы сами можете увидеть двадцать тысяч пленных, которых мы продадим здесь, на рынке. А погибло их там во много раз больше.

– Значит, не так страшны римляне, как говорят о них арабы и иудеи? – спросил кто-то вдалеке.

– Они разучились воевать, – надменно заявил Сурена, и многие заулыбались, однако кое-кто всё же нахмурил брови. – Как могут сражаться воины, которые даже в бою не могут жить без разврата и мыслей о гетерах? – Сурена обвёл взглядом старейшин и остался доволен произведённым впечатлением. Все замерли и повернули головы в его сторону. – Вот, – он кивнул слуге и тот достал из мешка пергаменты с надписями. – Это мои воины нашли в обозе старого ветерана Мария среди вещей их казначея Рустия после битвы под Синнаками, – он развернул пергамент и продолжил: – Здесь собраны рассказы одного грека по имени Аристид. Называются они «Милетские рассказы». Вот, послушайте, что здесь написано о какой-то гетере из Эфеса: «Пришёл к ней мужчина, по имени Фибий, когда луна стояла посреди неба, и стал упрашивать её выйти к нему. Она противилась. Но недолго. А когда вышла, они уединились под виноградом, где их не могли видеть слуги. Силён был Фибий, тяжело прижимал он гетеру к земле, а она боялась кричать, чтобы никто не услышал. Но когда бог страсти Эрос пронзил её тело последней стрелой желания, гетера сама подняла ноги выше своей головы. Потом она запрыгнула на Фибия и скакала на нём, как на молодом македонском жеребце, заставляя его, при этом, дёргать её за грудь и громко кричать», – Сурена с отвращением на лице просмотрел несколько пергаментов и продолжил: – А вот ещё, про таких же гетер: «Знала Мидия, что она нравится Александру, и решила украсить своё тело, чтобы удивить его. Легла она на белоснежное ложе. В волосы вплела виноградные лозы, грудь обложила половинками вишен, на впадине живота у неё покоился персик, а от него вниз вела дорожка из гранатовых зёрен, которая указывала Александру путь к сладкому источнику радости», – Сурена сделал паузу и многозначительно посмотрел на старейшин. – Видите? Как такая армия, которая даже на войне думает о женском теле, может победить? Воины должны знать, что только после боя они получают и гетер, и еду. Но для этого сначала надо победить и выжить. Так воевали наши воины и они победили! – он бросил свиток в мешок. Старейшины загудели от негодования и стали громко переговариваться.

– Да, ты удивил нас, Сурена. Мы благодарим тебя за то, что защитил нашу землю от страшного врага. Честь и почёт тебе во все времена! – они ещё долго расспрашивали его обо всех подробностях и, в итоге, пришли к единому мнению, что визирь сделал всё правильно и не опозорил Парфию и сатрапа Орода. Сам Сурена сидел во главе совета старейшин, в белой рубашке, расшитой золотыми цветами, широких штанах, стянутых красно-жёлтым поясом и мягких кожаных сапогах, с яркими узорами. На пальцах у него красовались золотые перстни с большими камнями, и, когда он поднимал или опускал руку, описывая какие-нибудь захватывающие события, они вспыхивали всеми цветами радуги и невольно приковывали внимание окружающих. Слава Сурены стремительно росла, но он не обращал на это внимания. Как не обращал внимания и на представителей малочисленных племён в дальней части зала,

почти у самых дверей. Они совсем не улыбались его речам и всё время о чём-то перешёптывались, в то время как остальные высказывали своё уважение.

– Мудрые и почётные предводители племён, – поднял руку Сурена, – приглашаю вас всех прийти завтра на базарную площадь, где мои воины готовят сейчас загоны для пленных. Для услады ваших глаз мы сделаем из них животных и порадуюсь победе во славу великого правителя, сатрапа Орода!

Собравшиеся радостно загудели и выразили своё единодушное согласие. Впереди их ждали развлечения и роскошный пир, от которых никто никогда не отказывался.

Глава Накануне расправы

Ни людей, ни богов вокруг не было. Одни облака и сильный ветер. Лаций падал вниз с высокой скалы и не мог остановиться. Он смотрел на свои руки и плакал. Они были связаны, и он не мог дотянуться до ножа. Кисти затекли и страшно ныли. Разум отчаянно сопротивлялся приближающейся смерти. Он падал со скалы вниз и должен был вот-вот разбиться. Мысли кричали в голове, как будто они были живыми и их пытали калёным железом. На горле всё сильнее сжимались костлявые пальцы невидимого врага. Мысль о смерти предательски пробралась в голову и настойчиво стучала по черепу изнутри: тук-тук-тук. Пауза и снова: тук-тук-тук. Внезапно всё исчезло, к горлу подкатил комок, и в глаза хлынул яркий солнечный свет. А за ним – крик. Мёртвые звали его в царство Орка. Они старались унести его с собой...

– Лаций! – донёсся откуда-то издалека голос Варгонта. – Ты что, притворяешься, что ли?

– О-о-о, – тихий стон вырвался из груди, и боль в затылке стала ещё сильнее. Шея затекла и не поворачивалась. Он всю ночь проспал ухом на камне и теперь задняя часть головы онемела. – Болит... голова... – чужим голосом пробормотал Лаций. – Болит.

– Болит? Ударил, что ли? – Варгонт с недоумением пожал плечами. – Дальше будет хуже. Есть сегодня, кажется, не дадут. Вон, только воду принесли. Иди, пей. Иначе не достанется, – он кивнул в сторону ограды, где виднелись лошади кочевников с кожаными мешками. Лаций послушался его совета и через некоторое время пришёл в себя. Затёкшая шея и затылок отошли, и он смог нормально двигаться. Сон был неприятным и странным, в нём было много непонятного. Но гадалок и авгуров здесь не было.

– Вставай! Вставай! – послышались крики стражи, и римлян стали выгонять на улицу, ведущую к центру столицы.

Посреди большой базарной площади, прямо перед стеной дворца, стояли десятки воинов с мечами и копьями. Всё было готово для развлечения: большая круглая площадка огорожена забором с узкими проходами в нескольких местах, а возле стены специально были натянуты большие широкие навесы, под которыми на матрасах и подушках расположились старейшины парфянских племён и приближённые Сурены. Позади них теснились многочисленные слуги. В середине, на большом кресле, покрытом мягким ковром, сидел сам визирь. Рядом с ним были арабский царь Абгар и предводитель катафрактариев Афрат со старейшинами рода Гью. Чуть дальше сидели представители рода Карен, к которому принадлежал Силлак. Главы остальных племён располагались дальше. Все были окружены почётом и уважением. Многочисленные слуги держали кубки с водой и подносы со сладостями.

– Давай! Веди, – кивнул Сурена. – Сейчас вы увидите этих римлян, – он снисходительно улыбнулся и откинулся назад. Ему сразу же подали чашу с водой. Визирь сделал глоток и отдал обратно. Подошёл начальник конной стражи Согадай и что-то спросил.

– Пусть ведут всех. Больных и здоровых – всех, без разбора! Давай, поживей! – недовольно сказал визирь.

За день до этого старый арабский царь Абгар встретился со своей дочерью и служанкой Хантрой. Визирь разрешил им на время остановиться отдельно в небольшом доме, который принадлежал одному арабскому купцу из Эдессы. Тот оказал Абгару соответствующий почёт и уважение, а его дочери выделили всю женскую половину дома, в которой они с Хантрой не знали, что делать. Сам купец отправил своих женщин в другой дом, к брату, оставив только четырёх рабынь в помощь старой служанке.

Отец и дочь сидели в большой комнате на полу, вокруг вытертого ковра, на котором стояли вода и различные угощения. Заира умоляла отца разрешить ей посмотреть на представле-

ние, которое на следующий день устраивал для старейшин великий Сурена. Но Абгар не хотел даже слушать, потому что ни одной женщине нельзя было попасть туда, где собирались мужчины. Они могли наблюдать за праздниками, казнями, приёмами послов или какими-то развлечениями только из комнат соседних домов с длинными занавесками или из таких мест, откуда их не было видно.

– Отец, я так давно не была в городе. Их столица такая большая. Говорят, гарем и жёны сатрапа Орода тоже здесь. Они заказали много тканей из шёлка, – щебетала Заира. – Но ты же видишь, что мне ничего не надо. К тому же я всё уже здесь узнала... и тут есть одно место, где можно спрятаться. Там, на площади, много торговых домов. Ну что тебе стоит поговорить с ними? Я могу спрятаться в комнате под крышей. Почему жёнам купцов и торговкам можно смотреть, а мне нет?

– Откуда ты успела всё это узнать? – с искренним удивлением спросил Абгар. Живость дочери радовала его, но вместе с тем настораживала.

– Слухи, – проворчала старая Хантра. – А она только и делает, что слушает. Молодая ещё. С ума меня сведёт!

– Тебя с ума ничего не сведёт, – с улыбкой ответила ей Заира. – Ну пожалуйста, отец! Ведь такого, может, больше никогда в жизни не будет! Ты же сам это говорил, помнишь?

– Тише, дочь! Не надо! – нахмурился Абгар. Однажды он случайно обмолвился, что второй такой победы над римлянами им, наверное, больше не видать, и теперь жалел об этом.

– Что там будет, отец? Говорят, Сурена продаст всех римлян. Он будет продавать их прямо здесь? – не унималась Заира.

– Не совсем так, – скривил лицо Абгар. – Сначала будет развлечение. Наверное, несколько человек убьют.

– Убьют? – с ужасом воскликнула Заира, и отец увидел у неё в глазах неподдельный страх. Он сокрушённо покачал головой.

– Да, убьют. Ты ещё ребёнок, и тебе не стоит смотреть на такие вещи.

– Ну вот, опять! Сколько можно? Ты оберегаешь меня даже от песка в пустыне. Но когда тебя не будет рядом, что мне делать? Я ведь останусь одна и всё равно всё увижу!

– Не говори так с отцом, – недовольно проскрипела Хантра.

– Она права, – вздохнул Абгар. – Ладно, я попробую поговорить с купцами.

– Абгар, опасное дело затеваешь! Посидела бы в доме, ничего бы с ней не случилось.

Ещё насмотрится в жизни всякого.

– Ты тоже права. Но римлян она точно никогда не увидит, – ответил он.

– Тётя, ты мне даже купаться в реке не даёшь! Орёшь на всю пустыню, пугаешься даже дохлого скорпиона. Так я могу превратиться в старуху ещё до того, как рожу сатрапу сына!

– Ох, Заира, – только и смогла ответить Хантра, недовольно поджав губы и опустив взгляд.

– Ты не рад, отец? Что тебя печалит? – спросила Заира, и в её голосе прозвучала тревога.

– Я рад великой победе мудрейшего из воинов, – думая о чём-то своём, уклончиво ответил тот.

– Тогда почему ты не улыбаешься и не радуешься?

– В такой смерти, которая будет завтра, мало радости, дочка. Я привык убивать врага в бою. Быстро и сразу. Поэтому здесь мне не место, – он хотел добавить, что в случае победы римлян, всё могло быть наоборот. Но Заира была ещё слишком юной, чтобы понять это. – Ладно, приготовьтесь и ждите завтра носилки. Я пришлю за вами десять всадников, – Абгар встал и вышел из комнаты.

Глава Кровавое развлечение на городской площади

Сурена заметил, что арабский царь расположился позади парфян, и позвал его:

– Абгар, царь Осроены, подойди поближе! Твоя помощь в этой победе была велика. Я хочу, чтобы ты наслаждался унижением римлян вместе с нами. Сядь рядом.

– Да будет славно имя твоё, визирь, – поклонился Абгар и встал с места. Лицо его выражало преданность и послушание, но глаза смотрели в землю. В это время на площади показались первые римляне. Они напоминали толпу оборванных и грязных людей, и совсем не были похожи на непобедимую армию. Их стали выводить на площадь.

– Убирай лишних! – приказал начальник конной стражи своим воинам. Те закричали и стали стучать палками по спинам пленных. Но быстро развести всех по клеткам не получилось. Согадай привёл сюда около тысячи человек и хотел сразу загнать всех в круг, но это оказалось невозможно. Римляне еле передвигались, поэтому потребовалось время, чтобы развести их и забить клетки до отказа, а лишних просто отогнать обратно, в подвалы. В центре площади осталось около тридцати человек. Сдерживая недовольство, вызванное такой задержкой, Сурена встал и обратился к старейшинам:

– Воины великого сатрапа Орода сейчас покажут вам, как они вселяли страх в сердца этих жадных римлян! – он махнул рукой, и парфяне натянули луки. Раздался лёгкий хлопок, и в воздух взметнулись несколько десятков стрел. Римляне от страха присели, но многие так и не смогли встать, пронзённые насквозь. Следующий выстрел уменьшил их количество ещё наполовину. Оставшиеся бегали вдоль забора, пока стражники под одобрительные крики толпы выталкивали их палками на середину. В конце концов, в живых остался только один, в которого чудом не попала ни одна стрела.

– Стой, – приказал Сурена. – Пусть повеселит нас! – он подозвал Согадая и что-то ему сказал.

– Кто хочет получить свободу?! – громко прокричал глашатай, говоривший на римском языке. Все замерли. В клетках – с тревогой, а под навесами – в предвкушении представления. Парфянские рабы, тем временем, уносили тела убитых с площади. – Визирь Сурена подарит жизнь тому, кто убьёт этого пленника! – громко произнёс он. Но со стороны клеток не раздалось ни звука. Глашатай обернулся к начальнику стражи, а тот – к визирю. Сурена кивнул, и из клеток вытащили десять римлян. Их поставили на колени и спросили ещё раз: – Кто хочет остаться в живых? Только один! Слышите, один!.. Останется в живых! Надо убить этого пленного. Только один, спешите! Остальных убьют прямо здесь! – он наскакивал на несчастных и тряс в воздухе мечом, нагоняя истерию. Но римляне молчали, испуганно глядя вниз. Тогда Согадай махнул рукой, и стражники наклонили к земле первого пленного. Удар, и тело без головы неуклюже завалилось на бок. Глашатай показал на него рукой и закричал: – Кто хочет умереть следующим?! Кто хочет умереть?! Один может спастись! Надо убить одного пленного!

Но оставшиеся как будто онемели. Так продолжалось до тех пор, пока в живых не остался всего один пленный. Когда стражник сделал в его сторону движение мечом, он с ужасом вскочил и хотел убежать, но споткнулся о тело убитого товарища и упал на спину. Несчастливого охватил безумный страх, и он стал отталкиваться пятками от земли, стараясь отползти от приближающейся смерти. В этот момент разозлённый начальник стражи, выхватив окровавленный меч у воина, протянул его обезумевшему римлянину.

– Убей его! Убей! Возьми меч и убей. Визирь подарит тебе жизнь, – предлагал он, оскалив в хищной улыбке редкие жёлтые зубы. Пленного подняли с земли и освободили от верёвок. Потом вложили меч в руку и подвели к жертве. Худой и сутулый, он стоял, дрожа всем телом, и затравленно озирался вокруг, не понимая, что от него хотят. Было видно, что рассудок этого

несчастливого оказался не в силах выдержать такое напряжение. И тут второй римлянин, сделал шаг навстречу, схватил лезвие руками и приставил его к животу.

– Давай, – одними губами прошептал он, глядя в полные ужаса глаза своего товарища. Он сделал движение вперёд, чтобы помочь, и острое лезвие мягко вошло в дрогнувший живот. С улыбкой на губах несчастный упал на колени, а потом лицом прямо в пыль. Зрители неодобрительно зашумели. Им не понравился поступок жертвы.

– Выпускай! – махнул Сурена рукой и откинулся в кресле. В воздухе повисла напряжённая тишина, и несколько сотен человек замерли, ожидая, что произойдёт дальше. Какое-то время ничего не было слышно, а потом где-то вдалеке раздался раздражённый рык дикого зверя. По арене пробежала волна удивлённого шёпота. В проходах появились тигры из царского дворца. Зрители зашумели, громко выражая восторг.

Одиноким римлянин со страхом прижался к деревянному ограждению, но парфяне стали толкать его палками в спину и кричать, стараясь привлечь внимание тигров. Звери медленно вышли на площадь и остановились, наблюдая за борьбой у ограды. Они чувствовали запах крови, но не видели тел. Наконец, воинам удалось с силой оттолкнуть пленника далеко вперёд, и тот, не удержавшись, упал в лужу крови. Один из тигров, наклонив голову, приблизился к нему и стал обнюхивать. Пленный не выдержал и громко закричал. Затем вскочил и побежал прочь. Зверь сначала испуганно дёрнулся в сторону, но, увидев, что жертва убегает, опустил голову и сделал прыжок, другой... На третьем он настиг беглеца и сбил его с ног. Огромные клыки вцепились жертве в плечо, и до зрителей донёсся отчаянный крик. Но парфяне не дали животному разорвать мёртвое тело на части. Они отогнали тигров и быстро вытащили труп за ограду. По их замыслу, звери должны были оставаться голодными. Сурена недовольно повернулся к начальнику стражи:

– Согадай, совсем плохо. Скучно. Ты, что, специально их покормил? – Сурена нахмурился. Начальник стражи отчаянно замотал головой. На его лице застыл испуг. – Ладно, иди, найди там храбрых воинов. У себя, в Риме, они любят устраивать такие развлечения. Пусть теперь повеселят нас.

Согадай громко выкрикнул приказ своим воинам, и те вытолкали за ограждение ещё одного несчастного. Хищники, разозлённые тем, что у них забрали добычу, сразу же накинулись на него и стали рвать на части. Два тигра дергали кричащего римлянина за руку и ногу, а ещё два ходили кругами, дожидаясь своей очереди. Пятый стоял чуть дальше и бил себя хвостом по бокам. Когда звери добрались до горла, стражники снова отогнали их острыми копьями и, тем самым, опять лишили добычи. Третьего и четвёртого пленного постигла та же участь. Но зрелища не получилось. Сурена был мрачнее тучи. Он бросил в сторону начальника стражи косой взгляд, и тот сразу же поспешил к ограде.

– Эй, вы! – выкрикнул он, быстро добравшись до другой стороны арены и обводя римлян налитыми кровью глазами. – Великий Сурена желает увидеть настоящих героев. Кто не боится тигров? Выходите! – но все молчали. Пленные исподлобья смотрели на брызгавшего слюной парфянина, но никто не хотел стать кормом для голодных хищников. Тем временем стражникам удалось зацепить крюками последнее тело и вырвать его из лап зверей. Обезображенный труп вытащили за ограду и бросили под ноги его товарищей.

– Эй! Герои! Где ваш Красс? Пусть выходит! Где он? Прячется в обозе с гетерами? – громко кричал Согадай. Зрители изредка посмеивались, им хотелось зрелища, но пока ничего не получалось.

– От этих гетер произошли все парфяне, – вдруг раздался такой мощный и сильный голос, что даже Сурена услышал его и недовольно нахмурился. Но потом он усмехнулся и пробурчал:

– Ну что ж, хоть кто-то проснулся. И то хорошо.

Начальник стражи в этот момент уже был за оградой и пытался найти смельчака.

– Кто это такой смелый?! – рычал он. – Кто это?! Кто сказал?! Кто?!

– Я сказал! – таким же громким и необычайно глубоким голосом ответил кто-то из глубины толпы. Лаций стоял у самого забора, но он сразу узнал смельчака по голосу. Это был брат ветерана Мария, слепой певец. Парфянин бросился расталкивать пленных, пока перед ним не показалась высокая и худая фигура Павла Домициана. Согадай нахмурился, увидев, что тот смотрит на него невидящим взглядом поражённых слепотой глаз. Несчастный держался рукой за плечо товарища и не шевелился. Но начальника стражи это не волновало. Он был взбешён, и его душа жаждала крови. Согадай толкнул слепого певца в спину к проходу.

– Иди сюда, сын шакала и кобры. Я вырву твой язык. Сам вырву. И тогда тебя сожрут тигры. Кто его поводырь? – схватив на ходу ещё одного человека, он толкнул его к Павлу Домициану: – Веди его! Пусть скажет это тиграм!

– Я не боюсь тигров, – громко произнёс слепой, и все с удивлением уставились на него.

– Зачем он так? – пробормотал Варгонт. Они стояли у самого края арены и видели практически всё, что там происходит. Вскоре у жердей появилась худая фигура певца, которого вёл за собой дрожащий от страха пленный. Они вышли середину площади.

– Павел не боится смерти, как и его брат, хромой Марий, – тихо произнёс Лаций. – Он живёт песнями. Ты же знаешь.

– Да. Но тигры не поют. Он же ничего не сможет... – проскрежетал зубами Варгонт. Однако ответить Лаций не успел, потому что Павел Домициан, покрутив головой вокруг, ровным шагом направился к той части, где в окружении придворных сидел Сурена. За ним обречённо поплёлся «поводырь». Тигры рычали и ходили вокруг них кругами, но не прыгали.

– Ты кто? – спросил Сурена, когда тот остановился в пяти-шести шагах перед оградой.

– Меня зовут Павел Домициан Цэкус! – гордо ответил он.

– Ты что, слепой? – удивился Сурена.

– Да. Но я тоже воин. Римский воин.

– Да, я это вижу. Если бы римляне брали на войну зрячих, они бы лучше сражались, – усмехнулся он, и все придворные подхватили его шутку.

– Иногда слепые сильнее зрячих! – заявил Павел Домициан.

– Да? И когда же? Наверное, только в постели с гетерой! – рассмеялся Сурена. – Не ты ли возил у своего друга Рустия в обозе «Милетские рассказы»?

– Не я, – коротко ответил тот.

– Ну да, – усмехнулся Сурена. – Куда тебе. Ты же даже мужчину от женщины отличить не можешь. Только на ощупь, – он снова расхохотался и вместе с ним – все остальные.

– Зато я могу спеть, – ответил Павел. – Спеть о царском роде Аршакидов. Может, ты знаешь, что он происходит от милетских и ионийских гетер. И это не мешает им царствовать над парфянами!

Сурена нахмурил брови и сжал кулаки. Старейшины онемели от такой наглости. Никто не шевелился, и все взгляды были прикованы к этому похожему на кипарис человеку, который вот-вот должен был расстаться с жизнью. Сурена собирался что-то ответить, но римлянин набрал в лёгкие воздух и запел. Все замерли. Визирь тоже на мгновение замолчал, поражённый неожиданной силой и красотой его голоса. Но длилось это недолго. Начальник стражи кинулся к своим воинам, те стали толкать тигров длинными, заострёнными на концах палками, и раздражённые звери закружились по арене, злобно рыча и скаля жёлтые клыки. Однако их рычание было слышно только в те моменты, когда Павел Домициан останавливался, чтобы сделать вдох. Рядом с ним жался пленный-поводырь. Наконец, один из тигров несколько раз мотнул головой и присел на задние лапы. Было видно, что он собирается напасть сзади. И тут в толпе пленных произошло волнение. Варгонт, который до этого стоял и молча кусал губы, вцепившись в деревянные ограждения, вдруг не выдержал и метнулся вперёд. Вырвав у стоявшего неподалёку стражника палку, он перебросил её через ограду и сам прыгнул следом. Парфяне не успели даже опомниться. Зрители ахнули. Сурена с удивлением поднял брови.

Его начинал раздражать этот дерзкий певец, но он не мог убить безоружного, хотя рука уже несколько раз поднималась, чтобы отдать приказ лучникам прервать его громкую песню. К счастью, почти никто не понимал того языка, на котором римлянин пел о милетских гетерах и парфянских царях. Появление невысокого коренастого человека в конце арены привлекло внимание Сурены, и он с любопытством стал наблюдать за его действиями. Похоже, хоть кто-то среди римлян не выдержал и решил показать свою смелость. А это было именно то, чего ждали сейчас все окружающие.

Глава Последний бой Варгонта

Схватив палку, Варгонт в два прыжка оказался около тигра, который готовился напасть на слепого певца.

– А-а-а-р-р-р-р! – раздался в воздухе громкий рычащий голос человека и следом за этим – дикий визг зверя. Палка с силой опустилась на полосатую спину. Отскочив в сторону, тигр поджал хвост и оскалился. Варгонт вытянул палку перед собой и замер. Он тяжело дышал. Но раны на коже уже зажили, и он даже не хромал, как раньше. Лаций, который готов был в этот момент сам перескочить через ограду, так и замер с поднятыми руками, держась за верхние жерди.

– Варгонт, не надо... – прошептал он с болью в голосе, но было уже поздно.

– Эй, отойди к забору! – крикнул тот несчастному пленному, который стоял позади слепого певца.

Тигр несколько раз мотнул головой, отвлёкся от Павла Домициана и, сделав два шага по направлению к Варгонту, прыгнул. Что произошло дальше, Лаций разобрал не сразу. Варгонт вдруг исчез, а тигр, цепляясь лапами за пустоту, медленно пролетел над тем местом, где только что была голова человека. Остальные хищники ходили вокруг, хлопая себя хвостами по бокам. Один лёг на землю и стал лизать лапу. Обиженный Варгонтом зверь развернулся и грозно оскалился. Поводырь Павла Домициана стал медленно пятиться к заграждениям. Но Варгонт никуда не исчезал, а просто присел. Теперь он стоял, не шевелясь. Только немного согнутые колени и опущенная на грудь голова говорили, что он готов в любой момент отпрыгнуть в сторону. Тигр повёл хвостом из стороны в сторону и снова присел. Мгновение, и зверь взлетел в воздух, выкинув лапы вперёд. Он опять метил Варгонту в голову. Но тот снова исчез, и полосатое тело, как и в первый раз, плавно пролетело в пустоту. На этот раз Лаций успел заметить, что Варгонт упал на землю, и у тигра не было ни малейшей возможности достать его когтями с высоты своего прыжка. Третий прыжок прошёл, как и первых два – впустую. Зверь разбежался и сделал четвёртый. И снова мимо. А дальше произошло то, о чём Лаций долго потом ещё вспоминал, не в силах объяснить это себе и окружающим. Раздражённый зверь неожиданно перестал рычать, развернулся и медленно отошёл к ограде. Там он лёг и, открыв пасть, стал часто дышать, вывалив изо рта длинный язык. Он просто лежал и дышал, как будто устал от тяжёлой работы. Лаций ничего не понимал. Парфяне вскочили со своих мест и стали громко кричать. Слепой певец тоже прекратил петь и стоял, прислушиваясь к звукам борьбы. Варгонт быстро подбежал к нему и оттащил к ограде.

– Помогите ему! – крикнул он в запале и развернулся к тиграм. Никто не успел даже опомниться. Второму пленному парфяне не дали вернуться и вытолкали палками на площадь. Варгонта уже рядом не было, и стражники снова стали кричать на тигров пытаясь достать их законечниками копий, чтобы поднять с земли.

– Я его где-то видел, – хмыкнул Сурена и задумчиво нахмурил брови.

– Я не помню, – пробубнил Афрат, которому не нравилось такое развлечение. За последние дни он так опьянел от лести и подобострастия окружающих, что стал считать себя единственным победителем Красса. Обладая сильным телосложением и большой выносливостью, он, к сожалению, как и большинство могучих воинов, не отличался прозорливостью и гибким умом. Единственное, на что его хватило, так это подстричь себе бороду и тем самым показать придворным и воинам, что он всё-таки отличается от них. Сам Афрат считал это достижением, а все остальные – глупостью. Однако победа над римлянами вознесла Сурену и всех окружавших его военачальников на недостижимую высоту. К ним относились, как богам, которые делали невозможное, а такое отношение могло вскружить голову кому угодно, не только недалёкому воину. Поэтому Афрат позволил себе грубо добавить: – Мало крови и криков. Какие-то

слепые стоят и поют тут песни. Лучше уж было с гетерами повеселиться. Или на охоту съездить... – недовольно закончил он и пожал плечами, ещё не понимая, что совершает большую ошибку. Сурена не хотел портить праздник, и слова Афрата прозвучали для него как оскорбление. А прощать обиду визирь не любил.

– Это – легат Варгонт, – подсказал Абгар. – Ты, о, мудрейший визирь, отпустил его с двадцатью воинами в город. У реки.

– А-а! – брови Сурены взлетели вверх. – Помню, помню! Это – мой раб. Ну что ж, он умеет драться с тиграми, – Сурена повернулся к Афрату и заметил у того на лице недовольную гримасу. – Может, ты пошлешь десяток своих железных всадников, чтобы они повеселили нас? Да? – сказал он не предполагающим отказа тоном и растянул губы в широкой улыбке. Начальник катафрактариев сразу же изменился в лице. – Ты же любишь охоту, Афрат?

– Люблю. Очень. Да, конечно. Как скажешь, – он уже хотел встать, но Сурена остановил его.

– Подожди. Сначала тигры, – он отвернулся, и Афрат с тяжёлым вздохом плюхнулся на место. На арене в это время уже было на одного тигра меньше. Варгонт успел приблизиться к тому зверю, который прыгал первым, и, раздражив его концом острой палки, вонзил её глубоко в пасть, когда тот раскрыл рот в грозном рыке. Второй тигр старался отбить окровавленную палку лапой, но Варгонт несколько раз с такой силой ударил его по носу, что огромный зверь заскулил, как маленькая кошка, и отвернулся, отчаянно мотая головой и стараясь закрыть морду широкими лапами. Варгонт прицелился и со всего размаху ударил его прямо под левую лапу. Палка вошла зверю между рёбрами. Три оставшихся тигра отбежали от страшного человека в дальний конец площади и тихо зарычали, поджав хвосты.

– А-р-р-р! – оскалился в ответ Варгонт, сам превратившись в зверя. Несчастный поводырь Павла, согнув плечи, прятался у него за спиной.

– Варгонт, Варгонт! – закричал Лаций. – Сюда! Назад!

Но тот его не слышал. В этот момент в дальнем конце ограды открылась небольшая дверь и тигров стали загонять обратно. На смену им с другой стороны выехали десять железных всадников с длинными копьями. – Катафрактарии, – одними губами прошептал Атилла на ухо Лацию и покачал головой. – Они убьют его...

Павла Домициана уже успели затащить обратно, и он лежал на земле, что-то бормоча себе под нос.

Всадники тем временем медленно приблизились к Варгонту. Тот тяжело дышал и исподлобья наблюдал за ними, резко дёргая головой и переводя взгляд с одного на другого. Катафрактарии остановились и направили копыя прямо ему в грудь. Варгонт сделал шаг назад. Потом ещё и ещё. Пока не почувствовал за спиной твёрдые брёвна забора.

– Дайте мне меч! Дайте меч! – закричал он, разводя руки в стороны и видя неизбежность своего конца. Второй пленный упал на землю и закрыл голову руками.

– Ты свой меч уже потерял, – со злорадной усмешкой произнёс Сурена. Но Варгонт его не слышал. Стражники просунули между брёвнами палки и стали толкать его в спину. Он в отчаянии оглянулся по сторонам и вдруг рванулся вперёд, прямо навстречу лошадям. Всадники не ожидали от него такой прыти. До острых наконечников копий было всего два-три шага. Варгонт вцепился в ближайшее древко и с силой дёрнул его на себя. Воин, как птица, подлетел в воздух и с грохотом упал на землю. Варгонт распластался рядом. Он сделал это вовремя, потому что парфяне, опомнившись, двинулись вперёд и их копыя ударили в ограждение прямо у него над головой. Прижав древко к груди, Варгонт вскочил и рванулся вперёд. Ближайшая лошадь вздрогнула от страшного удара и, вскрикнув от боли, с диким ржанием завалилась набок. Вместе с ней упал и всадник. Остальные смешались и вздыбились, повернувшись к римлянину кто боком, кто спиной. Второй лошади достался страшный удар в живот, а третьей –

снова по ногам. Их всадники тоже оказались на земле. Те, кто остался верхом, отъехали назад, чтобы развернуться и с разгона пронзить дерзкого римлянина копьями.

– Хватай! Помоги мне! – крикнул Варгонт лежащему ничком товарищу. Тот поднялся и взял в руки древко. Они не видели, что Сурена уже дал знак лучникам. Они успели сделать несколько шагов вперёд, когда чёрные стрелы, эти страшные парфянские стрелы, как острые хвосты скорпионов, звонко сорвались с тетивы луков и полетели в их сторону. Несколько жалищих наконечников сразу же попали Варгонту в руку и ногу, и он упал прямо на лапы убитого им тигра. Второй пленный замер на месте, пронзённый стрелами в горло, грудь, сердце и живот. Он выронил копье, закачался на слабеющих ногах и упал на колени. Второй выстрел превратил его тело в утыканное стрелами месиво. Он завалился на бок и замер. И только чистое, безоблачное небо с повисшим в середине ярким солнцем смотрело в его потухшие глаза. На площади лежали два римских воина, и парфянские зрители радостно выражали свой восторг.

– Не-ет! – заорал Лаций и ткнулся лбом в бревно. «Варгонт, Варгонт...», – шептал он про себя и плакал, чувствуя, как сердце сжимается от боли. Не так мечтали они закончить этот поход, бесславно умерев в чужой стране ради забавы врага, не так думали отдать свои жизни! Всё, чего они хотели добиться, не сбылось. Старый друг лежал на земле, и кровь медленно расплывалась вокруг его тела, образуя чёрную лужу. И ни золота, ни драгоценных камней, ни оружия – ничего не было вокруг, только кровь. И вместе с ней расплзались по щекам Лация грязные разводы слёз, разъедая сердце ядом утраты.

Глава Сражение Лация

– Афрат, ты опоздал! Так можно дожидаться, когда эти пленники придут сюда сами и сядут вместо тебя за стол. А ты пойдёшь на площадь и будешь их веселить, как раб, – сузив глаза, произнёс Сурена и махнул рукой в сторону оставшихся пяти всадников.

– Прости, великий визирь. Я не знал, – пробормотал Афрат, чувствуя, что над его головой сгущаются тучи.

– Что ты не знал? – с издёвкой спросил тот. – Что римляне умеют сражаться? Как это ты ещё умудрился их победить, если один безоружный римлянин может разогнать десять твоих всадников?

– Велик твой разум, непобедимый Сурена, – осторожно вмешался Абгар. Ему не хотелось видеть гнев визиря. – Благодаря твоей мудрости мы объединились и смогли победить такого сильного врага.

– Абгар, ты, как всегда, умеешь хорошо сказать, – Сурена покрутил в воздухе пальцами и хотел что-то добавить, но не нашёл нужное слово. Однако кислая улыбка на его лице говорила, что он не забыл о воинах Афрата. Помолчав, он снова повернулся к нему: – Афрат, я хотел продать этого римлянина за большие деньги. Он был очень сильным и храбрым. Если бы не лучники Силлака, ты бы сейчас лишился десяти своих воинов, – теперь он повернулся к предводителю катафрактариев всем телом, и тот побледнел.

– Да, мой визирь, – пробормотал Афрат.

– Сколько стоят твои всадники? – глядя ему прямо в глаза, спросил Сурена.

– Э-э... Я не знаю, – промямлил тот в замешательстве.

– Ты мог бы потерять десять человек вместе с лошадьми. А я их спас. Так скажи, сколько ты готов заплатить за жизнь своих воинов?

– Сколько ты скажешь, – наконец сообразил, как выкрутиться, Афрат.

– Э-эх, Афрат, Афрат, – сокрушённо покачал головой Сурена. – Надо было поменять этого римлянина на десять твоих всадников и выпустить его первым на поле боя. Больше было бы пользы. Два таланта серебра. Пусть принесут завтра. Каждый! – он опустил голову на грудь и исподлобья посмотрел на Афрата. Ни один раб не стоил таких денег, но перечить Сурене было нельзя. Афрат открыл рот, собираясь что-то сказать, но поперхнулся и опустил взгляд. – Смотри, два таланта серебра. Иначе завтра их самих продадут на базарной площади, а деньги отдадут мне. И тебя вместе с ними. Ты понял?

– Да, визирь, – потея, прошептал Афрат, ещё не веря, что беда минула его самого. Как воины будут искать деньги, его не волновало. В крайнем случае, их можно было и продать. Самих. Вместе с лошадьми. Лишь бы Сурена остался доволен.

– Дальше! – махнул рукой визирь. – Давай дальше, Согадай! – зрители тоже обрадовано загудели, предвкушая продолжение.

– Ты хотел увидеть римлян в бою, господин, – напомнил ему один из придворных.

– Ах, да. Римляне любят смотреть, как рабы убивают друг друга на потеху зрителям. Почему бы нам не посмотреть на них? – он обвёл взглядом старейшин, и те с радостью закивали седыми головами. – Согадай, выводил! – махнул рукой Сурена.

Двадцать римлян вытолкали в центр площади и поставили друг напротив друга. Затем раздали короткие мечи.

– Сражайтесь! – крикнул Согадай. Пленные не шевелились, понуро опустив головы. Сурена опять нахмурился. Тогда начальник охраны выхватил меч и убил одного из них прямо на месте. – Иди! Давай! – кричал он, тыча остриём в спины остальным. Несчастные старались увернуться, но ему удалось достать почти половину, и у них по спинам потекла кровь. Видя, что его усилия тщетны, Согадай убил второго римлянина. Стоявшие позади него страж-

ники взялись за мечи, предчувствуя, что сейчас может понадобиться их помощь. Но в этот момент пленные стали стучать мечами, изображая подобие боя, поэтому начальник стражи на время остановился. Посмотрев в сторону Сурены, он увидел на его лице недовольную гримасу и сразу же принял решение. – Убить. Всех! – коротко приказал он, и через несколько мгновений на земле лежали ещё восемнадцать трупов.

– Давай других, – махнул рукой Сурена. Согадай с готовностью кивнул и широкими шагами направился к ограде.

– Ну что, есть ещё храбрые герои?! – прорычал он.

– А сам не хочешь попробовать? – послышался чей-то голос. Согадай дёрнулся, как от удара плетью, и застыл от удивления. Через мгновение до него дошёл смысл сказанных слов.

– Что-о-о?! – проревел он, как голодный медведь.

– Давай вдвоём поиграем! Один на один, – предложил всё тот же голос. Расталкивая рукояткой меча оборванные фигуры пленных, Согадай рванулся вперёд.

– Ты где? – хрипел он от злости. Стражники не поспевали за ним.

– Тут я, тут. А ты где? – была последняя фраза странного смельчака, когда вдруг римляне расступились, и перед начальником охраны появился черноволосый, смуглый пленник с жёстким взглядом и пренебрежительной улыбкой на лице. Это был Икадион. Он держал под руку другого римлянина, намного моложе него. Тот с трудом стоял на ногах из-за раны под коленом. Согадай злорадно усмехнулся.

– Ты – герой? – спросил он, приблизившись к самому лицу Икадиона.

– Нет. Я – не герой. Это ты – трус, – не переставая улыбаться, ответил тот.

– Ах, так... – с трудом сдерживаясь, чтобы не убить его на месте, прохрипел Согадай. – Ну ладно. Мы сразимся, – он посмотрел на смельчака, потом – на второго пленного и злорадная улыбка перекосила его лицо. – Но не с тобой. А с ним, – он ткнул кулаком в грудь раненого и добавил: – А ты посмотришь. Ведите его! – приказал он стражникам.

Улыбка на лице Икадиона превратилась в гримасу ненависти и неприкрытого отвращения. Он чувствовал, что следующее слово может оказаться в его жизни последним. Но молчать не было сил. Когда его товарищ оказался на арене, Икадион крикнул:

– Только трусы сражаются со слабыми!

Его голос донёсся до Сурены. Визирь с наигранной искренностью произнёс:

– Как я люблю правду! Эй, римляне, – крикнул он, – может, поэтому Красс не стал с нами сражаться. Да? – все придворные вокруг рассмеялись. – Если вы такие сильные, докажите это, – и он кивком головы показал Согадаю, что тот может продолжать.

– Держи! – сказал тот и протянул раненому меч. Но несчастный был настолько слаб, что не мог его даже держать. Он так и стоял, с опущенной рукой, наклонившись плечом в сторону непосильной ноши.

Начальник охраны отошёл на шаг и вытащил свой клинок.

– Убей себя! – раздался из-за ограды голос Лация, но пленный даже не пошевелился. Согадай услышал этот совет и его ноздри хищно раздулись от гнева. Он размахнулся и обрушил всю силу своего удара на голову римлянина. Меч разрубил того почти пополам и застрял в районе груди. Ругаясь, Согадай с трудом достал его и повернулся к ограждению.

– Смотри, Афрат, как он разошёлся. Может, и тебе порезвиться хочется? – усмехнулся Сурена. – Не стесняйся!

– Как скажешь, о, великий визирь, – покорно ответил тот.

– Ну ладно, ладно, посмотрим ещё, – вздохнул Сурена и повернулся к арене. Там начальник стражи выбирал себе следующую жертву. Он зашёл за ограждение и дико вращал глазами. – Ты где, смелый?! – крикнул он, не находя Икадиона.

– А с хромыми ты дерёшься? – неожиданно услышал он. Справа от него стоял сутулый, измождённый римлянин с редкой грязной бородой и прищуренным взглядом. Нога у него была неестественно согнута.

– Нет, не дерусь! – зло ответил Согадай и расхохотался. – Я просто отрубая им ноги! – рявкнул он и ударил мечом по второй ноге несчастного. Тот упал, забрызгав кровью всех, кто был рядом. Она струей хлестала из обрубка, и пленные в ужасе застыли, глядя на этот чёрный фонтан. Через некоторое время она почти перестала литься, слабыми толчками сочась из рубленой раны, и тело неподвижно застыло в огромной луже крови. – Ну что? Есть ещё смелые? – заорал парфянин и схватил ближайшего пленного за плечо. – Может, ты? Или ты? – он повернулся к другому. Все стояли, опустив головы с одинаковым выражением напряжения и безысходности. Умирать никто не хотел. Вдруг Согадай остановился. Перед ним стоял явно не простой воин. Широкая грудь, сильные, рельефные мышцы рук и груди, крепкие ноги – всё это выдавало в нём, по меньшей мере, сильного противника. И он не выглядел таким измождённым, как остальные. Но Согадай остановился не из-за этого. Его внимание привлёк взгляд. В нём было странное, неестественное спокойствие. Римлянин смотрел на него без страха, насмешки, ненависти или злости. Как будто случайно оказался здесь, среди людей, обречённых на смерть и рабство. Согадай повернул голову вправо, потом – влево. Шея хрустнула и приятно занула. Интуиция подсказывала, что смерть этого воина будет непохожа на всё, что происходило до этого, и Сурена будет рад. Он прищурил взгляд и подошёл ближе.

– Ты кто? – спросил он. Ответа не последовало. Только ровный, спокойный взгляд. Согадай почувствовал, что начинает терять терпение. – Кто это?! – рявкнул он, повернув голову к стоявшему рядом пленнику. Невысокий рыжий римлянин задрожал всем телом и нервно задёргал головой, предчувствуя подлость с его стороны. Парфянин поднял меч и приставил к горлу несчастного. – Скажи мне, кто это! – прорычал он. – Твой друг? Твой брат? Как его зовут? – пленный выкатил глаза, но было видно, что остриё слишком глубоко вошло во впадину под горлом – он не мог даже вдохнуть. Из маленькой ранки тонкой струйкой потекла кровь. Но Согадай этого не видел. Он уже принял решение – просто ткнуть мечом в горло, и всё! Лезвие плавно прошло сквозь шею рыжего римлянина, но тот почему-то стоял и не падал. Плечо дёрнулось, мышцы напряглись, но рука осталась на месте. Вот почему тот был до сих пор жив! Согадай моргнул, нахмурил брови, потом ещё раз ткнул вперёд, но острие меча по-прежнему оставалось на месте, упираясь пленному в горло чуть выше ключиц. Тонка шея и рыжая голова были на месте, а бледные, посиневшие губы дрожали от страха, но не от предсмертной агонии. Согадай смотрел и не понимал – во что же упирается меч? Почему этот несчастный ещё жив?

Он был настолько удивлён, что не сразу понял, что произошло. Через несколько мгновений в его глазах вместо тупого безумия и жажды крови появилась капля сознания. Благодаря этому начальник охраны, наконец, увидел, что его кисть сжимает чья-то рука. Глаза Согадая округлились, лицо вытянулось, и ноздри хищно раздулись в стороны. Этого не могло быть! Он ещё раз по инерции ткнул мечом в горло рыжему пленному, но тот не упал. Произошло совсем другое – его пальцы разжались, и меч упал на землю. Начальник стражи повернул голову и упёрся взглядом в те самые невозмутимые глаза. Того, чьё имя он пытался узнать. Он готов был кинуться на него и разорвать на части, а потом съесть печень, но захлестнувшая разум волна ярости не дала это сделать – она перехватила горло, и Согадай стоял, хватая ртом воздух, не в силах произнести ни слова. Это спасло смельчака от немедленной смерти. Но ненадолго.

– Ты... Ты! – наконец, прошипел он, с трудом шевеля пересохшими губами. Ему казалось, что прошла вечность с того момента, как он зашёл за ограждение. На самом деле Сурена и его приближённые ещё даже не успели заметить, что там происходит что-то неладное.

– Меня зовут Лаций Корнелий Сципион Фиделий, – громко произнёс римлянин.

– Я зарублю тебя на куски и скормлю шакалам, Лаций! – прохрипел парфянин и кивнул своим воинам: – Взять его! На середину. Сейчас я нарежу из него ремни для своих верблюдов.

Сурена с удовольствием наблюдал за волнением у ограды. Шум – это всегда хорошо. Сначала появился Согадай, злой и красный, весь вне себя от ярости. За ним вытолкали вперёд какого-то пленника, который шёл слишком медленно и был вызывающе спокоен. Сурена посмотрелся, и кривая улыбка исказила его лицо.

– Афрат, почему нас сегодня веселят только мои рабы? Как же так? Ты разве помнишь этого раба? – не поворачивая головы, спросил он.

– Прости, не помню, – отчаянно напрягая память, пробормотал начальник железных всадников.

– А ты, Абгар?

– Помню, о, победитель римлян, – едва заметно кивнул араб. – Благодаря твоей милости, он остался жив. Этот человек приказал своим воинам прикрываться от стрел двумя щитами. И он забрал у железных всадников два орла и знамя. Это – легат Лаций, – царь Осроены ещё раз поклонился и краем глаза увидел лицо Афрата. Глаза у того вдруг стали огромными, лицо побледнело, и губы застыли в полуоткрытом вздохе. Абгар поджал губы. Он осторожно поднял взгляд на Сурену, но тот смотрел не на него, а на площадь.

– Жаль! – визирь покачал головой. – Жаль, что снова погибнет мой раб. Эй, Согадай! – крикнул он громко. – Что ты собираешься с ним делать? Это – мой раб, – Сурена хитро улыбался, но никто не знал, что могла значить эта улыбка. Начальник стражи, услышав его голос, вздрогнул, как будто споткнулся, но всё же остановился. Затем опустил уже занесённый меч и повернулся к Сурене. На его лице застыла кислая гримаса смирения и подобострастия, но в глазах бушевала ярость.

– Я хочу его убить, – с трудом сдерживая рвущийся из груди крик, прорычал он.

– Хорошо. Заплати мне, и убивай! – Сурена по-прежнему улыбался, но в его голосе прозвучала сталь.

– Прости, господин, – поклонился начальник стражи. – Он схватил меня за руку, и я... Я хотел отрубить её.

– А почему бы и нет? – вдруг поднял вверх брови Сурена. Выслушав его приказ, Согадай с недовольным видом засунул меч в ножны и с хмурым лицом отошёл к ограде. На площадь вышли два высоких, сильных воина.

Никто не видел, как в этот момент в одном из домов на дворцовой площади старая служанка схватилась за сердце и осела на пол. А её молодая хозяйка вцепилась обеими руками в штору и, не дыша, наблюдала за происходящим. Старая Хантра была рада гибели первого римлянина, но когда на площади оказался второй, она поклялась отомстить Кхабжу, который обманул её и взял за это так много денег. О том, что племянница могла догадаться о её поступке, она даже не подумала. Внизу в это время, продолжали развиваться ужасные события.

– Римлянин, – произнёс один из вельмож в халате громким голосом. – Великий Сурена, победитель Красса, предоставляет тебе большую честь, – придворный уже успел выслушать пожелания визиря и вышел за ограду. – С каким оружием в руках ты предпочитаешь умереть? Выбирай! – парфянин указал рукой на мечи, ножи, кинжалы и сабли, которые вынесли за ним стражники.

Лаций посмотрел на парфян. Было жарко. И хотя не так жарко, как в пустыне, но всё равно тяжело. Руки потели даже от того, что он просто стоял на месте. Пот стекал по лбу и щекам, но он не обращал на это внимания. Сейчас ему предложили выбрать оружие. Убив столько безоружных римлян, они хотели увидеть смерть пленного с оружием? Странные люди... Варвары... Лаций прищурился, и лучи солнца заиграли тонкой паутинкой в уголках его глаз. Он вспомнил слова гадалки Маркилии: «Делай то, что ты хорошо умеешь, и тебе не будет равного. Не прощай смерти ближних. Иди вперёд и побеждай». Эти мысли наполнили его сердце отвагой, потому что он умел хорошо сражаться. Тем более с оружием. Блестящие

на солнце клинки завладели всем его существом, и Лаций больше ни о чём не думал, превратившись в воина.

Со стороны ничего не предвещало подвоха. Парфяне хотели поиграть в римлян. Им не хватало гладиаторских боёв. Ну что ж, пусть так и будет. Он подошёл к двум оруженосцам. Сначала осмотрел мечи, потрогал их рукоятки, согнул пополам. Один не выдержал и лопнул у самого основания. Он сразу откинул лезвие в сторону. Затем дошла очередь до кинжалов и коротких мечей. На щиты он даже не посмотрел. Прошло много времени, но никто его не торопил. Все молча ждали, когда обречённый на смерть сделает свой выбор. Наконец Лаций повернулся, и римляне удивлённо зашептались, обсуждая его выбор, а парфяне стали откровенно смеяться.

– Два коротких меча? – слышалось откуда-то сбоку. – Может, ты хочешь сразу убить себя? Или сначала отрубишь себе руки и ноги? – донеслось с другой стороны, а дальше – грубый смех и улюлюканье.

– Лаций погиб, – шептали римляне. Надо было брать длинный и короткий меч. И щит – тоже.

Только Икадион и Атилла стояли молча. Никто не видел выражение их лиц, потому что все смотрели на площадь. Но они прекрасно знали, что Лаций никогда не ошибается в выборе оружия. Икадион с одобрением покачал головой и пробормотал:

– Ещё бы кинжал... – он хмыкнул, криво усмехнулся и добавил: – Ну ладно. Теперь посмотрим. Я буду следующим.

– Жаль, если убьют, как Варгонта, – прошептал Атилла и закусил нижнюю губу. Павел Домициан, поняв, что произошло, обречённо прошептал:

– Прости, я так и не спел гимн в твою честь...

Глава Один на один со смертью

– Наверное, этот раб сошёл с ума. Он даже не взял щит, – произнёс Афрат, презрительно хмыкнув в густую бороду. Он хотел высмеять римлянина перед Суреной и польстить ему, но визирь явно не разделял его настроения.

– Не думаю, – прищурился Сурена. – Предыдущий был с одной палкой. Забыл? – процедил он сквозь зубы, и начальник катафрактариев, глубоко вздохнув, втянул голову в плечи.

– Не спеши, Согадай, – раздался голос Абгара, и Сурена с удивлением посмотрел в его сторону. Араб покачал головой и согнулся в поклоне. – Прости, о, великий визирь, что прервал тебя, но это – не простой воин.

– Говори, – кивнул Сурена.

– Я убью его голыми руками! – выкрикнул начальник стражи.

– Согадай, ты – сильный воин! – неожиданно громко произнёс Абгар, как будто вокруг никого не было. – Но этот враг коварный. Я его знаю. Пусти впереди себя одного своего воина. Посмотри, как он дерётся. А потом решай сам.

– Не учи меня, что делать! Я убил много римлян. И этого убью! – никак не мог успокоиться тот.

– Согадай! – грозно произнёс Сурена. – Для меня ты стоишь дороже этого раба, – он сурово свёл брови и замолчал. Этих слов было достаточно, чтобы начальник стражи осёкся и снова засунул меч в ножны. Он что-то крикнул одному из воинов, и тот, не предупреждая, сразу же кинул копьё. Оно ещё летело, а парфянин уже вытащил меч и ринулся в сторону Лация с громким криком ярости.

Когда разозлённый начальник стражи о чём-то говорил с предателем Абгаром, а потом – с Суреной, Лаций стоял к ним лицом и видел, что тот остановился не по своей воле. По движениям и интонации было ясно, что нападать будет кто-то другой. Потом последовала короткая команда, и из-за ограды вышли два воина. Один двигался слишком быстро и явно собирался напасть. До него было шагов пятнадцать. В тот момент, когда копьё оторвалось от его руки, Лаций уже видел, что оно летит мимо, и поэтому даже не пошевелился. Оно было пущено очень сильно, напряжённой рукой, и поэтому неточно. Копьё пролетело на расстоянии двух локтей от его плеча. За это время Лаций успел повернуться лицом к нападавшему, наклонил голову и слегка согнул колени. Он повидал немало таких безрассудных храбрецов, поэтому стоял и ждал. Неопытные воины всегда стремились уничтожить врага с первого удара либо длинным выпадом вперёд, либо несколькими размашистыми ударами, надеясь на свою силу и скорость. Этот бежал не очень быстро, но всё же как-то странно держал меч перед собой, поэтому Лацию показалось, что он сделает выпад вперёд. Но что-то в осторожном движении противника заставило его подождать. Потому что тот мог бежать и быстрее. Но почему-то не торопился. А значит, что-то задумал...

Нападавший действительно оказался хитрым: держа меч впереди, он, приблизился к Лацию, быстро перехватил оружие двумя руками и занёс над плечом. На последнем шаге он сделал широкий круговой удар, который должен был снести Лацию голову и от которого тот не увернулся бы, даже отступив назад. Однако меч разрезал пустоту, просвистев над пыльным облаком, в которое превратился стоявший перед ним римлянин, и парфянин чуть не упал, потеряв равновесие. Лаций в момент удара просто присел и сделал шаг в сторону. Когда он выпрямился, враг уже перестал шататься и крепко стоял на ногах. Его лицо было перекошено от злобы и желания убить римлянина любой ценой. Теперь их разделяло не более трёх шагов.

– Подожди, – сказал Лаций и опустил один меч. Второй он протянул в сторону Сурены и окружавших его придворных. Это было так неожиданно, что противник, услышав его спо-

койный голос, остановился и повернул голову в ту сторону, куда указывал пленный. – Посмотри туда! – Лаций ткнул клинком в сторону визира ещё раз. Он произнёс эти непонятные для врага слова с таким спокойствием, как будто говорил о чём-то простом и обычном. Всем своим видом он показывал, что не собирается драться, и не вызывал опасений. Парфянину эта поза говорила, что пленный хочет обратиться к его господину. Он перевёл взгляд в сторону Сурены и не увидел ничего нового, кроме напряжённых лиц придворных. Лаций только этого и ждал. Заметив поворот головы противника, он присел и сделал длинный глубокий выпад в его сторону. Лезвие меча блеснуло на солнце и без усилий вошло парфянину в пах. Тот вскрикнул от неожиданно пронзившей его боли и, выронив оружие, согнулся пополам. На землю потекла тонкая струйка крови. Огромный, сильный воин упал на колени и замер, опустив голову на грудь. Его длинный красивый меч лежал у Лация под ногами. Он наступил на него, но перед ним сразу же появился второй противник. Парфянин занёс над головой копьё и уже отвёл кисть назад... Не думая, Лаций бросил свой короткий меч ему навстречу, острием вперёд. Хотя бросок был не очень сильным, оружие попало нападавшему в плечо. Он громко охнул и выронил копьё. А длинный парфянский меч первого воина оказался теперь у Лация. Он ждал. Неподвижно и спокойно. Враг, как затравленный зверь, неожиданно превратившийся из охотника в добычу, оглянулся по сторонам, но везде были одни и те же лица, ждавшие от него только победы. Они не хотели принимать его поражение. Парфянин достал меч, взял его в левую руку и сделал шаг в сторону странного пленника. Лаций неодобрительно покачал головой и показал ему два меча. На лице раненого отразился ужас. Он вдруг понял, что не сможет ничего сделать. Однако зрители и боевые товарищи кричали всё громче и громче, требуя кровавой расправы.

– Зарежь этого шакала, Сторх!

– Это же римлянин! Что ты медлишь? Давай, вперёд!

– Отрежь ему уши! Убей его, Сторх!

– Нам нечем кормить тигров! Давай, порви его на куски!

Но Сторх колебался. Наконец, он собрался с силами и рванулся вперёд. Парфяне с радостью взвизгнули, потому что его меч почти полностью прошёл сквозь живот ненавистного римлянина. Один только Абгар сжал губы и опустил голову вниз. Сурена заметил это движение и вздохнул. Старый кочевник действительно был мудрым. Тысячеголосое эхо радостных криков ещё гуляло по площади, когда стоявшие рядом с оградой заметили, что их воин почему-то упал, а римлянин продолжает стоять. И между ними лежит отрубленная рука с зажатым в ней мечом. Все замолчали – и римляне, и парфяне. На несколько мгновений над площадью воцарилась полная тишина.

Глава Нелёгкий бой с начальником стражи

– Римский шакал! – Согадай закусил нижнюю губу и выхватил меч.

– Не спеши, прошу тебя! – раздался опять голос Абгара, но начальник стражи уже не слышал его. Он рванулся вперёд и через несколько полушагов—полупрыжков оказался возле Лация. Тому ничего не оставалось, как отступить, стараясь не попасть под мощные, рубящие удары разъярённого парфянина. Своим длинным тяжёлым мечом тот старался настичь его и разрубить на части, или хотя бы отрубить руку или ногу, но всё время промахивался. Лаций не хотел терять силы и отходил, не подставляя под удар свой меч. Он был предельно внимателен. Два раза ему всё же пришлось защищаться, чтобы избежать ранения. Согадая, рубившего воздух, это выводило из себя, и он кидался вперёд с ещё большим остервенением, однако Лаций знал, что силы противника должны были когда-то кончиться. И он терпеливо ждал этого момента, отходя то влево, то вправо. Начальник конной стражи оказался сильным и выносливым воином. Он держал меч двумя руками и бил наотмашь. Такой удар с двух рук мог разрубить стоявшего человека пополам, но в движении длинный меч был бесполезен. Наконец, он устал и остановился, чтобы перевести дыхание. Однако приближаться к нему не стоило, парфянин ещё был опасен. Лаций сделал небольшой шаг назад и начал медленно обходить его по кругу. Согадай вынужден был поворачиваться вслед за ним. Тяжело дыша, он сжимал меч двумя руками и держал его вытянутым вперёд, как будто хотел, чтобы тот мог полететь, как стрела, и поразить римлянина на месте. Обойдя целый круг, Лаций увидел, что противник пришёл в себя и был готов к нападению. Пора было подыграть ему. Он опустил сначала один меч, затем – другой и сделал полшага навстречу, как бы выманивая его на себя. Согадай среагировал мгновенно. Он рванулся вперёд, но перед тем, как нанести удар, всё же чуть сбавил скорость. Лаций усмехнулся. Заметив эту улыбку, парфянин потерял самообладание, и его меч снова замелькал в воздухе с бешеной скоростью. Однако на этот раз он устал гораздо быстрее.

– Иди сюда! Куда ты убегаешь? – попытался крикнуть он пересохшими губами, но вместо этого из его горла раздался только хрип. Лаций приблизился на расстояние двух шагов и несколько раз с силой ударил по мечу. Парфянин впервые почувствовал недостаток своего оружия, – оно было тяжёлым и слишком длинным, – поэтому его руки отлетали в сторону вслед за мечом после каждого удара. Римлянин почему-то сохранил силы и не выглядел уставшим. В какой-то момент Согадай даже понял, что по силе тот не уступал ему. Это его взбесило. Поэтому, когда пленный в очередной раз замахнулся, он отвёл меч назад, чтобы потом быстрым ответным ударом проткнуть ему живот. Но Лаций ждал этого момента. Он долго его готовил. Любой воин на месте Согадая рано или поздно убрал бы меч в сторону, устав отражать сильные удары сверху и сбоку. Поэтому, когда Лаций сделал вид, что заносит меч над головой, парфянин попался на эту уловку и отдернул руку назад. Но Лаций изменил направление удара – лезвие лишь блеснуло возле головы Согадая, но не задело его, а очертило ровный полукруг вниз, к колену. Лацию пришлось присесть, чтобы закончить движение у противника над лодыжкой. Но парфянин сам ему помог – он рванулся вперёд с вытянутым в руке мечом и не почувствовал удара. Для него этот шаг почему-то оказался слишком длинным. В какой-то момент Согадаю даже показалось, что он никогда не закончится – настолько долго длилось это его движение вперёд.

Пыльная, утоптанная тысячами ног земля городской площади неумолимо приближалась к лицу, а нога, его левая нога, никак не могла найти опору, чтобы остановить это падение. Стопы уже не было, поэтому он не мог поставить ногу на землю. Римлянин отрубил её одним хлестким боковым ударом, и теперь она, как сучок обёрнутого в кожу дерева, лежала позади неподвижно распластавшегося тела хозяина. Из обрубка толчками выливалась яркая кровь.

Недолгое молчание среди парфян сменилось яростными криками. В сторону Лация полетело несколько стрел. Но шум сразу прекратился, когда руку поднял Сурена. В это время в толпе пленных римлян произошло небольшое оживление. Один из них подбежал к стражникам и стал что-то объяснять. Но те только косились на него и не отвечали. Римлянин обошёл всех парфян вдоль забора, но так и не добился никакого результата. Никто при этом не обратил внимания, что он говорил с ними на парфянском языке. Все смотрели на визиря.

– Я купил себе хорошего воина, не так ли, Абгар? – с какой-то зловещей интонацией и даже злорадством произнёс он и повернулся к арабу. Тот почувствовал, как по спине пробежал опасный холод зимней пустыни, а в сердце закралась тоска неприятного предчувствия. Сурена покачал головой: – И теперь он начинает стоять всё дороже и дороже.

– Ты никогда не совершаешь ошибок, великий победитель римлян, – стараясь сдержать волнение, ответил араб. – Тебе всегда принадлежит лучшее.

– Ты хитёр, Абгар, но ты меня никогда не предавал. Ты всегда был со мной в трудные моменты. Помоги мне и сейчас. Этот римлянин не хочет умирать. Теперь он стал стоять слишком дорого, чтобы продавать его, как раба, за деньги. Доставь мне удовольствие, чтобы забыть печаль потерянного золота. Я знаю, что у тебя есть сильные и храбрые воины. Пусть они покажут, как умеют ловить скорпионов в пустыне, – улыбка на лице Сурены превратилась в растянутую маску. В таком настроении спорить с ним было опасно, но Абгар решил попробовать.

– Мы родились в пустыне, о, великий Сурена, и мы воюем немного по-другому, – осторожно произнёс он, склонив голову в низком поклоне.

– Как это по-другому? – хмыкнул визирь. – Какая разница, как ты воюешь? Пусть твои люди покажут, на что они способны. Давай!

– Конечно, о, великий победитель римлян, – согнулся ещё ниже Абгар. Он тихим голосом подозвал одного из воинов и стал что-то быстро говорить на своём наречии.

Тем временем, Лация окружили десять стражников. В руках у них были копья, которые они направили ему в грудь и голову. Это был ещё не конец. Пот лился по лицу ручьями и не только по лицу, но и по голове, рукам и спине. Солнце нещадно палило в затылок, и в глубине души Лаций понимал, что долго ему не продержаться. А в голове в это время звучал голос гадалки: «... делай только то, что умеешь. Делай то, что никто лучше тебя не сделает. Не спеши умирать и никогда не сдавайся».

Глава Один против двоих

В дальнем конце площади Сурена о чём-то разговаривал со своими слугами. Справа медленно покрывалась пылью большая лужа крови, рядом с ней лежали тела. Слева – что-то кричали римляне. И вдруг над всем этим раздался громкий, как труба, голос Павла Домициана:

– Умри, как настоящий римлянин, друг наш! Я спою тебе гимн Марса!

Лаций повернул голову в его сторону и громко ответил:

– Не надо гимнов! Я не собираюсь умирать! – слепой певец, который уже набрал в лёгкие воздух и готов был запеть, поперхнулся, услышав такие слова, и закашлялся. Римляне в тревоге замолчали, увидев, что парфяне тоже поняли смысл его слов. Они сразу взбесились и стали что-то кричать, тыча в его сторону копьями и стараясь вывести из себя.

– Нас всех убьют. Прямо здесь, – прошептал кто-то из пленных. Но его никто не услышал. Потому что на площади в этот момент показались два всадника в тёмных шерстяных накидках, с тонкими мечами. У них были тёмные, как спелые финики, лица. Это были воины Абгара. Парфяне с копьями отступили к ограде, а арабы медленно направились к центру. Лаций не стал дожидаться последнего момента и побежал им навстречу. До ближней лошади оставалось три-четыре шага, когда он резко повернул в сторону и забежал сбоку. Кочевник, ожидавший его спереди, вдруг увидел заросшее лицо в другом месте. Но для Лация важно было другое – теперь перед ним находилась всего одна лошадь, а не две. Они сами мешали друг другу. Он старался не дать им напасть на него вдвоём и резкими перебежками отходил к ограде так, чтобы кочевники загоразживали себе путь. Один из них вскоре не выдержал и, дико взвизгнув, погнался жеребца вперёд. Животное заржало и понеслось прямо на Лация. Он успел отскочить в сторону, но не удержался и упал на землю. Сверху просвистел кривой меч, чудом не достав до головы. Судя по резкой, жгучей боли, лезвие царапнуло спину. Лаций поморщился. Враги с радостью заверещали на своём гортанном языке и, развернувшись, кинулись на него вместе. Но им помешала ограда. Они уткнулись в неё головами лошадей, не причинив ему никакого вреда. Им пришлось развернуться, чтобы проехать мимо него боком. Это было для арабов неудобно. Лаций, в свою очередь, сделал несколько выпадов, чтобы достать до ног лошадей, но кочевники были опытными и успевали отвернуть в сторону. Наконец, один из них отвлек его внимание, а второй бросил верёвку, которая жёсткой волосяной петлёй стянула горло. Лаций успел просунуть под неё руку, но сильный рывок повалил его на землю и он чуть не потерял сознание. Горло стянуло железным кольцом, и в груди образовалась пустота. Но глаза ещё видели, что происходит вокруг. Из последних сил он попытался ударить по верёвке, но кочевник умело ослабил её, и короткий меч не смог перерубить волосяные сплетения, соскользнув по ним, как по воде. Лаций рванул аркан на себя один раз, другой, третий... Это позволило ему просунуть пальцы глубже и ослабить петлю. Теперь он смог сделать несколько коротких вдохов, хотя лошадь всё ещё продолжала тащить его по земле. Вдруг она остановилась. Лаций схватился за верёвку второй рукой и подтянул её к себе. Давление на горло сразу же ослабло, и в лёгкие ворвался воздух. У-у-у-х-х – засвистело в горле. Кочевник увидел это и раздражённо закричал. Он стал дёргать за верёвку, пытаясь сбить его руку и затянуть петлю потуже. Но было уже поздно: Лаций сдвинул её на подбородок. Цветные круги исчезли, хотя белый туман остался. Он чувствовал только одно – вдох, выдох и гул в голове.

– Лаций, сзади!!! – донёсся до него вдруг отчаянный крик Икадиона. На либертуса сразу же набросились стражники и сбили с ног. И хотя Лаций этого не видел, он всё-таки услышал голос друга. Враг был где-то совсем рядом, хотя он его и не видел. Верёвка больно давила на зубы, уши и затылок. Мечей не было. Он вдохнул полной грудью и ощутил резкий прилив сил. Руки крепко вцепились в верёвку и рванули её на себя. Лаций завертелся по земле, стараясь откатиться в сторону. Сбоку донёсся звук падения и короткий крик. Петля сразу ослабла.

А на то место, где он только что лежал, обрушился страшный удар. Это второй кочевник спешился и всадил меч в землю. Если бы Лаций не откатился, то араб попал бы ему в грудь. Но, промахнувшись, он сам не удержался и упал на колени. Лаций увидел это и поспешил встать. Ему казалось, что он делает это слишком медленно, к тому же ему никак не удавалось сорвать с головы эту жёсткую петлю...

Упавший на землю араб уже поднялся и стал снова дёргать аркан, пытаясь помешать ему. Спасти Лация теперь могло только чудо. Он просунул руку под тунику, выхватил нож и ударил по верёвке. Она упала на землю, как мёртвая змея. Кочевник бросил аркан и погнался за лошадью. До второго врага, который хотел убить его на земле, было шагов пять. Лаций медленно пятился, стараясь восстановить дыхание, и следил за тем, как сутулая фигура осторожно приближается к нему, вытянув вперёд меч. Плечи ныли от саднящей боли, но кости были целы. Ему пришлось отступить назад, к ограждению. Заметив это, противник кинулся за ним и едва не задел плечо. Лаций отскочил, ища глазами свои мечи, но в пыли их не было видно. Кочевник занёс свой клинок над головой и со всей силы обрушил его вниз. На этот раз удар пришёлся по брёвнам. Нападавший был всадником, а не пехотинцем, и не умел драться в ближнем бою. Он замахнулся ещё раз, но поднял меч слишком высоко, и это было большой ошибкой. Лаций шагнул ему навстречу, их взгляды встретились, а лица оказались так близко, что почти касались друг друга. Кочевник вздрогнул и замер. Удар он так и не закончил – замах был слишком высокий и слишком долгий. На тёмном, как финик, лице застыла гримаса боли и удивления. Локоть медленно опустил его врагу на плечо. Меч выскользнул из безвольно повисшей руки и звонко упал на твёрдую землю. Он медленно сполз на землю, открыв рот в немом крике и держась за бок: из-под рёбер у него хлестала яркая струя крови. Через несколько мгновений силы покинули воина, и он тихо умер.

Его соплеменник собрал в это время верёвку и решил бросить её ещё раз. Но Лаций уже был готов. Схватив петлю на лету, он намотал её на руку. Всадник потянул аркан на себя, но получил в ответ рывок такой силы, что слетел с лошади, как сбитая палкой оливка. Когда он поднялся, перед ним стояла высокая фигура с мечом его погибшего товарища. Несчастный хотел побежать, но со стороны зрителей раздался резкий окрик. Кочевник вздрогнул и остановился. Лацию показалось, что это был голос Абгара. Несчастный смотрел ему в глаза и не шевелился. В них отражалось палящее солнце. Было видно, что ещё немного, и силы покинут его... Послышался громкий гортанный окрик, и воин медленно поднял упавший меч. Лаций отрицательно покачал головой, но у араба не было выхода. Он сделал шаг вперёд и нанёс удар. Мимо. Лаций просто уклонился в сторону, не сходя с места. Ещё один удар – и снова мимо. Три, четыре, пять ударов – и все в пустоту. Он просто отходил от слабющего противника, не желая убивать его просто так. Арабы были наездниками и не умели воевать на земле. В этот момент из-за ограды раздался пронзительный звук спущенной тетивы, и в спину несчастного кочевника вонзилась длинная стрела. Лаций даже не пошевелился. Он опустил меч и медленно повернул голову в ту сторону, откуда был сделан выстрел. Присмотревшись, он увидел Абгара. Тот стоял с хмурым лицом. В руках у него был лук. Лаций видел, что все вокруг готовы разорвать его на части. Парфяне как будто взбесились: разъярённые лица с широко раскрытыми ртами извергали крики ярости и плевались слюной, руки взлетали вверх, рубили воздух несуществующими мечами, метали в него копья и стрелы... и от этого шума у него заложило уши. Пот тёк по локтям и попадал на рукоятку меча. Пальцы стали скользкими. Надо было посыпать ладони пылью. Но что-то внутри подсказывало, что лучше было не шевелиться. Все ждали. Не хватало только одного слова Сурены. И хотя Лаций тяжело дышал, внутренне он был спокоен. Он спрятал нож под ладонью и прижал его к бедру, затем бросил меч на землю и остался стоять лицом к Абгару. Рядом с тем появилась фигура визиря. Он поднял руку. Сурена хотел что-то сказать, но неожиданно всё изменилось, под навесами забегали слуги, и все парфяне повернули головы в другую сторону. Абгар вздрогнул и, быстро отвернувшись от Лация, скло-

нился в поклоне. Что-то было не так. Лацию ничего не оставалось, как стоять под палящим солнцем и ждать.

Глава Неожиданное спасение

– Стой! Я покупаю его! Какая цена? – раздался громкий весёлый голос. Сурена, который уже готов был отдать приказ лучникам, с удивлением замер. Голос был невероятно знакомым. – Иначе он один победит всю твою армию! – приближённые расступились, и справа появился Пакор, сын сатрапа Орода. Весёлый, с улыбкой на лице, с длинными, вьющимися чёрными волосами, он был полон радости и хорошего настроения. Однако всё это было для Сурены довольно неожиданно. Никто не предупредил его об приезде царевича, поэтому надо было выяснить, что скрывалось за этой жизнерадостностью – искренность или вынужденная необходимость.

Визирь стиснул зубы и сел на свой стул.

– Этот пленный дорого стоит, – произнёс он небрежным голосом, как будто они не расставались с Пакором и сейчас продолжают недавний разговор. Тот подошёл ближе.

– Ну это как сказать, – улыбнулся царевич. – Если учесть, что я спасаю от гибели всё твоё войско, то цена может быть и не очень большой. Нам ведь нельзя терять наших воинов. Ты согласен? – Пакор прищурил глаза, и Сурена задумчиво и внимательно посмотрел на него полным сочувствия взглядом. Но отвечать не стал.

– Как здоровье сатрапа? – спросил он вместо этого.

– Всё в порядке. Благодарит тебя за победу, – так же уклончиво произнёс Пакор.

– Ты давно приехал?

– Только что. Сразу к тебе. Не мог удержаться.

– Я слышал, ты приобрёл новую жену? – в голосе Сурены прозвучала ирония.

– Да, Артаваз сдержал обещание, – кивнул Пакор. На его лице промелькнуло довольное выражение и даже гордость. Он действительно уже вырос. Чёрные кучерявые волосы стали длинными, и борода казалась гуще, чем раньше. Сын Орода превратился в сильного и красивого воина, которому, как любому наследнику престола, теперь тоже захочется славы и золота. Сурена это хорошо понимал.

– Отлично! Надо устроить пир по этому поводу. Мне будет очень приятно увидеть тебя на празднике сегодня вечером во дворце.

– Благодарю тебя, Сурена, – вежливо склонил голову Пакор, и визирю это польстило. – Ну как насчёт этого? – он кивнул в сторону Лация.

– Заплати столько, сколько считаешь нужным, – благосклонно предложил Сурена.

– Полталанта золота, – окинув оценивающим взглядом площадь и римлянина, произнёс Пакор. Сурена от удивления поднял брови вверх. Одни только лошади и оружие убитых воинов стоили в два раза дороже, но он сдержался. Это уже было неважно. Прибытие Пакора было знаком, но он пока не мог понять, каким. Поэтому судьба пленного сразу же стала ему безразлична. Надо было наблюдать за сыном Орода, за его словами и интонацией. Сурена вздохнул.

– Это хорошая плата, – постарался беззаботно ответить он. – Что ещё просил передать сатрапа?

– Хочет видеть тебя в Экбатане. Едет сейчас туда. Ещё приказал привезти гарем, – Пакор хмыкнул. – Наверное, скоро будет свадьба. Вот и всё. Но, – он сделал паузу и подойдя ближе, продолжил тихим голосом: – перед этим он хочет увидеть тебя лично.

– Ему нужен рассказ о победе? – пристально глядя Пакору в глаза, спросил Сурена. Тот отрицательно покачал головой.

– Нет, отец всё прочитал. Хочет обсудить, – так же тихо добавил царевич.

– Понял. Значит, ты тоже всё знаешь? Читал? – этот вопрос можно было и не задавать, потому что уже было ясно, что Ород поделился опасениями Сурены с сыном. Пакор только пожал плечами, как бы говоря: «Ну а как иначе?» и уже громко спросил:

– Ну так как там гарем? Отец ждёт.

– Ну гарем и сам побежит к нему быстрее нас, – в том же духе ответил визирь, и они рассмеялись. Пока всё выглядело нормально. Пакор не предъявлял никаких претензий и не стремился выразить своё новое или старое отношение к его победе. Значит, и у его отца тоже не было поводов для недовольства. Более того, Ород обсудил его письмо с сыном, а это значило, что они тоже озабочены будущим Парфии и отношениями с Арменией. Именно для этого сатрап и хотел встретиться с ним как можно скорее. Это было ясно без слов. Но Пакор только подтвердил его мысли. Значит, следующий день ему придётся провести в седле.

Сурена ненадолго задумался. Судьба римлян больше никого не волновала. Или почти никого. Потому что вряд ли кто-то мог представить себе, что совсем рядом за происходящим наблюдают две женщины, сестра и дочь царя Осроены Абгара.

Сам Абгар при появлении царевича весь сжался и старался не привлекать его внимание. Он чувствовал, что чем больше смотрит на него, тем тяжелее ему становится дышать и темнее кажется будущее. Пакор сел на второй стул рядом с Суреной.

– Пусть римляне убивают себя сами. Ты согласен, визирь? – спросил он, выведя его из задумчивости, и Сурена понял, что Пакор не видел, что произошло до этого.

– Согласен. Но они не хотят. Стоят на месте и не шевелятся, – медленно ответил он.

– Даже если им прикажу я? – самодовольно спросил молодой наследник.

– Попробуй, – Сурена сделал жест рукой в сторону ограды, как бы предлагая Пакору принять участие в развлечении.

– Эй, кто там! Выведите десяток римлян. Пусть они устроят охоту на этого гордеца! – приказал он, и Сурена заметил, как стражники со страхом засуетились у ограды. Значит, они уже стали его бояться. Это было плохим знаком, но он решил пока не волноваться.

– Тебе придётся подгонять их палками, – хмыкнул он.

– Сейчас посмотрим, – Пакор встал и крикнул: – Кто хочет жить, должен первым принести мне голову этого грязного шакала. Теперь это – мой раб. Сделайте это!

Глава Предательство Квинта Лабиена

Пленные потупили глаза и опустили головы. Последний, которого силой пытались оттащить от ограды, услышал эти слова и, бросившись вперёд, вдруг заговорил на парфянском языке:

– Ты – сатрап Ород? – с надеждой в голосе спросил он. Все придворные Сурены опустили головы и спрятали улыбки в усах.

– Я – Пакор, сын сатрапа Орода! – гордо ответил тот. – А ты кто такой и почему говоришь не на своём языке?

– Меня зовут Квинт Лабием, – ответил римлянин. При этом он не боялся и вёл себя хоть и немного возбуждённо, но с достоинством. И только горящий взгляд выдавал его внутреннее волнение. – Я – легат. Я хотел сказать тебе, что этот человек очень и очень опасен. Он принёс парфянам много бед вместе со своим товарищем, Варгонтом. Но того уже убили. А этого надо убить сейчас.

– Вот и убей его, раз так желаешь! – со смехом ответил Пакор. – Что, боишься?

– Я ничего не боюсь. Но если лошадь меньше слона, то она не сможет запрыгнуть ему на спину, – прищурившись, ответил Лабием.

– Какой хитрый! Что ты хочешь сказать? – не понял царевич.

– Он меня просто убьёт, – спокойно произнёс пленный, и эти слова вызвали у парфян дикий хохот.

– А зачем ты нам нужен? У тебя, что, язык из золота? – устав смеяться, спросил Пакор.

– Я могу доказать тебе, что этот человек опасен. Он хотел убить визиря, и ему в этом помогали, – Лабием продолжал смотреть на Пакора внимательным взглядом, но тот после этих слов нахмурился и повернулся к Сурене.

– О чём он говорит? – с недоумением спросил царевич.

– Не знаю, – пожал плечами Сурена и встал. – Ты, который называет себя Лабиемом, если ты сказал правду, я подарю тебе жизнь и свободу, но если ты соврал, я сам выпущу тебе кишки прямо здесь. Говори, что ты знаешь! – он опустил голову и нахмурился. В душе он уже принял решение убить всех римлян прямо здесь, но осторожно ждал решения Пакора – тот мог вмешаться и что-то изменить. Так оно и произошло.

– Этот человек хотел убить тебя. Ему всё время помогала одна женщина из твоего гарема, – начал он, но после этих слов среди парфян поднялся такой шум, что Лабием вынужден был замолчать. В доме напротив Заира стала на колени и почувствовала, как у неё на лбу выступили капли пота. Старая Хантра лежала в углу и ничего не слышала – это спасло её от сердечного приступа и мгновенной смерти.

Сурена был вынужден поднять руку, чтобы заставить парфян замолчать. Пакор с удивлением округлил глаза и с любопытством посмотрел на визиря. Он взял воду у слуги и откинулся на большом полукруглом стуле. События принимали интересный оборот.

– Продолжай! – коротко приказал визирь.

– Каждую ночь им приносили еду.

– Кто? – спросил он.

– Старая гадалка со стоянки гетер.

– Ты её знаешь?

– Я знаю её имя. Её зовут Медея. Она приносила еду и всегда произносила два имени – Лейла и Лаций, Лаций и Лейла. Я сам слышал.

– Но где её найти? Ты врешь, раб.

– Нет, не вру. Я рассказал об этом твоему начальнику стражи Согадаю. Но Лаций уже убил его.

– И что сказал Согадай? – продолжал спрашивать Сурена.

– Он вчера вечером сказал, что схватил эту старую гетеру и привёз сюда. Он хотел привести её к тебе. Она должна быть где-то здесь.

Сурена повернулся к слугам и приказал найти гадалку. Те сразу же засуетились и разбежались в разные стороны. Визирь повернулся к римлянину.

– А зачем тебе всё это надо?

– Я хочу помочь тебе победить римлян в Сирии, – неожиданно ответил Лабиен, и парфяне охнули от удивления.

– Ты? Мне? – лицо Сурены на мгновение прояснилось.

– Да, я, – кивнул Лабиен. – Я прекрасно знаю их порядки и воинские построения. К тому же, если ты убьёшь сейчас этого легата, у тебя останется всего один страшный враг, способный победить тебя и любого другого царя в Азии.

– Это кто? – удивился Сурена.

– Гай Кассий Лонгин, – чётко произнёс Лабиен, и Лаций вздрогнул, услышав имя квестора. Он не понимал, о чём тот говорит, но чувствовал, что от Квинта Лабиена веет злом. Сурена с пониманием покачал головой и нахмурился. Интуиция подсказывала ему, что пленника надо было оставить в живых и позже расспросить обо всём, что знает. Сидящий позади Абгар внимательно следил за странным легатом. Афрат пыхтел, вытирая пот и чувствуя свою ненужность, а царевич Пакор, скривившись, как от кислого лимона, смотрел пронзительным взглядом на Лабиена.

– Лонгин. Да, я слышал это имя, – уклончиво сказал Сурена. При этом он заметил, как изменилось лицо Пакора, и тот стал нервно кусать губы. Видимо, он уже обсуждал эту опасную проблему с отцом и Ород тоже знал о возможной угрозе с этой стороны.

– Говори дальше! – махнул рукой принц и подался вперёд, чтобы лучше слышать.

– Ты услышишь это имя ещё не раз, – пообещал Лабиен с уверенностью. – Но если ты возьмёшь меня с собой, то после первой же битвы сможешь о нём забыть.

– Сначала мы послушаем, что скажет старая гетера, – зловеще ответил ему визирь, увидев, как вдалеке в сопровождении слуг появилась старая гадалка. Он не помнил её лица, но это было неважно. – Ты кто? – спросил он. Старуха упала на колени и стала биться головой о землю. Сурена сделал знак, и её подняли.

– Я – гадалка Медея. Я ничего плохого не сделала, прости меня!

– Этот римлянин говорит, что ты носила пленным еду из гарема. По ночам. Говори правду, и я обещаю тебе жизнь! – грозно приказал он.

– Да, я брала хлеб, сыр, воду и мясо у твоей рабыни и относила одному пленному.

– Этому? – Сурена кивнул на Лация. Гадалка медленно обернулась и, увидев римлянина, вздрогнула всем телом.

– Да, да, – закивала она головой.

– Кто давал тебе еду?

– Девушка. Лейла, – после этих слов на какое-то время воцарилась тишина. Каждый думал о своём. До Лация постепенно стал доходить смысл происходящего, Сурена напряжённо думал, Пакор ждал, что тот ответит, а старый Абгар пытался понять, как это может повлиять на судьбу его дочери, которая стояла в это время у окна в доме напротив и тихо плакала, закусив занавеску.

– Значит, это был её платок на дороге, – догадался Сурена.

– Да, я тоже видел, как он заворачивал хлеб в какой-то цветной платок, – добавил Лабиен. – И ещё они с Варгонтом ночью плавали в реке, когда там купались твои наложницы, – как бы между прочим произнёс он. Лаций повернулся в сторону Квинта Лабиена и, если бы не окружавшие его стражники, убил бы того на месте. Сурена махнул рукой, и воины схватили Лация за руки, закинув голову назад.

– Нет, стойте! – резко выкрикнул Пакор, и Сурена понял, что правильно сделал, подождав с убийством римлян. – Он нам ещё пригодится, – добавил принц.

– Ты что, не убьёшь этого предателя? – с глупой улыбкой спросил Афрат.

– Приказ принца – закон, – спокойно произнёс визирь, повернувшись к непонятливому катафрактарию. Он видел, как кисло улыбнулся Пакор, и понял, что надо всё заканчивать. – Ты слышал? Пока его никто не будет убивать. Он нам может пригодиться.

– А этого? – Пакор кивнул на Квинта Лабиена. Сурена подумал, что молодой наследник хочет развлечений, боя и крови, но решил не потворствовать ему. Судьба послала Пакору невероятную удачу, и он сумел распознать её в лице этого предателя.

– Это – тоже твой раб, – стараясь быть вежливым, ответил Сурена и удивился, как искренне обрадовался этим словам сын Орода. – Что хочешь, то с ним и делай.

– Ты уже уходишь? – обернулся Пакор, заметив, что Сурена встал.

– Да, надеюсь, ты приятно проведёшь здесь время с остальными старейшинами, – ответил он и поклонился. Пакор растянул лицо в улыбке и раздосадовано пнул сидевшего впереди слугу. Тот покатился вниз под хохот приближённых. Всем стало весело.

– Нет, мне здесь не нравится, – неожиданно заявил он. – Охота – лучше. Лучше повеселимся вечером у Сурены, – обратился он к главам родов и тоже встал. Лация загнали за ограду, где парфяне снова стали связывать руки всем пленным. Лабиена увели в другое место. Парфяне живо что-то обсуждали, и Лаций успел в последний момент незаметно спрятать под тунику чёрный нож. И хотя он немного оттопыривался у бедра, грязь и кровь скрывали это. Потом их всех отвели в старые амбары на окраине города. Там Икадион рассказал им с Атиллой всё, о чём говорил на площади предатель Лабиен.

– Странно, он же легат. И никогда не был таким, – Лаций с трудом понимал, о чём тот говорит. Перед глазами стоял Варгонт с палкой в руках на фоне рычащих тигров.

– Плен многих людей меняет, – ответил Икадион. – Говорят, его посадили в отдельную клетку.

– Теперь этот подкидыш свиньи заведёт себе гарем и станет местным царьком, – пробурчал в другом углу Атилла. Если бы он знал, что его слова окажутся вещими, то предпочёл бы отрубить себе язык, но Атилла всегда говорил то, что приходило ему на ум.

– Варгонт, прости, – прошептал Лаций и заплакал. Неожиданно эмоции переполнили его, и он не сдержался. Икадион вздохнул и сел рядом. Атилла засопел, сделав вид, что заснул, а Лаций лежал и вспоминал своего друга. И горькие слёзы ещё долго текли по его заросшим щекам.

В это время Сурена прискакал в свой лагерь и приказал привести старшего евнуха. Предчувствуя беду, тот испуганно заполз в шатёр на коленях. Сопровождавшие визиря слуги уже успели предупредить его о происшедшем.

– Кхабж, – ледяным тоном произнёс Сурена, – тебе пора искать замену, – после этих слов старый евнух распластался на земле и задрожал. – Но будет лучше, если ты сделаешь это сам. Ты понял? – зловеще спросил визирь, но евнух не мог даже пошевелиться, не то, что говорить. – Мне больше не нужна Лейла, – медленно добавил он и подождал, пока его слова дойдут до перепуганного слуги. – Она вообще больше никому не нужна, – Сурена сделал паузу, а евнух ожесточённо застучал подбородком о землю, стараясь изобразить понимание. – Ты можешь взять её сына и вырастить из него главного евнуха, если хочешь. Иди, – закончил визирь. Ему хотелось отдохнуть перед пиром. Потому что на следующий день надо было ехать к Ороду в Экбатану.

Кхабж выполз задом из шатра и с невиданной прытью понёсся к наложницам. Он ворвался в шатёр, как ураган, держа в руках мешок. Возмущённая его грубостью Коринтия преградила ему путь и хотела что-то сказать, но он с такой силой оттолкнул её в сторону, что бедняжка отлетела в сторону и подвернула руку. Безумный взгляд евнуха вселил в неё

ужас. Наложница замерла и не дышала, пока тот расшвыривал остальных девушек. Те с ужасом разбежались в разные стороны и испуганно жались по углам. Когда он, наконец, добрался до Лейлы, та кормила грудью ребёнка, что-то напевая ему на своём родном языке. Не дав ей опомниться, он накинул на голову мешок, обвязал вокруг горла верёвку и, упёршись коленями в грудь, сдавил изо всех сил. Раздался короткий хруст, и через мгновение всё было кончено. Ребёнок ещё продолжал искать грудь матери губами, но Кхабж схватил его за ноги и потащил на свет. Прямо у входа евнух положил его на землю, достал нож и стал дёргать младенца за ноги, пытаясь развести колени в стороны, чтобы подвести лезвие под нужное место. Он несколько раз промахнулся мимо оттянутой кожи и порезал себе палец, даже не вспомнив, что в таком возрасте мальчиков никогда не кастрируют. Но страх был сильнее разума. Перепачкавшись своей кровью, он, в конце концов, зажал визжавшего младенца между ног и отрезал кожу в том месте, где обычно у малышей должны были находиться ещё не совсем заметные яички. Затем Кхабж занёс визжащего ребёнка в шатёр и бросил его рабыне-кормилице:

– Отвечаешь за него головой! Если умрёт, лучше сразу перережь себе горло! – с этими словами он вышел из шатра и нетвёрдой походкой направился к палатке евнухов. А позади ещё долго слышался крик ребёнка и причитания наложниц, оплакивавших судьбу несчастной Лейлы.

Глава Опасная игра Заиры

Паркое, душное зловоние от огромного количества людей и животных расплзлось по улицам плотным смрадом. Хмурое утро не предвещало жившим в столице Парфии людям ничего хорошего. С берегов Тигра в город поднялся плотный туман, и теперь здесь ничего нельзя было различить на расстоянии нескольких шагов. В рваных клочьях туч растворились даже цветные купола дворца сатрапа. Но визирь Сурена не обращал на это никакого внимания. Он приказал слугам собраться ещё ночью, сразу после пира, где все, включая Пакора и старейшин, пили и смеялись, пока не заснули там, где сидели. Некоторых из наиболее пожилых гостей пришлось уносить на коврах – они не могли шевелиться, не то что идти. Сурена мало пил, но всегда поднимал чашу, когда очередной вельможа с блаженной улыбкой на губах и искрами зависти в глазах произносил тост в честь сатрапа и, естественно, визиря. После того как все гости разошлись, или, скорее, разлеглись по разным местам, к нему подошёл Абгар.

– Великий победитель римлян покидает столицу? – вкрадчивым голосом спросил он.

– Да, – кивнул визирь и прищурил взгляд. Напоминать ему о словах Пакора не было смысла – араб сидел рядом и всё слышал.

– Мои кони готовы идти по твоим следам, – как всегда, осторожно произнёс Абгар.

– Зачем? – удивился Сурена. – У тебя дела в Экбатане? Или просто это по дороге в твою столицу?

– Экбатана лежит в стороне от моего города, – ответил арабский царь, – но в этом городе находится человек, который может изменить дорогу всей моей жизни. И чем раньше на ней осядет пыль, тем быстрее моё сердце обретёт покой.

– А-а, ты о дочери, – улыбнулся визирь, вспомнив Заиру. Абгару было неприятно видеть такое снисхождение, но он ничем не выразил свои чувства. Сурена пожал плечами и сказал: – Ну что ж, следуй за нами. Мы поедем через Бисутун и Конхобар. Остановимся на юге Экбатаны.

– Мы будем готовы, о, великий победитель римлян, – тихо произнёс Абгар и поклонился. Через мгновение его уже не было.

Заира выглядела уставшей и всё время молчала. Она прятала взгляд, и отец сразу заметил это. Он решил пока ничего не спрашивать и подошёл к Хантре, которая с бледным лицом лежала в углу комнаты. Старый купец, в доме которого они остановились, прислал свою повитуху. Та не только принимала роды, но и лечила всех его родных. Толстая, но проворная женщина сразу же подбежала к старой служанке и стала что-то шептать. Потом она пододвинула светильник и посмотрела ей в глаза, осторожно оттянула веки, поцокала языком и потрогала мочки ушей. Хантра открыла глаза.

– Что с тобой? – тихо спросил Абгар, продолжая краем глаза наблюдать за дочерью. Та делала вид, что разбирает какие-то вещи, но часто вздыхала и по-прежнему смотрела в пол.

– Грудь болит, – пробормотала Хантра. – Тяжело дышать.

– Что же ты так? – с удивлением покачал головой он.

– Не знаю, испугалась, может, – голос был слабый и еле слышный.

– Душа у неё заболела. Надо ветки верблюжьей колючки заварить и выпить, – сказала знахарка. – Губы синие. Давит ей грудь, вот и тяжело. Сейчас сбегая, принесу, – засуетилась она и поспешила к двери.

– Воды принеси сначала! – приказал Абгар, и та, заискивающе улыбаясь, исчезла за пологом.

– Старая я уже, наверное, стала, – как бы оправдываясь, прошептала Хантра.

– Ничего, поживёшь ещё, – он положил руку ей на плечо и кивнул в сторону Заиры: – Что с ней?

– То же самое, – вздохнула сестра. – Сердце болит.

– От чего? – нахмурился он. – Говорил, не надо смотреть. Э-эх...

– Не это, – прошептала Хантра. – Свадьбы боится. И встречи с сатрапом, – Хантра многозначительно подняла брови, но Абгар ничего не понял.

– Как боится? – в его голосе прозвучала растерянность – Ты что несёшь?

– Подожди, – дыхание старухи стало прерывистым, и она на какое-то время закрыла глаза. Абгар посмотрел на Заиру. Дочь стояла у окна, прижав к груди покрывало, и кусала губы. Щёки у неё покраснелись, и этот румянец постоянно менял оттенок – от нежно-абрикосового до цвета спелой вишни. Он ещё никогда не видел её такой взволнованной. Сестра приоткрыла глаза и повернула к нему голову. – Вчера сказала мне, что боится первой ночи, – одними губами прошептала она. Абгар озадаченно хмыкнул и сдвинул брови. От сердца отлегло. Он хотел что-то сказать, потом передумал, затем снова открыл рот и снова ничего не сказал. Может, это и страшно, но все девушки боятся этого. Что ж тут такого? Заиру надо было успокоить, но он не знал, как это сделать.

Вскоре вернулась толстая повитуха. Она опустила перед ним мешок с водой и сразу же занялась Хантрой: подложила ей под голову несколько подушек, протёрла лицо, дала понюхать мешочек с сухой полынью и отошла за горячей водой, чтобы заварить красные цветки какого-то растения.

– Ладно, пойду поговорю с ней, – чувствуя себя ненужным, произнёс Абгар. – Завтра утром выезжаем в Экбатану. Все вместе. Пакор приехал за Суреной. Ород зовёт его к себе. Мы поедем за ними. Тебя здесь не оставляю, – он встал и подошёл к Заире.

– Отец! – вздрогнула та, испугавшись его прикосновения к плечу.

– Ты что, дочка? – настороженно спросил он. – На тебе лица нет. У тебя жизнь только начинается, а ты уже так сильно волнуешься. Что случилось?

– Отец... – отчаянно произнесла Заира и на вдохе замолчала. Потом с болью выдохнула и сказала: – Я не знаю, как я буду... как вести себя с сатрапом. Он старше меня. И я вообще не знаю, что делать. Это так страшно! – её лицо вдруг вспыхнуло ярким румянцем, и Заира спрятала его в ладонях.

– Ну, ну, ну, успокойся, – он по-отечески снисходительно погладил её по голове и улыбнулся. Страхи дочери были понятны. Этот детский стыд всегда выдаёт молодых девственниц, которые ещё вчера играли с другими девочками в детские игры, а сегодня уже должны были стать женщинами. – Твоя мать тоже боялась меня, – в его голосе прозвучала глубокая грусть. – Но ты видишь, какую красавицу она родила! И ты помнишь, как она любила тебя и наш дом.

– Да, отец. Но она никогда не рассказывала мне, что делать... в первую ночь, – Заира подняла на него полные отчаяния и мольбы глаза, но Абгар отвёл взгляд в сторону.

– Она не успела. Ты была маленькая. Хантра расскажет. Позже, – пробурчал он. – Поправится и расскажет. Когда станет лучше. Завтра мы уезжаем. Сурена едет к сатрапу в Экбатану. Мы – с ним. Сейчас самый удобный момент для встречи с Ородом, – он хотел ещё что-то добавить, но дочь округлила глаза и сделала такое лицо, что Абгар вопросительно поднял брови и остановился. – Ты что? – её поведение снова насторожило его.

– Уже завтра? – с отчаянием прошептала она.

– Да, завтра, – кивнул он и встал.

– Мы поедем одни? – с какой-то непонятной надеждой в голосе спросила Заира.

– Нет, не одни. Ты, я и она, – Абгар кивнул в сторону Хантры. – Все наши воины поедут. Возьмём ещё десятка три верблюдов.

– А разве ты не будешь продавать своих пленных? – прозвучал странный вопрос.

– Продавать? – Абгар внимательно посмотрел на неё. – Зачем? Все наши пленные сегодня уже отправились в Эдессу. Лучше будем держать их там. Я надеюсь, что римляне захотят их обменять и дадут за них больше золота, чем местные купцы.

– Да, ты прав, – тихо согласилась Заира. – А что будет с остальными пленными?

– Не знаю. Наверное, Пакор продаст на рынке. Завтра. Или отправит на другой берег строить новый дворец в Ктесифоне. А почему ты это спрашиваешь? – насторожился он.

– Просто так. Значит, царевич Пакор не поедет с нами? – попыталась отвлечь отца Заира.

– Нет.

– Тебе, что, он нравится? – с подозрением спросил Абгар.

– Нет, ты что! – замахала руками дочка, и в её словах было столько искренности, что он успокоился. – Мне больше нравится Сурена, – добавила она и покраснела.

– О Сурене забудь! – прошипел Абгар, приблизившись к ней, чтобы его не слышали Хантра и знахарка. – И никому об этом не говори! – в его глазах промелькнули злость и решительность.

– Ты, что, отец? – испугалась Заира. – Конечно, забуду. Он не нравится мне как мужчина. Просто всегда много шутит и у него такие весёлые пиры! Вот и всё, – обиженно добавила она.

– Всё равно, забудь о нём. И не произноси его имя! Поняла? – сузив глаза, повторил он.

– Да, – Заира испуганно опустила взгляд, вдруг осознав, что отец говорит это не просто так.

– Всё, сиди и жди, когда тётка придёт в себя. Потом поговори с ней, – с этими словами Абгар вышел из комнаты, оставив её одну со своими мыслями и страхами. Заира ничего не сказала отцу об истинных причинах своего волнения. Единственным человеком, с которым она могла поделиться, была Хантра. Но Заира хорошо усвоила урок обмана, который та преподавала ей в пустыне, и теперь обдумывала, как узнать у тётушки всё, не говоря в ответ ничего.

– Ой, какая горькая твоя вода, – кривилась в это время старуха, допивая последние глотки отвара, сделанного знахаркой.

– Пей, пей, лучше будет, – улыбалась та.

– Слушай, у тебя есть какая-нибудь трава для сна? – тяжело дыша, спросила её Хантра.

– Для сна? – удивилась толстуха. – Конечно, есть. А тебе зачем? Не можешь заснуть?

– Не могу, – призналась та и схватилась руками за голову. На её лице отразилась боль. – Всю ночь мучилась. Завтра уезжаем. Ехать далеко. Не хочу лежать с открытыми глазами. Хочу поспать.

– А-а! – многозначительно подняла брови служанка купца. Она уже смаковала новость, которую первой расскажет своим подругам об отъезде Абгара, и в то же время прикидывала в уме, что можно было предложить его сестре. – Знаешь, тут тебе надо совсем другое. Чтобы целый день спала. Но для тебя это даже лучше, – назидательно добавила она. – Есть у меня! Сейчас принесу. Это протёртые цветы. Нард⁸ там, хурум⁹ и сикэ¹⁰. Пыль одна. Почти незаметная. Поэтому будь осторожна! Не вдыхай её. Только две щепотки добавь в воду и выпей. И завяжи в несколько платков. Или лучше в мешочек кожаный положи. А то надышишься и посреди базара заснёшь! – рассмеялась она, и широкие складки на животе и подбородке словоохотливой знахарки затряслись в такт её веселому смеху.

Дождавшись мешочка с травой, Хантра поблагодарила служанку и отпустила её к себе. Проводив до двери взглядом толстую фигуру, она повернулась к Заире и махнула рукой:

– Иди сюда! Отец просил объяснить тебе, что делать в первую ночь с сатрапом. Слушай, вдруг что со мной случится! Сначала тебя помогут и наденут белое покрывало. Это долго будет.

⁸ Валериана

⁹ Душица

¹⁰ Лаванда

Терпи. Потом придёт главный евнух и приведёт двух рабынь. Вы пойдёте в большую спальню. Всё время смотри себе под ноги. По сторонам не смотри. Не вздумай! – Хантра остановилась, чтобы отдышаться, и потом продолжила тонким, скрипучим голосом: – В спальне будешь стоять и ждать сатрапа. Рабыни натрут тебя розовым маслом. Дадут чашу с вином. Туда надо долить воды. Только немного. Пусть вино будет крепче. Это лучше, чем слабое. Когда зайдёт, дай ему. Глаза не поднимай. Ну это тебе ещё объяснят там, во дворце. После этого вы пойдёте к кровати. Будешь делать всё, что он скажет. Скажет танцевать, значит, танцуй. Скажет лечь, значит, ложись. Поняла? И слушай только его!

– А если он молчать будет? – поинтересовалась Заира.

– Как это? – удивилась старуха. – Сатрап не может молчать. Это же первая ночь! Ляжешь на спину и поднимешь колени повыше. Так легче будет.

– Точно? А если он заснёт или что-нибудь ещё... Или не придёт. Может такое быть? – с любопытством продолжала расспрашивать она.

– Нет, нет, нет! Это же первая ночь! – внезапно она остановилась, и наморщив лоб, пожевала губами. Затем покачала головой и уже совсем другим голосом добавила: – Хотя может и заснёт... да, да, ты права, такое бывает. Точно было такое у одного... Хм-м... Но если он заснёт... О-о! Это – беда... Тогда сделай так: обними его ноги своими ногами. Засунь руки между ног ему, внизу живота, и зажми так крепко, как будто доишь кобылицу. Он должен проснуться. Запомни, утром все должны видеть твою кровь на шёлковой ткани и его семя – тоже. Да, такое бывает, что мужчина не может донести его до твоего тела, но след должен остаться! – было видно, что Хантра устала. Она делала перерывы всё чаще и тяжело дышала.

– Хорошо, тётя, – задумчиво протянула Заира. – Я всё поняла. Сделаю, как ты сказала.

– Лучше делай так, как скажет сатрап. И улыбайся. В постели не отворачивай от него лицо. Поняла?

– Да.

– Так, теперь дальше слушай! Завтра утром, когда поедем, я лягу поспать немного. Дорога длинная. Вот, смотри, знахарка принесла траву для сна. Разведёшь утром полщепотки в воде и дашь мне выпить. Только не больше, слышишь? А то помру. Поняла? – она выжидающе посмотрела на Заиру. Девушка кивнула головой, не спуская глаз с мешочка в руках старой служанки. – Делай всё медленно. Не спеши. Нос завяжи платком, когда будешь насыпать. Мелкая очень. Не вдыхай! Поняла? Потом положи её в два мешочка и завяжи в платок. Найди кожаный и спрячь туда. Так надёжней будет, – она отдала ей узелок и, откинувшись головой на подушки, тяжело задышала. Заира молчала и задумчиво смотрела на лёгкий комочек ткани, который лежал у неё на ладони. И в голове у неё рождались мысли, далёкие от того, что попросила её сделать тётюшка Хантра.

Глава Рим узнаёт о разгроме армии Красса

За то время, пока воины Сурены гнали пятнадцать тысяч пленных в столицу Парфии, в римской провинции Сирия произошли большие изменения. Квестор Гай Кассий сумел добраться до Зевгмы, где собрал оставшихся легионеров. Их набралось чуть более четырёх тысяч. Эгнатий Аврелий Тит, сбежавший со своими всадниками с поля боя, был объявлен предателем. Для жителей этой провинции тоже наступили тяжёлые времена. Кассий назначил себя временным наместником и стал собирать налоги. Помимо этого он объявил принудительный набор в армию. Теперь уже откупиться от этой повинности никто не мог. В результате принятых мер, у него появились два легиона пехоты и полторы тысячи всадников – всего около десяти с половиной тысяч человек.

Но перед этим он отправил в Рим посланника с известием о поражении Марка Красса и полном разгроме армии. Для этой цели был выбран центурион Марк Октавий, который чудом выжил в первый день под Каррами, потом оказался одним из двадцати легионеров Варгонта, которых отпустил живыми парфянский визирь Сурена, и, наконец, именно ему удалось в последний момент вырваться из кольца парфянской конницы благодаря приказу Лация.

Гай Кассий долго беседовал с ним перед отплытием и предупреждал, что разгневанные сенаторы могут принять любое решение. Причём, даже в отношении его самого. Но центурион был готов ко всему. Он считал, что в поражении есть часть его вины, и не снимал с себя ответственности за то, что остался жив. Он оказался настоящим римлянином, и Кассий со спокойной душой отправил его в Рим. Этот человек не стал бы врать и выгораживать себя, стараясь избежать наказания. Большого нельзя было и желать.

В Риме тем временем шла внутренняя борьба между двумя партиями. Семь месяцев безвластия, когда город оставался практически без управления, закончились предложением Сената выбрать Гнея Помпея диктатором для восстановления порядка. Но Помпей испугался, что у народа ещё сильны воспоминания об ужасных временах единовластного правления Суллы. Он отказался от диктаторства и вместо этого ввёл в город свои войска, чтобы обеспечить выборы новых консулов и других городских магистратов. Так консулами стали небезызвестный Марк Валерий Мессала Руф, отец Эмилии Цецилии, и Гней Домитий Кальвин.

Жизнь в Риме начала постепенно налаживаться, но через полтора месяца после выборов из Азии вернулся со страшным известием центурион Марк Октавий. Новость о поражении римской армии мгновенно разлетелась по городу, и многие содрогнулись, вспомнив проклятие Атея Капитолина перед выходом войска Марка Красса из Рима.

Заседание Сената началось ранним утром. На Форуме к этому времени собралась почти половина населения города, ожидая, когда гонцы с Капитолийского холма передадут последние новости из здания, где в этот момент расспрашивали живого свидетеля страшных событий.

– Центурион Марк Октавий, ты был с триумвиром Марком Лицинием Крассом во время битвы с парфянами? – дрожащим от волнения голосом спросил консул Мессала Руф, открывая слушания Сената.

– Да, – коротко ответил легионер. Его лицо было открытым и мужественным, он старался отвечать спокойно и твёрдо, но при этом никак не мог поднять взгляд и всё время смотрел в пол.

– Расскажи нам и народу Рима, что произошло в этой далёкой провинции, потому что мы уже и так переполнены слухами, один страшнее другого.

Центурион провёл ладонью по лбу, как бы стараясь избавиться от нахлынувших воспоминаний, потом вздохнул и, помня наставления Гая Кассия, начал свой рассказ с того момента, когда Красс приказал двигаться к Каррам.

Когда он дошёл до предсказаний жрецов и гадания на печени, один из сенаторов наклонился к своему соседу и, не поворачивая головы, тихо прошептал:

– Помнишь, Клавдия Пульхера¹¹ на флоте? У Карфагена? Тоже отказался слушать жрецов. Куры тогда не захотели клевать зерно. Так он утопил их всех в море. Вот Нептун потом и отомстил ему за это.

– Да, да... – заохал испуганно собеседник. – Как такое забудешь?

Центурион тем временем рассказывал о гибели сына Красса. Патриции в ужасе слушали, а когда он закончил, долгое время молчали.

– Ты сам это видел? – наконец, спросил кто-то.

– Нет, я видел только их головы... Публия, Октавия и Мегабакха, – хриплым голосом произнёс он. В Сенате воцарилась гробовая тишина. Этого было достаточно, чтобы признать их мёртвыми.

– Хм-м, а легат Лаций Корнелий, который спас тебя? Он выжил? – осторожно спросил Мессала Руф. Он знал, что вечером ему зададут этот вопрос в другом месте.

– Не знаю. Я точно не могу сказать. Наверное, он погиб. Они с Варгонтом прикрывали наш отход. Он приказал мне взять лошадь и ехать в Синнаки. Они остались там. Вокруг были горы тел, я видел это. Когда я поскакал, он был живым. Дальше – не знаю. Может быть, их взяли в плен. Но я не знаю, честно, не знаю... Клянусь Марсом! – на него жалко было смотреть – центурион снова переживал то сражение, в котором, как он считал, ему, к несчастью, удалось выжить. Он сглотнул слюну, чувствуя, как пересохло в горле. – Он спас мне жизнь. Два раза... я должен был погибнуть, но он прикрыл меня щитом, – было видно, что ему очень трудно говорить.

– Жаль, – пробормотал консул Мессала, но его никто не услышал.

– Воистину, парфяне готовились к войне с Крассом, а он – нет! – назидательно заметил Катон Младший громким голосом, однако его никто не поддержал. Сенаторы продолжали переживать и обдумывать то, что услышали.

Когда центурион описал гибель Марка Красса, на задних рядах стали перешёптываться о его наследстве и количестве оставшихся вилл.

– А что случилось с орлами? – этот вопрос с задних рядов прозвучал, как гром, и его эхо ещё долго звучало под сводами огромного зала, не желая стихать. Все сенаторы заёрзали на своих местах. Наконец, центурион Марк Октавий собрался с духом и произнёс еле слышным голосом:

– Кажется, почти все, кроме одного... Кроме орла второго легиона. Это был легион легата Октавия, который там... остался наверху под Синнаками... и не вступил в бой... а остальные... все у парфян... – сгоравший от стыда воин опустил голову и замолчал. Он готов был умереть, лишь бы не отвечать на этот вопрос. Гай Кассий предупредил его об этом, но выбора не было.

– И это всё?... – с наивным удивлением спросил второй консул Гней Домиций. В его голосе была какая-то непонятная растерянность. В этот момент из глубины рядов кто-то выкрикнул: «Позор!», и его лицо сразу же изменилось. Он не мог поверить, что все орлы, которые представляли собой дух и символ легионов, оказались в руках врага. Этого не ожидал никто, потому что их потеря означала расформирование легионов и несмыаемый позор для всех оставшихся в живых, даже если они были не легионерами, а простыми гражданами Рима. Неожиданно Марк Октавий воспрянул, как будто вспомнил что-то важное, что могло бы хоть как-то спасти его от позора и презрения сенаторов. Он с жаром воскликнул:

---

¹¹ В 249 г. до н. э. римский военачальник Публий Клавдий Пульхер в войне против карфагенян командовал римским флотом. Он не послушал жрецов, которые сказали, что священные цыплята отказались клевать зёрна. Это было очень плохой приметой. Публий Клавдий Пульхер схватил цыплят и бросил в море, сказав: «Ну, если они не хотят есть, то пусть тогда попьют водички!». На следующий день его флот был на голову разгромлен в битве с карфагенянами.

– Двух орлов и знамя спасли легат Лаций Корнелий и Варгонт Рукумон! Они отбили их у железных всадников на склоне, во время отступления! Им помог один либертус, он умел стрелять из парфянских луков. Он ранил двоих железных всадников, а Лаций Корнелий бросил меч и сбил ещё одного с лошади! Но это было после первого боя, когда консул отдал приказ к отступлению. В пустыне, под Каррами...

– Этого легата надо найти и спасти, – осторожно предложил консул Мессала Руф, но в ответ услышал жёсткий ответ Катона:

– Надо было защищать орлов, а не спасать их! Если все они у парфян, какая разница, что было до этого?

Выслушав рассказ центуриона до конца, сенаторы ещё долго задавали вопросы, но ужасная картина происшедшего уже была ясна: Рим потерял огромную армию, Армения перестала быть союзницей, и в Азии теперь возникла новая сила, которая стала угрожать этой восточной провинции Римской Республики.

Глава Раб и госпожа

Жизнь в Риме продолжалась, как и раньше. Весталка Лициния, узнав о гибели Марка Красса, подала в суд. Сначала некоторые «внутренние» противоречия не позволяли судьям принять единогласное решение, хотя договор чётко и ясно определял права весталки на дом. Они долго ссылались на важное правило «habeas corpus»¹², которое для вынесения судебного решения требовало наличие тела или места погребения со свидетелями. Когда же через месяц вернулись ещё несколько легионеров, которые своими глазами видели гибель консула, кто-то из судей попытался возразить, что договор нельзя исполнить, потому что «тело величайшего из римлян не было предано земле». Патетичного оратора быстро успокоили, и Лициния, в итоге, получила свой дом обратно. Когда она впервые перешагнула порог, перед ней предстали почти все те предметы, которые она помнила с самого детства и которые уже должны были потеряться или исчезнуть.

– О боги! Как же так? Мои Пенаты¹³! Благодарные Лары¹⁴, как же так? – вместо приветствия бормотала она, не веря своим глазам.

– Госпожа, приветствуем тебя в твоём доме, – раздался низкий грудной голос, и Лициния, обернувшись, увидела высокого сильного раба средних лет, который смотрел на неё полным обожания взглядом.

– Ты кто?.. Управляющий?

– Да. Меня зовут Табер, – он склонил голову в поклоне. – Мы узнали о гибели Марка Красса и скорбим об этом. Мы старались всё здесь сохранить. Мы думали, что тебе будет приятно увидеть свой дом таким.

– Но где вы всё это взяли? Мне уже столько лет, а этим вещам и того больше... – Лициния от удивления моргала глазами и постоянно оглядывалась, чем несказанно радовала присутствовавших в атриуме слуг. Табер тем временем стал рассказывать, как они искали и восстанавливали старые вещи с другими слугами, а потом долго отвечал на её вопросы. И тут Лициния вдруг вспомнила, что в доме Марка Красса, кажется, тоже служил раб с таким же именем...

– Табер, – с замиранием сердца спросила она, – ты был рабом Марка Красса?

– Да, – опустив взгляд, ответил он.

– Ты был в доме Марка Красса в тот день, когда я приезжала обсудить продажу дома? – вдруг вспомнила она, вновь испытав испуг и боль, которые хранила в сердце все эти долгие годы.

– Ты приезжала несколько раз, госпожа, – уклончиво ответил тот. – Но я всегда был рядом, – большая кучерявая голова склонилась в поклоне. Сердце Лицинии бешено заколотилось, и на лице выступил румянец. Она не понимала, что с ней происходит, но чувствовала, что от этого раба исходят только добрые намерения.

– А в тот день, когда у Красса был накрыт фруктовый стол? Ты был там? – прошептала она.

– Я сам готовил этот стол. Справа от входа стояли персики из Капуи, дальше, до самого центра – цизальпинские яблоки, слева были финики из Сирии, ближе к проходу – виноград с южных склонов...

---

¹² «Habeas corpus» – предъяви тело.

¹³ Пенаты – божества, которые наряду с другими (ларами) считались у римлян покровителями домашнего очага.

¹⁴ Лары – божества, покровительствующие дому, семье и общине в целом. Фамильные лары были связаны с домашним очагом, семейной трапезой, с деревьями и рощами, посвящавшимися им в усадьбе.

– Не надо! – вспыхнув, как факел, прервала его Лициния и задохнулась на вдохе, не зная, что сказать.

– Госпожа, – тихо, почти шёпотом, произнёс Табер, приложив руку к груди, – не бойся в этом доме никого. Послушай меня, прошу тебя... Я долго ждал этого дня... Но сейчас я решил тебе всё рассказать... Видят боги, моя любовь к тебе настолько сильна, что все эти годы я хранил её в своём сердце. Я боялся сказать тебе, – неожиданно признался он. Лициния слушала его, поражённая не только этим признанием, но и тем, как изысканно и красиво говорил этот раб. Он поднял на неё взгляд, и, увидев его глаза, она всё поняла. Табер знал об их тайной встрече с Крассом. И все эти годы хранил тайну. Вдруг он улыбнулся и сказал: – Подожди! Если ты не веришь, я докажу тебе это. Подожди, пожалуйста! – с этими словами он быстро вышел, не дав ей даже возможности что-то возразить. Вернувшись, он с улыбкой протянул какой-то предмет. – Вот, я храню это с тех пор, – на столике перед Лицинией лежали небольшая брошь и тонкий пояс-подвязка. Несколько мгновений она немигающим взглядом смотрела на эти вещи, не в силах признаться себе, что это была именно та брошь и тот пояс, которые она по неосторожности выронила из корзинки в тот злополучный день, а потом так долго искала повсюду...

Лициния долго молчала. Голова была тяжёлой, и в висках сильно стучало. Табер тоже не решался прервать её молчание и ждал.

– Я должна подумать, – наконец, выдавила она из себя сухие, холодные слова и сразу же увидела, как ужасно они прозвучали для Табера. Он вздохнул и сник, плечи опустились, руки безвольно повисли вдоль тела и на лбу залегли две глубоких складки. – Табер! – резко позвала она. – Табер! Ты – очень хороший человек! Я, наверное, обидела тебя. Но если ты столько лет хранил эти... эти вещи, то... – она сама задыхалась от переполнявших её чувств, – то как я могу отблагодарить тебя? Ты достоин самой большой награды... Я решила... – Лициния на мгновение замолчала, ещё раз прислушиваясь к своему сердцу. Но оно билось радостно и ровно. – Я решила, что ты должен быть свободным человеком, – решительно произнесла она. Эти слова вызвали в его душе ответные чувства. Он сделал шаг вперёд, потом протянул к ней руки, как бы желая обнять, остановился, оглянулся по сторонам, затем развёл руки в стороны и снова опустил их, схватился за голову, запустил пальцы в волосы и рассмеялся.

– Это правда, госпожа?

– Да. С сегодняшнего дня ты – Лициний Корнелий Табер. И, поверь, все члены семейства Сцеволы поддержали бы меня в этом решении.

– Госпожа, госпожа... – качая головой, повторял потрясённый Табер. Он упал на колени и обнял её ноги, потом стал целовать сандалии.

– Не надо, встань! – приказала она. Табер медленно поднялся, и, посмотрев ему в глаза, Лициния почувствовала себя маленьким деревцем под высоким утёсом. Она обняла его за шею и прижала к себе большую, кучерявую голову. Табер неудобно согнулся, ткнувшись лбом ей в плечо, потом вдруг подхватил Лицинию под руки и крепко прижал к груди. Она рассмеялась, болтая сандалиями в воздухе, и впервые в жизни почувствовала себя по-настоящему счастливой.

Глава Трудное решение Эмилии

В это время в другой части Рима Эмилия Цецилия молча слушала рассказ Марка Мессалы Руфа. Она не проронила ни слова, и когда он закончил, тихо ушла на свою половину. Там она подошла к большому сундуку и достала несколько вещей, которые принадлежали Лацию.

На следующий день она принесла дары в храме Весты и Юпитера, отдала весталкам белого петуха, в которого должна была переселиться душа умершего, и оставила его в храме. Там же она оплатила два десятка наёмных плакальщиц, которых доставили туда либитинарии¹⁵. Женщины под звуки флейт и лиры до самого вечера пели в честь покойника погребальные песни, и Эмилия слушала их до появления первых звёзд. Никто не упрекнул её в нарушении традиций и обрядов похорон, потому что всё было щедро оплачено золотом. Остальные семь дней из восьми она провела в доме одна, со своими рабынями, скорбя и вспоминая прошлое. Но никто, кроме Марка Мессалы Руфа, этого не видел. На восьмой день жрецы должны были совершить обряд с петухом. На следующее утро к Эмилии пришёл главный авгур. Он сказал, что птица оказалась слишком злой и несколько раз вырывалась из рук помощников. Она явно не хотела умирать. Даже когда петуху отрубили голову, он вскочил и отбежал к стене храма. Причём без головы! Все были испуганы таким знамением. Но жрец знал, что душа не хотела вселяться в тело петуха, потому что она не умерла. Она ещё была в теле того человека, которого оплакивала Эмилия. Такими были его слова. После этого она полдня не могла прийти в себя, а потом сразу же поспешила к Марку Мессале Руфу. Несколько месяцев они безуспешно пытались найти хоть кого-то, кто знал, где находится Лаций Корнелий, чтобы выкупить его из плена. Люди Руфа добрались даже до арабского города Эдессы, где продавалось больше всего рабов, но Лация среди них не оказалось. Единственное, что им удалось узнать, так это то, что небольшую часть легионеров погнали на север Парфии, но куда и в какой город, никто сказать не мог.

Постепенно Эмилия смирилась с неизбежным, хотя в глубине души верила, что Лаций жив. Однако у неё была ещё одна проблема, которая начинала доставлять всё больше и больше хлопот. Беременность стала давать о себе знать плохим самочувствием и тошнотой, настроение часто менялось, и Эмилия постепенно перестала мучить Мессалу Руфа своими просьбами. Она даже разрешила принимать Квинта Орату, который старался почти каждый день приходиться к ней в дом. Безнадёжно влюблённый в Эмилию, он поклялся бросить к её ногам всё богатство своего знаменитого отца, который первым изобрёл подогрев пола в термах и бассейнах, а потом – в атриумах и домах. Ради неё он даже съездил в Азию и встречался там с Гаем Кассием. Но тот, к сожалению, тоже ничего не знал. Вернувшись с его письмом и подробным описанием последней встречи с Лацием, Квинт Ората долго ждал ответа, и после этого Эмилия впервые согласилась с ним поговорить. Она осторожно пообещала ему подумать о его предложении. Однако рано или поздно, но решение всё равно пришлось бы принимать. Женское сердце разрывалось на части, но материнский инстинкт подсказывал, что ребёнку нужен был отец. Тщательно всё обдумав, она написала Квинту письмо, сообщив, что боги наконец дали ей знак и они могут встретиться и обсудить его предложение. Но сначала надо было договориться об одном условии. Квинт Ората должен был согласиться с усыновлением ребёнка. Тот был настолько рад неожиданно свалившемуся на него счастью, что пообещал Эмилии любить его как своего собственного. Так для неё началась подготовка к новой и неизвестной семейной жизни, однако неясная тревога и ощущение неправильного выбора остались в душе на долгие годы.

---

¹⁵ Ответственные за похороны.

До Галлии новости из Рима доходили с небольшим опозданием. Гай Юлий Цезарь к моменту гибели Красса был серьезно озабочен ухудшением положения на севере Римской Республики. Его это волновало больше всего. Здесь, на дальней границе, скапливались большие силы разных племён. Неизбежность войны становилась очевидной для всех. В Риме в это время умерла его дочь Юлия. Она была замужем за Помпеем. После этого тот перестал писать и общаться с ним. Отношения между ними охладели и полностью прервались. Гней Помпей, чтобы прекратить беспорядки, ввёл свои войска в Рим и почувствовал себя единоличным правителем. Узнав о гибели Марка Красса, Цезарь сразу понял, что теперь ему придётся бороться со вторым триумвиром. И будет это уже не за столом переговоров.

После выборов консулов Помпей встретился с Эмилией Цецилией Секундой у торговца Квинта Ораты, который устроил пир в новом доме в честь своего отца. На самом деле он праздновал свой договор с Эмилией, который она попросила его пока не разглашать. Поэтому на обеде они держались скромно. Однако Квинт не мог скрыть своё счастье. Надев белоснежную тогу из самой дорогой ткани, которую только можно было найти в Риме, он с сияющим лицом и радостной улыбкой расхаживал между гостями, хваля их одежду, обувь, фигуру, причёски женщин и даже рабов. Квинт показывал гостям бассейны с устрицами и обещал построить такие же за полцены. Все видели, что молодой Ората изрядно приумножил состояние своего деда и отца. В последние годы он не только строил, но ещё поставлял в дома аристократов редкие продукты из разных провинций. Это тоже оказалось выгодным делом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.